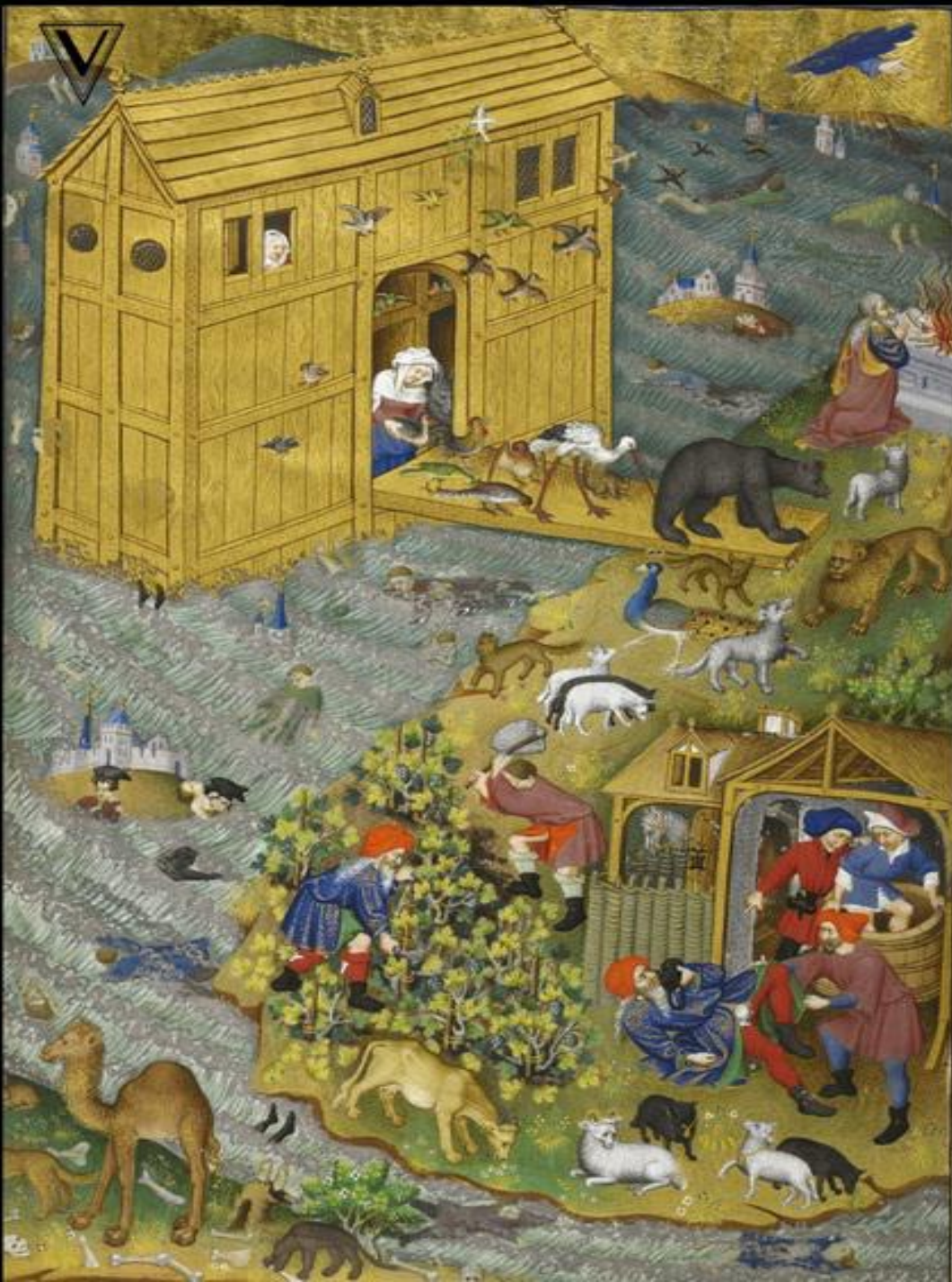

РЕДНЕВЕКОВЬЕ

полная история эпохи

САМОЕ ПОЛНОЕ ОПИСАНИЕ ЖИЗНИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Annotation

Средневековье. Самая спорная и противоречивая эпоха в истории человечества. Одни воспринимают ее как времена прекрасных дам и благородных рыцарей, менестрелей и скоморохов, когда ломались копья, шумели пиры, пелись серенады и звучали проповеди. Для других же Средневековье — это время фанатиков и палачей, костров инквизиции, вонючих городов, эпидемий, жестоких обычаев, антисанитарии, всеобщей темноты и дикости.

Неужели правда, что рыцари и вообще люди в Средние века были маленького роста — не выше полутора метров, а те, кто достигал нынешних средних 175 см считались чуть ли не гигантами? И в Средневековье на самом деле никто кроме монахов не умел читать и писать, мылись всего два раза в жизни — после рождения и перед смертью, жутко воняли и кишели блохами? И меч весил 20 кг, а доспехи все 100, поэтому рыцаря поднимали на коня с помощью лебедки, и в туалет ему ходить приходилось прямо в доспехи, потому что их было просто не снять?

Новая книга серии «История на пальцах» поможет разобраться, что к чему.

- [Кэтрин Грей](#)
  -
  -
  - [Вступление](#)
    -
    - [Что же такое средневековье?](#)
    - [Периоды средневековья](#)
    - [Мифы или не мифы?](#)
    - [Верить или не верить?](#)
  - [От рождения до смерти](#)
    - [В 30 лет — уже старуха...](#)
    - [А что насчет выживших?](#)
    - [Можно ли верить цифрам?](#)
    - [Средневековый старик](#)

- [У кого хватит смелости назвать женщину старухой?](#)
- [Старухи по закону](#)
- [Старые или пожилые?](#)
- [Возраст любви](#)
- [«Ложка дегтя»](#)
- [Брачный возраст](#)
- [Возраст Джульетты](#)
- [А что на самом деле?](#)
- [Женщины для короля](#)
- [Жены Генриха VIII](#)
- [Возвращаемся в средневековье](#)
- [Сложный вопрос](#)
- [Мнение церкви](#)
- [Брак с сексом и без него](#)
- [Крестьянский брак](#)
- [Немного выводов](#)
- [Детство](#)
- [Юность — права и обязанности](#)
- [Воспитание и образование](#)
  - [Рождение книги](#)
  - [Что читали в средневековье?](#)
  - [Карл Великий](#)
  - [Ричард Львиное Сердце](#)
  - [Возвращаясь к образованию и воспитанию...](#)
  - [Крестьянские подростки](#)
  - [Городские подростки](#)
  - [Ученики ремесленников](#)
  - [Сыновья дворян](#)
  - [Девочки, которым не надо было работать](#)
  - [Письма пасторов](#)
  - [Женское образование — теория и практика](#)
  - [Школьное образование](#)
  - [Уровень грамотности](#)
  - [Чтение и письмо](#)
  - [Средняя школа](#)
  - [Высшее образование](#)

- [Средневековые университеты](#)
- [Средневековый университет](#)
- [Брак, секс и деньги](#)
  - [Зачем нужно жениться? Мнение первое — церковное](#)
  - [Мнение второе — практическое](#)
  - [А как же любовь?](#)
  - [Любовь — теория и практика](#)
  - [Практичные горожане](#)
  - [«Жениться по любви не может ни один король...»](#)
  - [От гражданского брака к церковному.](#)
  - [More danico](#)
  - [Конкубина](#)
  - [Христианский брак — единый и нерасторжимый](#)
  - [Священники — тоже мужчины](#)
  - [Кто выиграл от христианского брака?](#)
  - [Секс — теория](#)
  - [Супружеский долг](#)
  - [Оргазм](#)
  - [Контрацепция по-средневековому](#)
  - [Оргазм — научное обоснование](#)
  - [Пособия по сексу](#)
  - [Средневековый развод](#)
  - [Мнение церкви](#)
  - [Развод в раннем средневековье](#)
  - [Право на развод](#)
  - [Дело случая или расчет?](#)
  - [Импотенция](#)
  - [Развод с импотентом — процедура](#)
  - [Право «разъехаться»](#)
  - [Неудачная сделка](#)
  - [Английское брачно-семейное право](#)
  - [Церковный суд](#)
  - [Брачное обязательство](#)
- [Средневековая женщина](#)
  - [Сосуд греха](#)

- [Есть ли у женщины душа?](#)
- [Дева Мария](#)
- [Девственность](#)
- [Девственность или материнство?](#)
- [Немного цифр](#)
- [Изменения в положении женщин в высокое средневековье — теории специалистов](#)
- [Женщина высокого средневековья](#)
- [Женщина позднего средневековья](#)
- [Добродетельная женщина](#)
- [Смирение, скромность и умеренность](#)
- [Молчаливость](#)
- [Трудолюбие](#)
- [Милосердие](#)
- [Послушание](#)
- [Любовь к мужу](#)
- [Равноправие](#)
- [Юридическое бесправие](#)
- [Женщина-ребенок](#)
- [Плюсы женского юридического бесправия](#)
- [Что из всего этого получалось на практике](#)
- [Можно ли бить жену?](#)
- [Средневековый фарс](#)
- [Парижский горожанин](#)
- [Повторные браки](#)
- [Книга парижского горожанина](#)
- [Немного о правах женщин](#)
- [Брачный контракт](#)
- [Вдовья доля](#)
- [Вдовы](#)
- [Вдове право](#)
- [Завещания](#)
- [Завещание Уильяма Берда](#)
- [Работающие женщины](#)
- [Женщины-ремесленники и женщины-купцы в Германии](#)
- [Женщины обычных и необычных профессий](#)
- [Женщины-медики](#)

- [Женщины-врачи](#)
  - [Мытая Европа](#)
    - [Грязное средневековье](#)
    - [Изабеллы испанские: оболганная королева и забытая принцесса](#)
    - [Все дело в ванне](#)
    - [Да здравствует мыло душистое](#)
    - [История мыла в средневековой англии](#)
    - [Блохи](#)
    - [Как мылись в средневековом париже](#)
    - [Ванны в средневековом лондоне](#)
    - [Как мылись небогатые англичане](#)
    - [Бани в разных странах европы](#)
    - [Средневековая канализация](#)
    - [Средневековые туалеты](#)
    - [Грязь на улицах](#)
    - [Манеры и поведение за столом](#)
  - [Средневековый рыцарь](#)
    - [Рыцарь и дворянин](#)
    - [Рождение рыцарства](#)
    - [Человек в доспехах и с мечом](#)
    - [Рыцарь или консервная банка?](#)
    - [Вес доспехов](#)
    - [Подвижность в доспехах](#)
    - [Турнирный доспех](#)
    - [И конечно запах](#)
    - [Меч](#)
  - [Послесловие](#)
  - [Литература](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
-

Кэтрин Грей

Средневековье. Полная история эпохи

© ООО «Издательство АСТ», 2019

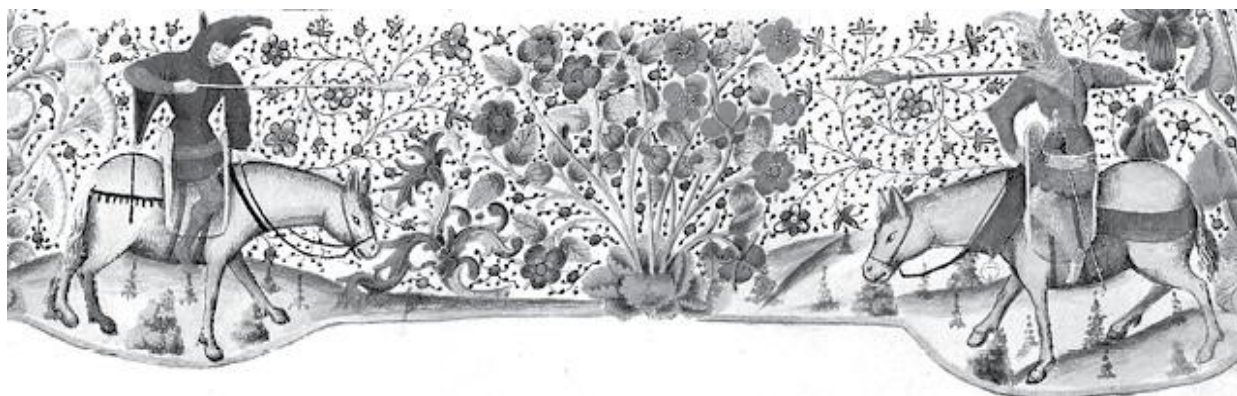
* * *

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь, сотрудничество и предоставленные материалы общественной организации «Доблесть веков», а также писательнице Милле Коскинен, канд. ист. наук Андрею Куркину и руководителю ВИК «Марка Белфри» Леониду Маневичу.

Вступление

Средневековье. Самая спорная и противоречивая эпоха в истории человечества. Одни воспринимают ее как времена прекрасных дам и благородных рыцарей, менестрелей и скоморохов, когда ломались копья, шумели пиры, пелись серенады и звучали проповеди. Для других же Средневековье — это время фанатиков и палачей, костров инквизиции, вонючих городов, эпидемий, жестоких обычаев, антисанитарии, всеобщей темноты и дикости.

Так кто же прав? Неужели в Средние века по дорогам действительно разъезжали странствующие рыцари, которые вызывали на бой драконов и великанов, чтобы сразиться с ними и спасти из башни прекрасную принцессу? А другие рыцари, со взором горящим, искали Святой Грааль и иногда даже находили его, если были со всех сторон идеальны, добродетельны и достойны. В промежутках же между этими приключениями они сидели за круглым столом, сочиняли баллады во имя прекрасных дам и...

Но что-то я увлеклась. В это давно уже никто не верит, хотя фэнтези, где все примерно вот такое красивое и оторванное от реальности, многие читают с удовольствием. И я в том числе. Но у нас речь все-таки о настоящем Средневековье.

Тогда, наверное, стоит задать другие вопросы. Неужели тогда правда, что рыцари и вообще люди в Средние века были маленького роста — не выше полутора метров, а те, кто достигал нынешних средних 175 см, считались чуть ли не гигантами? И в Средневековье на

самом деле никто кроме монахов не умел читать и писать, мылись всего два раза в жизни — после рождения и перед смертью, жутко воняли и кишели блохами? И меч весил 20 кг, а доспехи все 100, поэтому рыцаря поднимали на коня с помощью лебедки, и в туалет ему ходить приходилось прямо в доспехи, потому что их было просто не снять? Замуж выходили в 12–13 лет, а в 30 уже старились и умирали? И каждая девушка перед свадьбой должна была переспать с местным помещиком по «праву первой ночи», а женщины были собственностью мужа и те могли их даже убить, если захотят?..

Какое-то очередное фэнтези получается, неприятное и дурнопахнущее. Впрочем, как известно, на такое тоже есть спрос. Но на реальное Средневековье оно похоже еще меньше, чем нарисованная выше прекрасная картина с принцессами и драконами. Хотя я с интересом посмотрела бы на 150-сантиметрового рыцаря, ворочающего 20-килограммовым мечом.

Что же такое средневековье?

Сначала надо определиться, что вообще подразумевается под Средневековьем и о какой его части я буду говорить в этой книге. То есть, о каком именно времени и каких странах пойдет речь.

По традиционной периодизации Средними веками считается период, начиная с падения Западной Римской империи в 476 году до конца XV — начала XVI века. Разные исторические школы называют разные даты — кто-то считает, что Средневековье закончилось с открытием Америки, кто-то, что с началом Реформации, а кто-то и вовсе затягивает его до XVII века.

Конкретно для этой книги такие тонкости не принципиальны, поэтому я не буду в них углубляться и развивать теории, какая дата все-таки могла поставить в Средневековье окончательную точку, а приму за условную границу начало XVI века.

Что касается стран, то речь пойдет, конечно, о Европе. Во-первых, потому что нет смысла пытаться объять необъятное, во-вторых, потому что Средневековье в азиатских странах хронологически мало совпадает с европейским, а в-третьих, потому что европейское Средневековье — это не просто отрезок времени. Это еще и набор специфических особенностей религиозной, экономической, культурной и политической жизни. Это феодализм, система вассалитета, христианское мировоззрение, политическая власть Церкви, рыцарство, готика и т. д.

Причем именно в силу этих специфических особенностей речь в основном пойдет о Западной Европе, потому что именно там они сформировались и проявились особенно ярко. Англия, Франция, Италия, Германия, а также уже не существующие сейчас Бургундия и Фландрия — именно там европейское Средневековье расцвело во всей красе, достигло пика, а потом бурно завершилось Ренессансом.

Периоды средневековья

Невероятно огромный срок, 476 — около 1500 года. Больше тысячи лет. За эту тысячу лет на карте Европы появлялись и исчезали государства, взлетали и угасали династии, бушевали войны, восстания и эпидемии. Ни одна империя не смогла просуществовать столько времени, разве что только Византия, но она не в счет, потому что всегда была сама по себе, далеко на востоке, и ее история развивалась параллельно с европейским Средневековьем, но не внутри него.

И естественно, средневековое общество, даже с учетом всех его специфических особенностей, характерных только для этого периода, все десять веков сильно менялось и развивалось. Поэтому Средневековье принято условно делить еще на три части:

1) Раннее Средневековье (476 г. — середина XI в.) — от падения Западной Римской империи до конца «эпохи Викингов». В это время еще сильно наследие античности, Европа очень малонаселенна и раздроблена. Это время варварских королевств и набегов викингов, но христианство постепенно набирает силу, складывается феодальная система, и только-только начинает зарождаться идеология рыцарства.

2) Высокое Средневековье (середина XI–XIII в.). Это то Средневековье, к которому мы привыкли. Феодализм, власть Церкви, рыцари. Население быстро растет, людям не хватает места, денег и еды, поэтому Европа активно воюет, учится и торгует — рыцари стремятся на Восток, в Крестовые походы, Марко Поло едет в Китай, купцы образуют Ганзейский союз и торгуют с Русью, за XII–XIII века сделано больше изобретений, чем за предыдущую тысячу лет (в том числе появились компас, очки, бумага и т. д.).

Жан Фуке. Горожанин, греющийся у очага. Миниатюра XV в.

3) Позднее Средневековье (XIV — начало XVI в.). Одновременно пик, вершина Средневековья и в то же время его кризис. В это время все достигает своего абсолюта: рыцари с ног до головы заковываются в броню и сшибают друг друга с коней на турнирах, короли и герцоги играют в рыцарей Круглого стола, дамские головные уборы стремятся вверх, как и шпили готических церквей, модники и модницы носят обувь с длинными носами и многометровые шлейфы. В какой-то степени Средневековье стало сдавать позиции под тяжестью населения — людей стало больше, чем при том уровне знаний можно было прокормить. Поэтому позднее Средневековье началось с Великого голода, продолжилось эпидемиями чумы, крестьянскими войнами, гражданскими войнами, Столетней войной и наконец рухнуло, уступив место набирающему силу Ренессансу, Реформации и Новому времени.

Сразу уточню, что моя книга посвящена Высокому и позднему Средневековью — их все-таки еще можно объединить, тогда как о

раннем Средневековье надо писать отдельно.

Мифы или не мифы?

А вот сейчас я скажу, наверное, неожиданную вещь. Почти все, что вы слышали про Средневековье, действительно было на самом деле. В том числе то, что я уже перечислила и обозначила как фэнтези. И в то же время все это выдумки от начала и до конца. Вот такой парадокс.

Как это может быть? А вот такое оно — Средневековье. Там все было. И двенадцатилетние невесты (и даже двухлетние), и прекрасные принцессы в башнях. И блохи, и сверкающие доспехи. И нечистоты на улицах, и мраморные ванны. И бесправные жены, и всесильные Прекрасные дамы. Возможно, даже и 20-килограммовые мечи были, хотя в этом я сильно сомневаюсь. Но чисто теоретически хотя бы один такой на всю тысячу лет Средневековья существовать мог.

Вы смотрели фильм «Последний легион»? Там есть эпизод, где на стене замка стоит маг, колдует, и в сторону врага летят огненные шары. Даже что-то подобное тоже было на самом деле. И любому эпизоду, любой самой что ни на есть выдуманной истории из кино о Средневековье можно найти реальный аналог. Женщина-шериф из «Робин Гуда»? Пожалуйста, была такая! Графская дочь сбегает с менестрелем? И такое случалось! Запретили мыться, город запаршивел и вымер от чумы? Увы, и подобное было. Король похитил прекрасную принцессу и развязал войну на всю Европу? Даже такое тоже бывало!

Вот только бывало это все примерно один-два раза за тысячу лет. И производило такое впечатление на общество, что об этом потом еще долго слагали баллады, рассказывали сказки и описывали эти события в книгах. Собственно поэтому и сложилась такая любопытная ситуация, что о средневековых сенсациях, редких, необычных, можно сказать — эксклюзивных случаях многие знают гораздо больше, чем о реальной повседневной жизни в те времена. При этом не все задумываются о том, что если в какой-то деревне жители отравились речной водой и умерли от холеры, это означает, что пить речную воду было нормой, а вот умирать от нее — из ряда вон выходящим событием. И что если какая-то принцесса дала обет не мыться два года и вся Европа была потрясена ее религиозным подвигом — значит, все остальные-то мылись.

Конкретно я в этой книге буду писать о наиболее типичных ситуациях (кроме тех, которые буду специально оговаривать) и широко распространенных традициях, из которых, естественно, бывали и исключения. То есть если я пишу, что основным продуктом питания в рыцарской среде было мясо, а овощи считались плебейской пищей, это не значит, что какой-нибудь конкретный рыцарь не мог быть вегетарианцем.

Верить или не верить?

Еще такое уточнение — исторические данные не существуют сами по себе, в вакууме, и не являются абсолютной истиной, которую можно с легкостью прочесть в Интернете. Они извлекаются из археологии, документов, объектов материальной культуры и т. д., потом систематизируются, сравниваются и обрабатываются. Поэтому то, что еще вчера казалось непреложным, сегодня может уже подвергаться сомнению или хотя бы иметь некоторые оговорки. Так, например, долго считалось (и вы можете прочесть это во многих серьезных исторических трудах), что прачками в Средние века были только женщины. Но недавно это было решительно опровергнуто — в архивах английской королевской бухгалтерии нашлись документы о выплате жалованья королевским мужчинам-прачкам, причем стиравшим только нижнее белье. Оказывается, некоторые высокопоставленные особы стеснялись доверять свое белье женщинам. Потом обнаружилось подобные документы и в других странах.

И таких примеров можно привести немало. Поэтому обо всем, что пишется на исторические темы, от сенсационной статьи в Интернете до многотомной работы серьезного историка, можно сказать так: доверяй, но проверяй.

К примеру, труды Ю. Л. Бессмертного, на которые я не раз буду ссылаться, всем хороши, но они написаны почти тридцать лет назад, поэтому местами опираются на уже опровергнутые теории. У Йена Мортимера, автора лучшей на нынешний момент научно-популярной книги о средневековой Англии, все равно есть немало «штампов», в результате последних исследований подвергнутых серьезным сомнениям. А Милла Коскинен сама просила меня аккуратно пользоваться ее работами, потому что хотя они и написаны всего несколько лет назад, кое-что она там тоже уже считает устаревшим.

Ну а все, что можно, я стараюсь проверять на практике. Так что меч я держала, еду по средневековым кулинарным книгам готовила, средневековую одежду надевала и снимала, и доспехи, кстати, тоже. Даже рыцарей после турнира нюхала — чего только не сделаешь ради науки. Видела я, как ткут ткань на средневековом станке и красят ее средневековыми красками, рассматривала в музеях манускрипты и

посуду... в общем, проникалась духом Средневековья как могла.
Надеюсь, смогу донести его и до читателей.

От рождения до смерти

*Кто является
старой женщиной?
Та, которая не
возражает, если ее
так называют.*

*Моисей Египетский,
раввин, врач и
ученый, XII век*

В 30 лет — уже старуха...

Ходят по Интернету многочисленные перепосты о том, что даже в XIX веке люди в среднем жили до 30–40 лет, а значит, в эти 30 лет были уже стариками, как старушка-мать Татьяны Лариной, которой было 36 лет. О Средневековье и говорить нечего — тогда средний возраст был вообще всего 18 лет!

Откуда взяты эти 36 лет госпожи Лариной, оставим на совести тех, кто это придумал, — у Пушкина нигде не сказано, что она родила Татьяну в 18 лет, скорее наоборот, есть указания, что дети у нее появились далеко не сразу (она успела чуть не развестись с мужем, потом привыкнуть к нему, а про детей все еще ни слова не было). Вернемся лучше к Средним векам, когда, дескать, так и жили: в 12 замуж, а в 18 уже на пенсию, если вообще доживешь.

Обед. Гравюра конца XV — начала XVI в.

Есть в этом хоть доля правды? Откуда вообще взялись эти цифры? Не с потолка, как ни странно.

В одной из коммун Флоренции сохранилась статистика средней продолжительности жизни на некоторые даты. Вот эти цифры:

1300 — около 40 лет
1375 — около 18 лет
1400 — около 20 лет
1427 — около 28 лет

Ужасно, конечно. И в то же время странно — почему в начале XIV века люди в среднем жили до 40 лет, а в конце того же века — всего 18–20? Ответ на самом деле очень прост. Эта статистика фиксирует все рождения и смерти, включая людей, умерших от эпидемий, войн, а главное — она учитывает тех, кто умер в младенчестве.

Увы, но это факт — детская смертность в то время действительно была высочайшей. И оставалась такой до конца XIX века. Например, П. И. Куркин в своем специальном исследовании и о детской смертности в Московской губернии за 1883–1897 гг. писал: «Дети, умершие в возрасте ранее 1-го года жизни, составляют 45,4 % общей суммы умерших всех возрастов в губернии». Да что там Средневековье и даже XIX век. В 1913 году, который так любят приводить в пример как год наивысшего процветания Российской империи, в этой самой империи умирал каждый четвертый младенец. В других странах ситуация была примерно такая же.

В Пруссии (1866–1879) на 100 живорожденных
младенцев в возрасте до полугода умирали 33,4
В Италии (1872–1878) — 33,8
В Бадене (1866–1878) — 34,7
В Саксонии (1865–1874) — 36,9
В Австрии (1866–1878) — 39,1
В Баварии (1866–1878) — 39,6
В Вюртемберге (1871–1877) — 39,8
В европейской части России (1867–1875) — 42,5

*Данные из доклада Д. А. Соколова
и В. И. Гребенщикова
«Смертность в России и борьба с
нею», 1901 г. С.-Петербург*

То есть до самого начала XX века, при всех достижениях медицины в Новое время, все равно умирал каждый второй младенец. В XX веке — каждый четвертый. И только после изобретения антибиотиков младенческая смертность резко понизилась, и в 1946 году умирал уже только каждый десятый младенец.

Почему я привожу данные XIX века? Во-первых, потому что они точные и легко доступные. От Средневековья такой точной статистики не осталось. Во-вторых, чтобы было понятно — разница между жизнью в Средневековье и в начале XX века куда меньше, чем между жизнью в начале XX века и современной. Из цифр, которые я буду приводить дальше, это будет хорошо видно. Природа жестоко отсеивала слабых на самой ранней стадии, и людям было нечего ей противопоставить. Показательно уже одно то, что по данным археологов скелеты маленьких детей, не достигших семи лет, составляют до 20 % средневековых погребений, а в некоторые, видимо, неблагоприятные периоды — и до 30 %. Во время же эпидемии чумы детей умерло в два раза больше, чем взрослых.

А что насчет выживших?

Основываясь на документах XIV–XVI веков, Йен Мортимер пишет, что зажиточные английские крестьяне в первой половине XIV века жили в среднем до 48 лет, а во второй половине — до 52. То есть реальная средняя продолжительность жизни была примерно такая же, как у людей, родившихся в первой половине XX века (по официальным данным Росстата) и даже больше, чем в большинстве современных африканских стран. Еще более интересную картину дают, к примеру, и судебные архивы Пикардии, в которых на радость историкам обычно указывается возраст свидетелей. Так, при расследовании преступления в 1316 году в Бетюне было привлечено 39 свидетелей, из которых только троим было менее сорока лет, пятнадцать человек были старше пятидесяти, а трое — даже старше семидесяти лет. Конечно, надо учитывать, что возрастные свидетели пользовались бóльшим доверием, чем молодежь, и привлекать старались именно их, но все равно эти данные показывают, что людей старше 40, а то и 50 лет в обществе хватало.

Возвращаясь к флорентийской статистике:

1300 — около 40 лет

1375 — около 18 лет

Почему же даже эта условная средняя продолжительность жизни настолько уменьшилась? Все снова очень просто — чума. В середине XIV века по Европе прокатилась страшнейшая эпидемия чумы, выкосившая около трети населения. Статистика учитывает и ее жертв тоже.

Можно ли верить цифрам?

Так что все-таки показывают цифры флорентийской статистики средней продолжительности жизни? Да почти ничего на самом деле. Это как в старой шутке про среднюю температуру по больнице. Чтобы стало понятно, как получаются эти цифры и насколько точную картину они рисуют, проведем простой эксперимент. Возьмем для примера все того же Александра Сергеевича Пушкина и рассчитаем среднюю продолжительность жизни в семье Пушкиных по флорентийскому способу:

Ольга (20.12.1797 — 2.5.1868) — 71 год

Александр (26.5.1799, М. — 29.1.1837) — 37 лет

Лев (9.4.1803, М. — 19.7.1852) — 49 лет

Николай (26.3.1801, М. — 30.7.1807) — 6 лет

Софья (6.1.1809 — 12.9.1809) — округляем до 1 года

Павел (16.7.1810 — 27.12.1810) — округляем до 1 года

Михаил (28.10.1811 —?)

Платон (14.11.1817, СПб. — 18.10.1819) — 2 года

Михаила не считаем, поскольку не знаем дату его смерти. Берем остальных, складываем продолжительность их жизни: $71+37+49+6+1+1+2=167$. Делим на семь (поскольку их семеро), получается около 24 лет.

Пожалуйста — вот рассчитанная по этой системе средняя продолжительность жизни в семье Пушкиных. Насколько реальную картину она показывает, решайте сами.

Земную жизнь пройдя до половины...

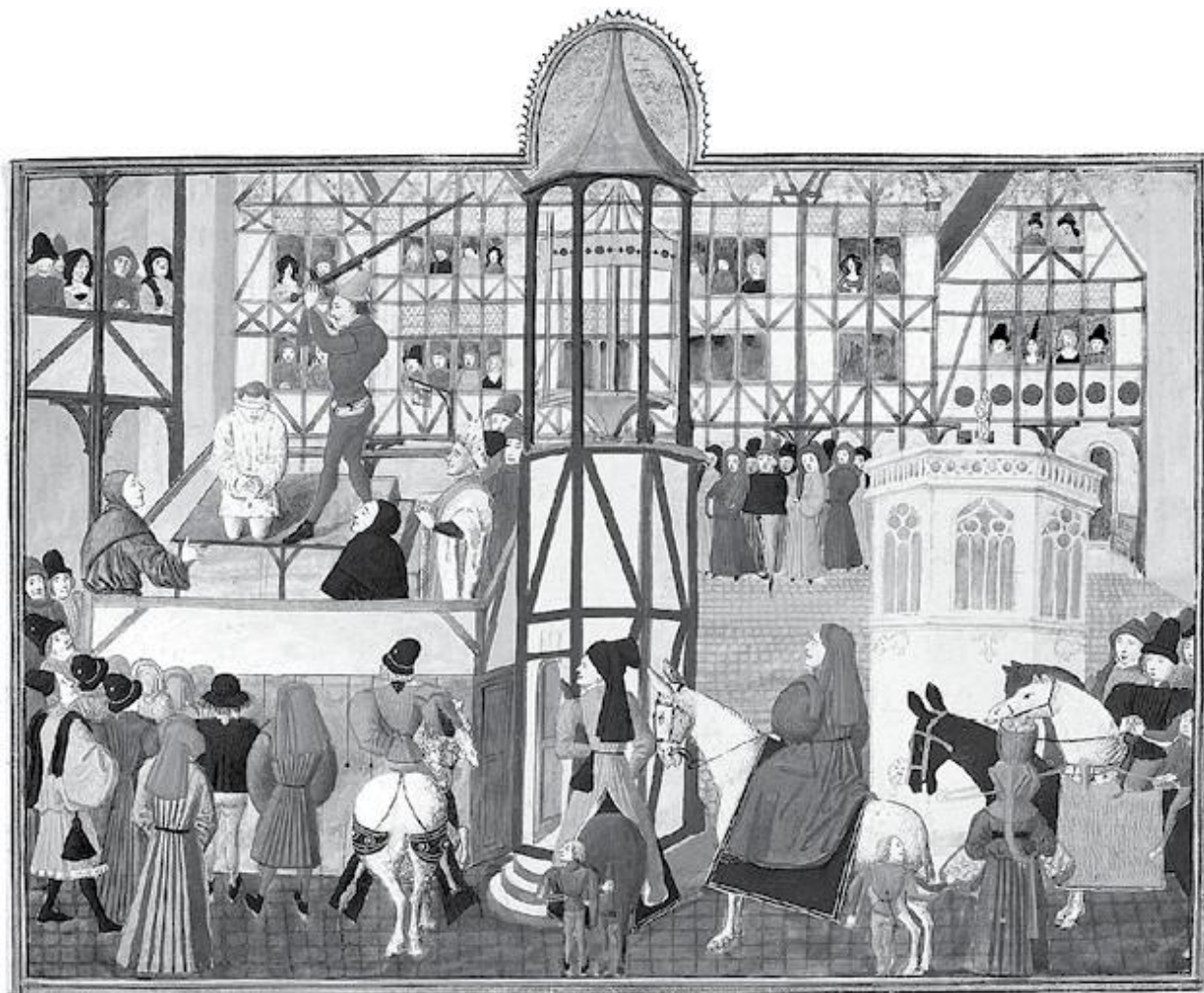
Знатоки классики несомненно узнали цитату — это слова Данте Алигьери, которыми он начинает свою «Божественную комедию». К счастью, доподлинно известно, какой возраст он считал серединой жизни — это 35 лет. То есть Данте после тридцати не только не собирался на пенсию, но и оптимистично рассчитывал дожить до 70 лет. К сожалению, он ошибся и ему было отмеряно всего 56

лет. Но и умер он не от дряхлости, а от малярии, в разгар своей политической карьеры.

Средневековый старик

А кого же сами средневековые люди считали стариками? Общество в то время было вовсе не такое дикое, как может показаться сквозь толщу веков, и существовало даже юридическое понятие, кто такой «старый человек». Да и вообще в Средние века не только понимали, что люди проходят в жизни какие-то стадии взросления и старения, но и очень интересовались этим вопросом. Поэтому существовало несколько систем разделения человеческой жизни на возрастные периоды, придуманные очень образованными и уважаемыми учеными. Причем они, в свою очередь, опирались не только на современность, но и на античные исследования: на три стадии жизнь делил еще великий Аристотель, на семь — менее известный широкой публике (потому что в отличие от Аристотеля не был воспитателем Александра Македонского), но не менее гениальный Птолемей, который любим современными астрологами, поскольку считал, что за каждую стадию человеческой жизни отвечает определенное небесное тело. Были и чисто философские системы, например идея о четырех стадиях, соответствующих временам года, популярная, между прочим, и по сей день — ведь юность по-прежнему сравнивается с весной, а переход от зрелости к пожилому возрасту — с осенью.

Публичная казнь. Жан Фруассар. Хроники. Миниатюра XV в.

**ИЗ КНИГИ МИЛЛЫ КОСКИНЕН «О
ПРЕКРАСНЫХ ДАМАХ И БЛАГОРОДНЫХ
РЫЦАРЯХ»**

По теории небесных тел, от рождения до четырехлетнего возраста в человеке доминирует Луна, затем, от 4 до 14 лет на него воздействует Меркурий, который уступает место Венере, доминирующей в жизни человека до 24 лет. От 24 до 34 лет жизнь человека находится в зените и управляется Солнцем. Затем приходит черед Марса,

который длится до 46 лет, и от 46 до 58–60 лет на человека воздействует Юпитер. После 60 лет начинается закат, и в жизни человека доминирует Сатурн, до самого конца.

Бернар де Гордон из Монпелье в 1308 году делит жизнь человека на три стадии. Первая длится от 0 до 14 лет (детство), 14–35 (молодой возраст), 35–? (просто возраст). В другой своей работе он обозначает верхним пределом человеческой жизни 60 лет. То есть в его понимании, у человека сразу после 60 начинается возраст «столько не живут». Данте в своем «Пире» делит жизнь совершенно по другому: 0–25 (подростковый возраст), 25–45 (взросление), 45–70 (старение), 70–? (старость). Филипп де Новара, XIII век, предлагает следующее деление (не являясь, впрочем, медиком, но крестоносцем, поэтом, писателем и консервативным философом): 0–20 (юность), 20–40 (возраст расцвета), 40–60 (возраст созерцания), 60–80 (старость).

Что касается вариаций в рамках жизненных стадий женщин, то Винсент из Бове упоминает вскользь, что молодость женщины заканчивается после 50 лет, когда она теряет способность к деторождению. Кстати сказать, это приблизительно на 5 лет больше, чем средний идентичный период в наши дни. Остальные ученые, очевидно, предполагали, что и женщины, и мужчины проходят стадии жизни одинаково...

Что касается указов и декретов королей, то здесь имеется масса примеров, что старыми считались люди от 60 до 70 лет и старше. Список доказательств, в общем-то, просто огромен. Здесь и указ Филиппа Пятого Французского от 1319 года, разрешающий лицам старше 60 лет платить налог местному сенешалю, а не ехать ко двору короля, и указ Филиппа Шестого Французского от 1341 года о

пенсиях, сохраняемых для старых служак старше 60-ти, и распоряжение Педро Жестокого от 1351 года об обязательных работах для всех, от 12 до 60, и распоряжение Эдуарда Второго Английского о военной подготовке всех мужчин от 15 до 60, и пенсия солдатам старше 60 лет Генриха Седьмого Английского, и много чего еще. Во многих регионах Европы (например, Кастилия и Леон) пенсионный возраст для служащих наступал и вовсе в 70 лет. Другим островком удивительного статистического долголетия в средневековой Европе была Венеция...

Для историка эта граница в 60 лет означает, что общество, ее установившее, признавало, что за ней начинается снижение способностей и упадок сил. То есть, пожалуй, именно этот возраст, 60, можно определить в качестве возраста, с которого средневековый человек начинал считать себя старым. Расцвет же сил признавался у людей от 30 до 60 лет, потому что возраст в 30 лет был нижней границей у многих административных и управленческих должностей. Впрочем, монах и впоследствии аббат Джоселин из Бреклонда возражал против двух кандидатур в приоры Берисент-Эдмундс на основании того, что кандидатам всего по 40 лет и они слишком молоды. Но относительно тех, кто занимался тяжелым физическим трудом, средневековой статистики просто нет. Есть, например, Закон о рабочей силе от 1351 года, обозначающий «пенсионным» возрастом 60 лет, после чего работник больше не был ничему никому обязан. Не верьте в «здоровый труд на свежем воздухе»! В современной Европе, снимающей с пенсионеров высокий налог, попытка поднять возраст выхода на пенсию до 67 лет вызвала бурю протестов потому, что средняя продолжительность жизни у разнорабочих и вообще людей физического труда — всего 68 лет. В 2014

году. Так что вполне вероятно, что и в Средние века люди не слишком заживались после достижения заветного рубежа. Это было бы в интересах экономики короны.

Королевская трапеза. Жан Фруассар. Хроники. Миниатюра XV в.

У кого хватит смелости назвать женщину старухой?

С женским старением вопрос решался несколько проще, чем с мужским. Можно было обойтись и без философии. Поскольку биологические часы тикали в Средние века точно так же, как сейчас, молодую женщину от старой отличали простейшим способом — по тому, способна ли она еще рожать. И эта граница, по мнению большинства средневековых специалистов, проходила в 50 лет. В 50! Да, тридцатилетняя женщина в средневековой Европе несколько не считалась старородящей, наоборот, она была еще ого-го и могла подарить своему господину и повелителю еще несколько детей. Некоторые, кстати, так и делали.

ЭЛИЗАБЕТ (или ИЗАБЕЛЛА) ДЕ ВЕРМАНДУА (*фр.* *Isabelle de Vermandois*; *англ.* *Elizabeth of Vermandois*; ок. 1081 — 13 февраля 1131), дочь Гуго Великого, графа Вермандуа.

От брака (1096) с Робертом де Бомоном, графом де Мёлан и 1-м графом Лестером Элизабет имела следующих детей:

1. Эмма де Бомон (род. в 1102 г.), в младенчестве обручена с Амори де Монфором, однако свадьба не состоялась, дальнейшая судьба не известна.

2. Галеран де Бомон (1104–1166), граф де Мёлан (1118–1124), 1-й граф Вустер (с 1138).

3. Роберт де Бомон (1104–1168), 2-й граф Лестер (с 1118).

4. Гуго де Бомон (род. в 1106 г.), граф Бедфорд (1137–1141).

5. Аделина де Бомон (род. ок. 1107 г.), замужем первым браком за Гуго IV, сеньором де Монфор-сюр-Рисль, вторым браком за Ричардом де Гранвиллем.

6. Обри де Бомон, замужем за Гуго II, сеньором де Шатонёф-ан-Тимерэз.

7. Матильда де Бомон (род. ок. 1114 г.), замужем за Вильгельмом Ловелем, сеньором д'Иври.

8. Изабелла де Бомон (ум. ок. 1172), любовница короля Генриха I, замужем первым браком за Гилбертом де Клером, 1-м графом

Пембруком, вторым браком за Эрве де Монморанси, коннетаблем Ирландии.

От второго брака (1118) с Вильгельмом де Варенном, 2-м графом Суррей, Элизабет имела следующих детей:

9. Вильгельм де Варенн, 3-й граф Суррей (1119–1148).

10. Реджинальд де Варенн, наследник нормандских владений семьи.

11. Ральф де Варенн.

12. Гундрада де Варенн, замужем первым браком за Роджером де Бомоном, 2-м графом Уориком, вторым браком за Вильгельмом, лордом Кендалом;

13. Ада де Варенн (ум. ок. 1178), замужем за Генрихом Шотландским, 3-м графом Хантингдоном. Через дочь Аду Элизабет де Вермандуа является предком королей Шотландии и Великобритании.

Привал на охоте. Анри Ферье. Королевская книга. 1470–1480-е гг.

То есть если подсчитать, то у Изабеллы было тринадцать детей, первого из которых она родила примерно в 21 год, а пятерых последних — после 38 лет. Причем все выжили, переженились на ком-то и некоторые даже стали родоначальниками различных династий.

Но надо сделать оговорку, что касалась такая классификация в первую очередь дворянок и во вторую горожанок. В деревне все было куда печальнее. Не зря, по словам одного из персонажей Чосера, тридцатилетняя женщина — просто «высохшее зимнее сено». Крестьянки раньше начинали работать, раньше выходили замуж и раньше рожали детей — этого требовала экономическая необходимость. Так что старились и умирали они тоже раньше. Тяжелая работа и многочисленные роды рано превращали их в старух. Но это не показатель «средневековости» — в XIX веке и даже первой половине XX была точно такая же картина. Да что уж там, достаточно советские фильмы посмотреть — какие там матери у деревенских девушек? Старушки в платочках. А ведь они как мать Татьяны Лариной, сами вышли замуж рано, потом детей нарожали, и пожалуйста, у восемнадцатилетней дочери сорокалетняя мать — деревенская бабушка. И в противовес — какое-нибудь индустриальное кино, где такая же сорокалетняя начальница НИИ или заводской партработник — элегантная моложавая дама в шляпке.

Старухи по закону

Но возвращаемся к Средневековью. Закон, впрочем, был не всегда согласен с медиками и философами. Женщины же часто были наследницами своих отцов и еще чаще мужей, поэтому представляли из себя серьезную материальную ценность. Поэтому их браки регулировались где родней, а где и королевской властью (об этом будет в одной из следующих глав). Но все же как у мужчин была возрастная граница, после которой их уже не могли заставить пойти воевать, так и у женщин был возраст, после которого их даже королю было как-то неудобно выдавать замуж. И в большинстве случаев это было 60 лет. В Англии, например, вдовы старше шестидесяти имели право больше не выходить замуж (строго говоря, остальные тоже такое право имели, но обязаны были платить за это штраф своему сеньору).

Милла Коскинен приводит несколько примеров того, что в глазах общества 60 лет было действительно некой границей, после которой женщина считалась старой, а следовательно должна была думать о вечном, а не о мирских радостях. Так, в 1388 году епископу Линкольнскому поступила жалоба на некоего рыцаря, который выкрал собиравшуюся удалиться в монастырь графиню Алисию де Лэси и уговорил ее все же выйти за него замуж. Пострадал от этого в первую очередь монастырь, потому что графиня была богата и после смерти предыдущего мужа собиралась принять постриг и соответственно неплохо обогатить церковь. Но поскольку в данной ситуации она тоже выступала как жертва, видимо, на нее жаловаться не было смысла, так что кляуза была направлена против рыцаря. Автор требовал оштрафовать его, ведь графине было уже 60 лет.

У постели больного. История Крестовых походов. 1479–1480 гг.

Другая история произошла на юге, в солнечной Италии, где, по мнению поклонников Шекспира, в 14 лет девочка была уже чуть ли не старой девой. В 1410 году в Турине, судя по сохранившимся судебным документам, группа молодых людей была оштрафована за то, что устроила суматоху и «кошачий концерт» под окнами недавно обручившейся вдовы. Ответчики, защищаясь, настаивали на том, что вдове уже 60 лет, так что нечего ей снова замуж выходить!

Старые или пожилые?

Есть еще один момент, о котором обычно все забывают. Человек становится стариком не сразу. Пройдя стадию зрелости, он начинает постепенно стареть, но процесс этот занимает не год и не два, а десять-двадцать лет, а то и больше. Положа руку на сердце, вы назовете современного 50–60-летнего человека стариком? Но ведь и молодым его уже тоже не назвать. Тогда какой он? Наверняка вы используете слово «пожилой», а к старцам причислите только совсем уж убеленных сединами и еле держащихся на ногах. Был этот период перехода от зрелости к старости и в Средневековье.

Смерть, забирающая внезапно тех, кто хочет жить долго...

Смерть, всегда превращающая высокое в низкое...

Ты забираешь сына раньше, чем отца,

ты обрываешь цветы раньше плодов...

Ты забираешь молодых, двадцативосьми-,

тридцатилетних в лучшем их возрасте, в самом расцвете сил...

Элиан де Фруамон, «Стихи о смерти», 20-е годы XIII века.

Ральф Невилл и его двенадцать детей. Миниатюра из книги «Livre d'heures de la famille Neville», Мюнхенский мастер Золотой легенды. 1410 г.

Ю. Л. Бессмертный в книге «Жизнь и смерть в Средние века» приводит пример, что во включенном в Парижский статут 1225 года установлении Эда Сюлли специально оговаривается, что священник должен в этом случае миропомазать тех больных, которым исполнилось 40 лет, потому что именно этот возраст считался границей, за которой начинался возраст повышенного риска. Чуть более конкретно высказывается Филипп Новарский^[1]. Как уже говорилось, он называет весь промежуток от 40 до 60 лет «средним возрастом», однако делит его на две неравноценные половины. Возраст от 40 до 50 лет Филипп считает несравненно лучшим, чем от 50 до 60. Ибо от 40 до 50 лет человек может еще в полной мере пользоваться всеми благами и всем «совершенством» «среднего возраста». О возрасте от 50 до 60 лет этого уже сказать нельзя. Когда же исполнится 60 лет, продолжает Филипп, наступает старость; в это время полагается оставлять службу, жить «со своими» и для себя — «если только есть с чего жить».

Возраст любви

Ну и напоследок стоит дать слово поэтам. Ученые считали, что женщина стареет после 50 лет, закон — что после 60. А в куртуазной литературе бытовало мнение, что пылкие страсти женщине положено испытывать лет так до 35, а дальше женщина становится зрелой, и ее должна больше интересовать спокойная привязанность. В то же время многие трубадуры и труверы придерживались мнения, что мужчине пристало влюбляться до 60 лет, а женщине — до 50; например, в трактате Андрея Капелана «О любви» (около 1185 г.) говорится, что мужчины после 60 лет и женщины после 50 лет не способны к любви, поскольку «утрачивают естественное тепло своих тел и свои силы... что вызывает различные расстройства здоровья и разные болезни». Так что, несмотря на всю куртуазность, поэты тоже были не лишены практичности и учитывали все то же состояние здоровья и окончание репродуктивного возраста у женщин. Да еще и статистика на их стороне: если проанализировать возраст всевозможных знатных персон, о которых сохранилось достаточно данных, становится понятно, что мужчины, если им удавалось не погибнуть на войне, жили дольше женщин и старели несколько позже. Причина этого, думаю, всем понятна — многочисленные роды истощали женский организм. А учитывая детскую смертность, рожать приходилось много...

«Ложка дегтя»

Не хотелось бы, чтобы по результатам вышенаписанного сложилась излишне радужная картина, что в Средневековье все дышали свежим воздухом, питались экологически чистыми продуктами и поэтому долго не старели и жили до ста лет. Нет, это будет уже другая крайность. Речь всего лишь о том, что, как уже было сказано, биологические часы и пятьсот лет назад тикали примерно с такой же скоростью, что и сейчас. Да, люди выросли немного раньше, немного раньше старели и немного раньше умирали. Но ключевое слово — «немного». Да, средневекового человека подстерегало гораздо больше опасностей, чем современного. Болезни, от которых еще не было лекарств, раны, от которых умирали, потому что еще не было антибиотиков, тяжелая работа — о 8-часовом рабочем дне, больничных, охране труда и тому подобном тогда не только никто не слышал, такие смелые мысли еще даже философам и мечтателям в головы не приходили.

С другой стороны, это несколько уравнивалось тем, что средневековые люди изначально были здоровее и крепче, чем современные (археологи с удивлением отмечают у останков сорокалетних солдат даже хорошие зубы, и это при средневековом уровне стоматологии). Причина проста — они все проходили естественный отбор. Все хилые умирали в младенчестве, слабые не дорастали до зрелости, а значит и не размножались. Выживали только крепкие, они же и давали потомство. А в наше время развитие медицины привело к тому, что слабые точно так же выживают и размножаются. Так что все мы — уже в третьем-четвертом поколении потомки тех, кто естественный отбор не прошел бы. Вот и накапливаются генетические заболевания, вот и страдают все с самого детства то аллергией, то астмой, то еще чем-нибудь. Это плата за прогресс, ничего не поделаешь, ждем, когда наука научится исправлять все это на уровне ДНК.

Брачный возраст

Вот тут имеет смысл от возраста смерти перейти к брачному. Не совсем логично на первый взгляд, но — только на первый. С мифом о том, что в Средние века люди жили в среднем по 30–40 лет, мы разобрались, с тем, что в 30 лет женщины были уже глубокими старухами, — тоже. А как же тогда насчет замужества в 13 лет? Если до 30 надо успеть нарожать детей, состариться и умереть, тогда понятно, но если женщины вполне себе доживали до 60, а иногда и рожали после 40, как им удавалось так сократить детство и старость и, наоборот, растянуть молодость и зрелость?

Синьора Капулетти:

Так о замужестве теперь подумай.
В Вероне есть почтенные синьоры,
Уж матери, которые моложе
Тебя, Джульетта; да и я сама
Давно была уж матерью в те лета,
В какие ты в девицах остаешься.

Шекспир, «Ромео и Джульетта»

Возраст Джульетты

Собственно, практически все, кто считает, что в Средневековье выходили замуж в 13 лет, опираются именно на эти слова синьоры Капулетти. Шекспир, Великий Бард, с легкостью создал этот миф, разумеется, ни на минуту не задумываясь, что далекие потомки будут воспринимать его пьесу как серьезное историческое свидетельство. При этом все забывают, что он писал не о родной стране, а об Италии, где ни он, ни его зрители ни разу не были, и напиши он, что там водились люди с двумя головами, публика и это приняла бы за чистую монету. Я вовсе не шучу — одним из самых популярных произведений XIV–XVI веков была книга «Путешествия сэра Джона Мандевиля», автор которой был кем-то вроде барона Мюнхгаузена XIV века: он написал роман про свои выдуманные путешествия в земли каннибалов и людей с песьими головами.

Explicit libertatus appar. ino. quarti. an.
Incipit lib. iii. de sponsalibus et matrimonio

Dfrancia quidam q. lege. a.
suetudine. huiusmodi utitur
al. enim sollempnitates huius
saxones al. franca que tu sunt
de sba. iiii. licet peccatum sit o
mittere. rrr. q. v. utentes. c. fe
mine. subiciatur. quo ad sba
enim matrimonii suetudo iud. potuit ita
tueri quo ad accidentalia forte possz puta

Соединение рук жениха и невесты стало символом заключения церковного брака в присутствии членов обеих семей. XIII в.

Шарль Орлеанский и Мария Клевская. На момент свадьбы жениху было 47 лет, а невесте едва исполнилось 14. Гобелен. Франция. XV в.

При этом даже в той же самой пьесе Шекспира есть и такой разговор:

Капулетти:

То, что сказал уж прежде:
Что дочь моя едва вступила в свет,
Ей нет еще четырнадцати лет;
Когда краса еще двух лет увянет —
Для ней пора невестой быть настанет.

Парис:

Есть матери моложе, чем она.

Капулетти:

Зато они и блекнут слишком рано.

То есть не все герои пьесы считают, что 13–14 лет — это прекрасный возраст для замужества, отец Джульетты предлагает подождать еще два года, пока ей не будет 15–16.

При этом в оригинальной итальянской новелле, которая легла в основу трагедии, Джульетте вообще 18 лет. Почему она у Шекспира вдруг стала на несколько лет младше? Никто толком не знает. У шекспироведов на эту тему есть множество теорий, начиная с простой ошибки при переводе с итальянского и заканчивая модной в XVI веке нумерологией — есть исследователи, которые насчитали там и 14 гостей у Капулетти, и 14 часов с момента знакомства Ромео и Джульетты до их свадьбы...

А что на самом деле?

Так в каком возрасте на самом деле вступали в брак в шекспировские времена? XVI век — это уже не Средневековье, конечно, но зато по нему есть достаточно приличная статистика. Минимальный брачный возраст по церковным нормам был 12 лет для девушек и 14 для юношей. Тем, кому кажется, что это страх как мало, напоминаю, что в современной России минимальный брачный возраст — 14 лет. Всего на два года больше во времена Шекспира.

Путь доблести и другие истории. Последняя четверть XV в.

Но то, что у нас разрешено вступать в брак с 14 лет, вовсе не означает, что все так и делают. То же самое можно сказать и об Англии XVI века — по статистике только одна на тысячу знатных невест была

младше четырнадцати лет. А в среднем английские дворянки выходили замуж в 19–21 год, а юноши женились в 24–26 лет. И это при том, что в знатных семьях всегда было принято заключать довольно ранние браки, потому что для них свадьба — это прежде всего союз двух семей и способ увеличить свое богатство и влияние. Ну а люди незнатные, женившиеся не из политических соображений, а по любви или ради приданого, вступали в брак еще позже. Средний брачный возраст англичанок в XVI веке был 25–26 лет, а мужчины женились в 27–28 лет.

В других европейских странах дело обстояло, как ни странно, примерно так же. В статье Трэйси Дэннисон и Шейлы Огилви «Does the European Marriage Pattern Explain Economic Growth?» приведен анализ 175 публикаций по исторической демографии, включавших в себя и 1491 исследование возраста при первом замужестве в различные периоды. По их данным в XVI веке для Германии и Швеции он составлял 24 года, для Англии — почти 25, для Польши — 20, для Франции 20–22, для Испании 18–20 (в зависимости от региона), для Италии — 19.

Женщины для короля

Возможно, эти цифры кто-то воспримет скептически — в России брачный возраст всегда был гораздо ниже, чем в Западной Европе, и 25-летняя женщина до сих пор некоторыми воспринимается как старая дева. Поэтому для тех, кто не доверяет статистике, есть практический пример. Возьмем всем известную личность, причем известную прежде всего своими многочисленными браками. Человека, который мог получить любую женщину Англии, вне зависимости от ее возраста и социального положения.

Итак, король Генрих VIII. Женщин какого возраста он выбирал себе в жены?

Жены Генриха VIII

1. Екатерина Арагонская.

Генриху было всего 18 лет, когда ему пришлось срочно жениться на испанской принцессе Екатерине, 24-летней вдове его скорпостижно скончавшегося брата. Это было рискованное решение, ведь в глазах Церкви жена брата была все равно что родная сестра, и такой брак можно было оспорить (что Генрих через 24 года и сделал). Но в тот момент никто, естественно, еще не мог предположить, что Екатерина не сможет подарить стране наследника, а возвращать ее уж очень не хотелось. Поэтому Генрих, повинаясь отцовскому приказу, женился, и довольно долго они даже прожили в любви и согласии. Пока не стало ясно, что Екатерина уже немолода, серьезно больна (она сильно растолстела из-за гормонального сбоя) и не может родить ребенка. А Генриху было еще только 35 лет.

Любовники. Гравюра XVI века со средневековой миниатюры

2. Анна Болейн.

Анна не была девочкой, когда Генрих обратил на нее внимание. Ей было 19, а может и 25 лет (историки расходятся в этом вопросе) —

вполне подходящий возраст для брака и по современным меркам. Но поскольку королю надо было еще получить развод, поженились они только через шесть лет. Да-да, именно столько длился бракоразводный процесс, и Анна ждала своего часа. Так что королевой она стала в 25 лет, а может и в 31 год. И ненадолго, поскольку из двоих ее детей один оказался девочкой, а второй родился мертвым. Наследника так и не было.

3. Джейн Сеймур.

Ей ждать не пришлось — поскольку Анна не была сестрой испанского короля, Генриху не пришлось возиться с разводом. Он просто казнил опостылевшую жену и тут же обвенчался с Джейн. Было ей тогда 28 лет.

4. Анна Клевская.

Джейн прожила недолго, но зато родила королю долгожданного наследника. Так что в четвертый раз Генрих рискнул снова жениться на принцессе. Правда, после трех его браков иностранные монархи не горели желанием отдавать ему своих дочерей и сестер, да и религиозный вопрос вмешался (Европа как раз окончательно разделилась на католиков и протестантов). Но принцессу он себе все же нашел — Анну Клевскую, которой в то время было 25 лет. Увы, выбор по портрету оказался неудачным, при личном знакомстве Анна Генриху не понравилась, и ему снова пришлось возиться с разводом. К счастью для всех сторон Анна в отличие от Екатерины не цеплялась за корону и охотно согласилась расторгнуть брак под предлогом того, что между ней и королем так и не было секса (без этого брак по закону считался

недействительным). Она получила большие отступные и жила долго и счастливо, чего нельзя сказать о ее преемнице.

5. Екатерина Говард.

В пятый раз Генрих женился на действительно молодой девушке — 19-летней Екатерине Говард, двоюродной сестре Анны Болейн. Увы, несмотря на юность, у нее было уже довольно бурное прошлое, и король быстро перестал ей доверять. К тому же ей не удалось быстро забеременеть, так что меньше чем через два года после свадьбы Екатерина повторила судьбу своей кузины и отправилась на эшафот.

6. Екатерина Парр.

Видимо, после бурного пятого брака Генрих несколько подустал, поэтому его шестой и последней избранницей стала дважды вдова, 32-летняя Екатерина Парр. Ей удалось пережить царственного супруга и даже после его смерти выйти замуж в четвертый раз (и, кстати, родить ребенка, хотя первые три ее брака были бездетными).

Поглядел бы ты на старика Генриха, когда он был во цвете лет. Вот это был фрукт! Бывало, каждый день женится на новой жене, а наутро велит рубить ей голову. Да еще так равнодушно, будто яичницу заказывает. «Подать сюда Нелл Гвинн!» — говорит. Приводят ее. А наутро: «Отрубите ей голову!» И отрубают. «Подать сюда Джейн Шор!» — говорит. Она приходит. А наутро: «Отрубите ей голову!» И отрубают. «Позовите прекрасную Розамунду!» Прекрасная Розамунда является на зов. А наутро: «Отрубите ей голову!»

*Марк Твен, «Приключения
Гекльберри Финна».*

Итак, возраст королевских избранниц: 24 года, 25–31 год, 28 лет, 25 лет, 19 лет, 32 года. И от всех от них он ждал детей, а от троих даже получил. Так что даже король, при всем богатстве выбора, не считал девушек 24–30 лет перестарками.

Возвращаемся в средневековье

Но все же это XVI век, а книга о Средневековье. Может быть, на 100 лет раньше все было по-другому? А на 500?

В уже упоминавшейся статье Трэйси Дэннисон и Шейлы Огилви «Does the European Marriage Pattern Explain Economic Growth?» есть данные и по Средним векам. Так, для X–XV вв. они указывают такие цифры. Средний возраст первого вступления в брак во Фландрии был 20 лет, во Франции — 15,5–18, в Италии — 17–19 (в зависимости от региона). Данные по другим странам в этот период в их исследовании, к сожалению, не указаны.

Сложный вопрос

Сложностей в изучении средневекового брачного возраста две. Первая — статистику в те времена практически нигде никто не вел, поэтому приходится опираться на возраст знатных особ, который, кстати, далеко не везде точен — даже у некоторых королей никто не знает реальной даты рождения. Как-то родители не всегда удосуживались ее записывать. И вторая — официального, установленного законом минимального брачного возраста до XVIII века почти нигде просто не существовало. Были правила, установленные Уерковью, и некие традиции, носившие рекомендательный характер. Хотя в странах с прецедентным правом эти традиции со временем становились почти законами.

С обеими этими проблемами исследователи справляются в основном благодаря сохранившимся юридическим и бухгалтерским документам (вопреки еще одному устоявшемуся мифу, с грамотностью в средневековой Европе дело обстояло не так уж плохо). Возможно именно поэтому демографическая история, а так же брачные законы и традиции лучше всего изучены в Англии — стране с древней и хорошо развитой судебной системой, а также прецедентным правом. Какое оно имеет отношение к нашему вопросу? В общих чертах прецедентное право означает, что если какое-то решение было вынесено один раз, в другом подобном деле вновь должно быть вынесено именно такое

решение. Поэтому юристы бережно хранят документы по судебным искам, начиная аж с XII века. И благодаря этому мы знаем, например, что в 1275 году в деле об изнасиловании отягчающим обстоятельством выступило то, что потерпевшая еще не достигла брачного возраста — 12 лет.

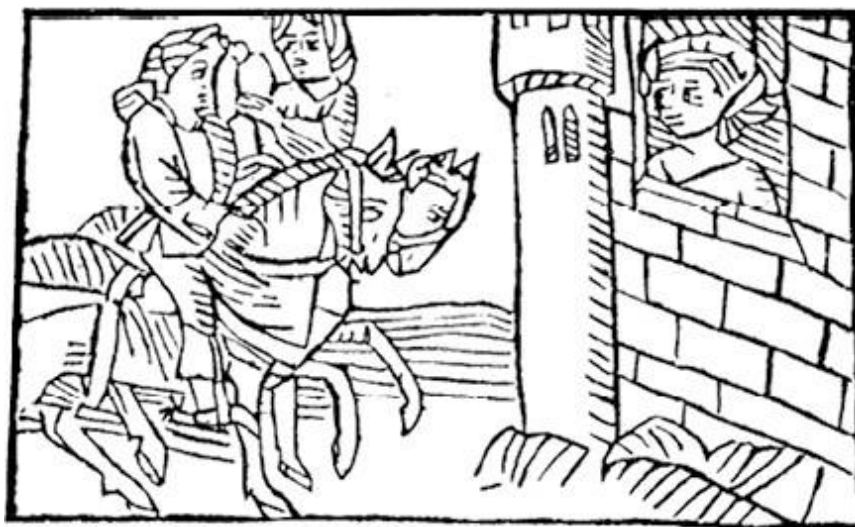
Из южных стран лучше всего с изучением демографии дело обстоит в Италии — там в каждом маленьком городе-государстве была своя хорошо развитая бюрократическая система, да и образование в Италии раньше охватило широкие слои населения. Поэтому документов сохранилось достаточно много. Так что в большинстве примеров у меня и дальше будет приводиться именно английская и итальянская статистика.

Мнение церкви

Но прежде чем перейти к статистике, подумаем о душе. То есть о том, что же думала о брачном возрасте Католическая церковь. Ведь именно она заключала браки, да и вообще регулировала не только духовную, но и социальную жизнь средневекового человека.

А Церковь, собственно, и установила эту планку минимального брачного возраста. В разные века и в разных местностях он слегка варьировался, но не сильно — 12–13 лет для девушек и 14–16 лет для юношей. Почему именно такие цифры? Очень просто — раннехристианская Церковь вообще долго не признавала брак и придерживалась точки зрения, что истинный христианин должен всю жизнь блюсти чистоту и любить только Бога. Но где-то веку так к VIII церковные деятели наконец окончательно поняли, что это нереально. Как людей ни воспитывай, сколько ни объясняй им, что девственность и добродетель — путь к спасению души, те все равно будут идти по пути «не согрешишь — не покаешься» и удовлетворять плотские желания как в браке (гражданском — то есть не церковном, а заключенном по светским законам страны), так и вне его. Не говоря уж о процветающем многоженстве.

В итоге возобладали трезвомыслящие сторонники Блаженного Августина — виднейшего богослова, считавшего, что без брака все-

таки не обойтись. А может быть до церковных иерархов наконец дошло, что они выпустили из рук мощнейший рычаг управления людьми. Так что Христианская церковь бросилась наверстывать упущенное и в первую очередь сформулировала основные цели и правила христианского брака. Было объявлено, что брак нужен для рождения себе подобных, а также для предотвращения разврата. Основными правилами стали нерасторжимость, моногамия, публичность, церковное благословение, согласие обеих брачующихся сторон, исключение родственных союзов и т. д.

Исходя из этого легко догадаться, что брачный возраст был установлен по среднестатистической планке полового созревания. Как только дети становились способными сами зачать детей, они превращались во взрослых и могли вступать в брак.

Брак с сексом и без него

Еще в VIII веке для девочек была установлена планка в 12 лет, но Средневековье тянулось около тысячи лет, поэтому, разумеется, все менялось, и брачный возраст в том числе. Так, уже к XIV веку, несмотря на то что Церковь по-прежнему разрешала выходить замуж с 12 лет, консумацию брака обычно откладывали лет до 14. Этому есть многочисленные документальные подтверждения. Причина простая — возраст полового созревания постепенно увеличивался, а поскольку основной целью брака было деторождение, просто так гробить незрелых девочек не было никакого смысла.

Возникает вопрос: зачем вообще выдавать замуж в таком юном возрасте? Об этом уже было сказано несколько слов, когда речь шла о шекспировских временах. Ранние браки были характерны для двух категорий населения: знати и крестьян. Средний класс — горожане, торговцы, ремесленники, мелкое дворянство — женились и выходили замуж гораздо позже.

Для знатных и богатых людей брак был в первую очередь сделкой, союзом двух семей, способом приобрести союзников и богатое приданое. Не говоря уж о том, что при вступлении в брак надо было

заплатить налог своему сеньору, поэтому сеньор тоже был кровно заинтересован в том, чтобы его вассалы женились и выходили замуж.

Это приводило к тому, что браки иногда заключались не только в 12 лет, но и в 7, и даже известен случай, когда девочку первый раз выдали замуж в 2 года. Но, естественно, ни о каком нормальном браке тут не было и речи. Свадьба была по доверенности, и девочка успела овдоветь, даже ни разу не увидев своего «мужа». Это был так называемый «отложенный брак». Когда двум семьям надо было срочно породниться, или когда король хотел прямо сейчас поощрить ценного вассала богатой невестой, никто не ждал двенадцати лет — брак заключался сразу, а его консумация откладывалась до полового созревания невесты. Да и сама невеста чаще всего оставалась в родительском доме или передавалась на воспитание какой-нибудь знатной даме, которая должна была подготовить ее к роли жены и хозяйки большого дома.

— Да как же ты венчалась, няня?

— Так, видно, Бог велел. Мой Ваня
Моложе был меня, мой свет,
А было мне тринадцать лет.

А. С. Пушкин, «Евгений Онегин».

Крестьянский брак

Свои резоны были и у крестьян — деревенские девушки созревали раньше городских, детская смертность была выше чем в городе, рабочих рук постоянно не хватало. Поэтому для восполнения населения молодежь женилась максимально рано. Горожане в свою очередь к такому воспроизводству населения не стремились — города быстро столкнулись с перенаселенностью, да и приток людей из деревни шел постоянно, поэтому в ранних браках не было никакого смысла.

Я не зря привела тут отрывок из «Евгения Онегина» — такая ситуация с ранними браками в деревне сохранялась до XX века. В том числе и в России. В 1774 году Православная церковь установила брачный возраст в 13 лет для женщин и в 15 лет для мужчин. Но уже в 1830 году в дело вмешались светские власти, и в соответствии с императорским указом минимальный возраст для вступления в брак был повышен до 16 лет для невесты и 18 лет для жениха. Возникла двоякая ситуация — церковный и светский брачный возраст отличался на три года. По этому поводу в обществе велось немало дискуссий, и тот же Пушкин, например, считал, что светские власти зря так всех уравнивали, потому что если для северных губерний это годится, то в южных девицы вполне зрелые уже в 13 лет, и нечего заставлять их еще три года в девках сидеть.

Сами крестьяне тоже часто обращались к духовным властям за разрешением выдать замуж дочь в более раннем возрасте. В качестве главного мотива выдвигалась необходимость иметь в доме работницу или хозяйку. Иногда по результатам медицинского освидетельствования им такое разрешение выдавалось. Были и попытки обмануть светские власти: назвать неправильный возраст или подкупить священника. Но в таких случаях, если обман выплывал наружу, брак признавался недействительным.

Ну и, как уже говорилось выше, такой ранний брачный возраст приводил к тому, что крестьянки раньше старели и умирали. Ж. Поли в книге «Regime domanial et rapports de production „feodalistes“ dans le Midi de la France» пишет, что в среде провансальских крестьян IX века очень многие матери уже к 22–23 годам имели по пять детей, а их детородный период из-за болезней, ранней смерти и других причин часто заканчивался к 25–30 годам.

Кстати, Мортимер пишет то же самое о благородных девушках XIV века, но поскольку он слово в слово цитирует Поли, говорившего вообще-то о крестьянках IX века, и не приводит другие источники своего утверждения, его слова выглядят очень сомнительно.

**«ГОРОД В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ. ТОМ 1. ФЕНОМЕН
СРЕДНЕВЕКОВОГО УРБАНИЗМА».**

А. А. СВАНИДЗЕ

Существовали и ярко выраженные культурно-религиозные различия, особенно в возрасте первого брака у женщин, который на юге был, как правило, ниже, чем в Северной Европе. В XIV–XV веках брачный возраст женщин здесь в меньшей степени реагировал на изменение социально-экономической обстановки: в городе, как и в деревне, считалось обычным выходить замуж в 16 лет, хотя средний возраст в городе был и выше — около 20 лет. Жених оказывался значительно старше невесты. В городах Южной Франции средний возраст брака для мужчин в XV веке составлял 26–27 лет, а разница в возрасте между супругами — почти 8 лет. В Реймсе невесты были значительно моложе: средний возраст 15–16 лет, а возрастной интервал с супругом составлял 10 лет. Вдовы нередко повторно выходили замуж, и в этом случае жены часто были старше своих мужей — разница могла доходить до 10 лет.

Во Флоренции в XII–XIII веках жених обычно был зрелым мужчиной около 40 лет, а невеста — от 24 до 26 лет. С резким уменьшением продолжительности жизни сразу после Черной Смерти брачный возраст мужчин сильно снизился, но затем, с 1371 года и в XV веке снова поднялся. После 1427 года он стабилизируется на отметке около 30 лет. Возраст первого брака для мужчин во Флоренции в 1427 году в богатых семьях был значительно выше, чем в неимущих: соответственно 31,2 и 27,7 лет, что, совершенно очевидно, было следствием разницы в средствах, необходимых для начала карьеры купца или банкира и просто ремесленника, а также для содержания их семей.

Средний возраст вступления в брак для женщин из обеспеченных семей составлял 18 лет, более 75 % из них вступали в брак до 20 лет. Уровень брачности женщин в этой социальной категории составлял 80–85 %. Возрастной интервал между супругами

(примерно 13 лет) при невысокой продолжительности жизни приводил к ситуации, когда 97 % женщин становились вдовами, едва отметив свое 25-летие, и вынуждены были снова искать мужей.

Немного выводов

1. Минимальный брачный возраст в Средние века был 12–13 лет для девушек и 14–16 лет для юношей, но это не значит, что все действительно выходили замуж в 12 лет. У нас сейчас тоже минимальный брачный возраст 14 лет.

2. Ранние браки в дворянской среде заключались из политических соображений, а их консумация откладывалась до полового созревания жениха и невесты.

3. В деревнях действительно рано созревали, рано вступали в брак и соответственно раньше старились. Но не только в Средневековье, а вплоть до XX века.

4. Реальный средний брачный возраст колебался от 13–14 лет у итальянских крестьянок до 24–25 лет у английских горожанок. В целом на юге выходили замуж раньше, на севере позже, в деревнях раньше, в городах позже.

5. Мужской брачный возраст всегда был выше женского, но тенденции те же: дворяне женились рано из политических соображений, крестьяне — чтобы побыстрее нарожать новых работников, а горожане женились поздно, потому что сначала получали профессию и зарабатывали деньги.

Детство

Наверное, логично сейчас было бы от брачного возраста перейти к увлекательному вопросу, был ли секс в Средневековье, а если был, то каким, где, и правда ли, что Церковь разрешала заниматься им только одетыми и в полной темноте.

Но об этом немного позже. Сначала стоит закрыть вопрос возраста. В брак можно было вступать с 12–14 лет — означает ли это, что в 12 лет человек (пальцы не поворачиваются написать «ребенок») считался уже взрослым и полностью дееспособным?

Да. Почти.

Г. Лепуан в 40-е годы и П. Рише... отмечали, что в раннее Средневековье возрастом брака считалось для юношей 14 лет, для девушек 12 лет. Почти этот же возраст — 15 и 12 лет — признается возрастом совершеннолетия (и допустимости брака) в некоторых капитуляриях начала IX в. Он подтверждается при исследовании северофранцузских актов VIII–X вв., а также некоторыми археологическими материалами,

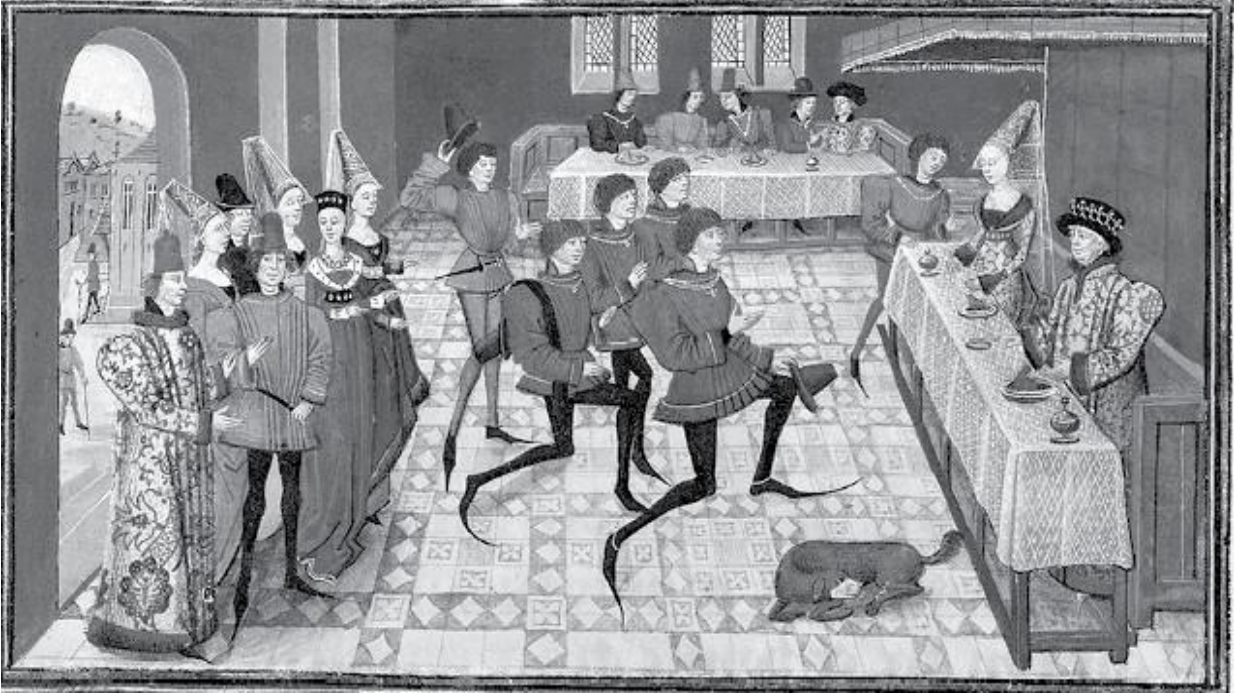

свидетельствующими о захоронениях молодых матерей 15–16 лет вместе с их новорожденными детьми. В известном полиптике Марсельской церкви (начало IX в.) категория юношей и девушек, способных вступить в брак или уже вступивших в него, но проживающих совместно с родителями (*baccalavii*), включала молодых людей начиная с 12 лет.

Бессмертный Ю. Л. «Жизнь и смерть в Средние века».

Церковь в лице философов и богословов, во всяком случае, была в этом вопросе последовательна. Если человек может вступать в брак, значит, он взрослый. Юристы были с этим тоже в основном согласны. С 12 лет, по мнению большинства средневековых мыслителей, можно было не только в брак вступать, но и нести полную ответственность за свои поступки, в том числе и уголовную. А иногда и раньше. Филипп Новарский считал, что до семи лет продолжается раннее детство, «в течение которого ребенок требует тщательного надзора (из-за особой подверженности „шалопайству“, опасности упасть, попасть в огонь или в воду)», дальше ребенок постепенно начинает что-то соображать и с десяти лет уже способен различать добро и зло, а следовательно — нести ответственность за свои поступки.

Филипп де Бомануар, еще один юрист и философ XIII века, соглашался с Новарским в оценке 7 и 10 лет и даже уточнял, что с 10 лет начинается ответственность за особо тяжкие преступления, например за убийство. Но полная дееспособность по его мнению, наступала с 12 лет, по достижении которых можно приносить судебную клятву, выступать гарантом в сделках купли-продажи и т. д.

Вассалы перед государем. Роман «Рено де Монтобан, или Сыновья Аймона». Миниатюра 1467–1469 гг.

Реальная судебная практика подтверждает, что это были не просто теоретизирования — к судебной ответственности подростки обоего пола в Средние века привлекались действительно с 12 лет; практически во всех странах Европы мальчики старше двенадцати (реже четырнадцати) лет становились полноправными налогоплательщиками. Так что, в 12–14 лет детство заканчивалось и начиналась...

Юность — права и обязанности

Нельзя сказать, чтобы это было лучшее время в жизни средневекового человека. Потому что ответственность он нес как взрослый, а вот прав почти никаких не имел. Проще говоря, в Средневековье считали, что половое созревание — это хорошо, на созревшем человеке можно пахать, его можно женить/выдать замуж, чтобы он размножился, с него можно требовать выполнения каких-то обязательств, его можно и нужно заставить нести ответственность за свои поступки. Но при этом никто не собирался давать 12–14-летней молодежи права распоряжаться деньгами, имуществом и уж тем более собственной жизнью.

Хотя кто сказал, что это характерная особенность именно Средних веков? Сейчас у нас брачный возраст — 14 лет, возраст сексуального согласия — 16 лет (да, вот такая странная логика), а возраст полной уголовной ответственности и права голосовать — 18 лет.

В Средневековье было что-то похожее. Подростки работали точно так же, как взрослые (особенно в деревне), но в то же время не имели права наследовать и вступать во владение земельной собственностью как минимум до 21 года, а кое-где и дольше, не имели права распоряжаться своим имуществом, не могли сами выбирать себе жен/мужей. И даже по завещаниям видно, что то ли на подростков смотрели как на неполноценных людей, то ли просто опасались их молодости, горячности и неопытности, но нередко состояние завещалось в управление опекунам, пока дети не достигнут 21–26 лет.

*Король и королева. Манускрипт Тэлбот-Шруссбери. 1444–1445 г.
Руан*

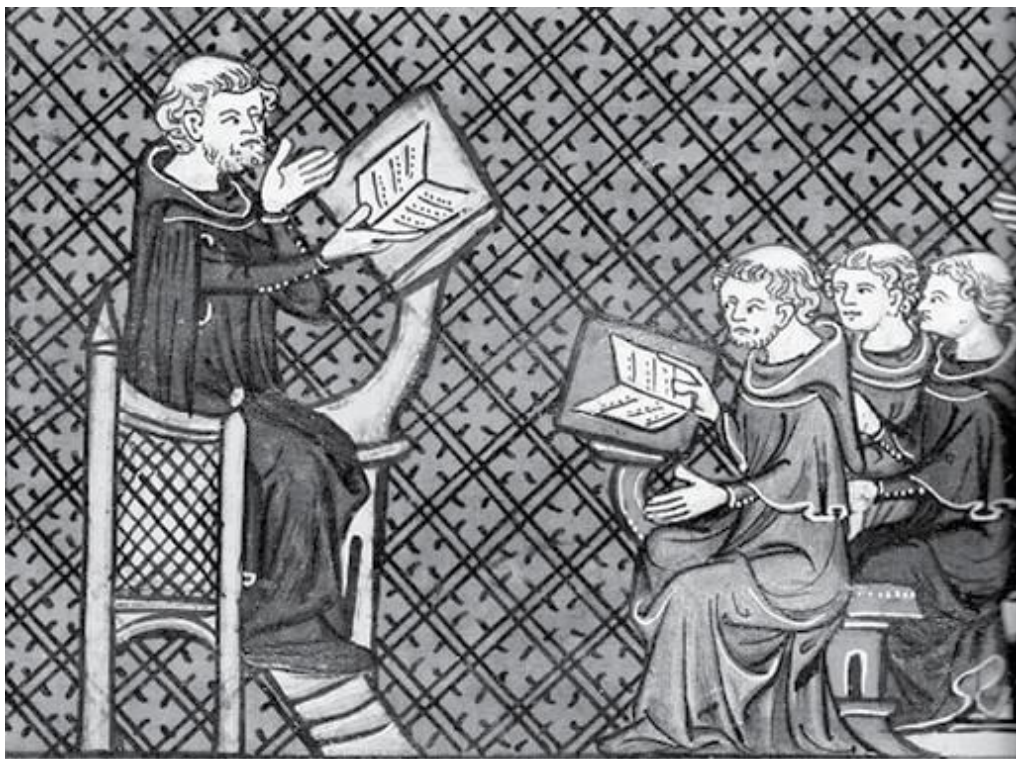

Плюс к тому юридическая самостоятельность молодого человека могла зависеть еще и от того, есть ли у него отец или он уже сам является главой семьи. Так, например, в средневековой Флоренции сирота становился дееспособным и независимым в 18 лет, а вот юноша, у которого жив отец, — только в 25 (а если раньше, то только с согласия родителя).

Воспитание и образование

Образование. А было ли оно в Средние века? По традиции принято считать, что не было. Или было, но мало, только в монастырях, да и то лишь религиозное. Наследие античности благополучно забыли до эпохи Возрождения, науки не развивали, а если кто и пытался, ему была дорога, как Джордано Бруно на костер, или в лучшем случае можно было отделаться церковным покаянием, как Галилею. Читать никто, кроме монахов, не умел, Ричард Львиное Сердце не говорил по-английски, Карл Великий не умел писать, что уж говорить о простых рыцарях. Действительно, зачем рыцарю образование? Мечом махать и так можно. Королевские чиновники и те подписывались крестиком. Об остальном народе можно даже не упоминать...

Амори де Бене читает лекцию в Парижском университете. Миниатюра начала XIV в.

Эту «прекрасную» картину, щедро нарисованную темными красками, портят лишь всякие досадные мелочи вроде упомянутых

выше огромных судебных архивов, написанных отнюдь не крестиками, или бухгалтерских книг, которые были у любого купца, в любом монастыре и даже у любого ремесленника. А также — тысячи сохранившихся средневековых рукописей, плюс данные о том, что это лишь малая толика от реально существовавшего количества, ведь в каждом монастыре ежегодно переписывались сотни книг, а с XIII века копирование рукописей вообще было поставлено на поток. Не говоря уж о том, что и бумага, и книга как таковая в принципе были изобретены в Средние века.

Рождение книги

Много сотен лет человечество писало на свитках и табличках, использовало пергамент, папирус, глину, воск. Но вот, наконец, людей стало так много, и среди них появилось немало грамотных, поэтому потребность в большом количестве книг привела, можно сказать, к революции. Появилась бумажная книга, составленная из отдельных листов.

Винсент де Бове за работой в своей мастерской. Миниатюра XV в.

В чем ее особенность? Ну, во-первых, в том, что листов может быть много, это уже не свиток, место в котором сильно ограничено. Теперь стало возможным сложить из листочков тома такой толщины, которая нужна заказчику. А во-вторых, по отдельным страницам книгу проще копировать. Можно разобрать ее на листочки, отдать каждый отдельному переписчику, и наутро у вас будет уже две книги. В крупных университетских городах, например в Париже или Болонье,

так и делали — студентам постоянно требовалась учебная литература. Поэтому при университетах были библиотеки, где книги давались напрокат, и сотни переписчиков работали буквально день и ночь, выполняя заказы по копированию юридических, богословских, медицинских и прочих научных трудов. До наших дней в одной только Болонье сохранилось больше тысячи таких скопированных «поточным способом» рукописей.

Но и этого было мало. Все равно получалось медленно и дорого. Так что в середине XV века произошла еще одна революция — было изобретено книгопечатание. С тех пор станки работали без устали, удовлетворяя потребности «темных» средневековых людей в литературе.

Что читали в средневековье?

Робер Фоссье в своем труде «Люди Средневековья», подробно разбирая многообразие жанров средневековой литературы, пишет, что прежде всего обществом были востребованы трактаты и благочестивые труды, наполовину обязанные греческой или арабской философии и наполовину христианству, а также всевозможные исторические или околоисторические труды — хроники, анналы, биографии, иногда описывающие события со времен сотворения человека.

Большой популярностью у всех слоев населения пользовались историческо-романтические произведения — воинские эпopeи, скандинавские саги, германские песни о «Нибелунгах», каролингские «циклы», а также античные мифологические истории о древнегреческих и римских героях, от Ахилла и Геракла до Цезаря и Александра Македонского. Популярнейшим жанром была поэзия — как лирическая, так и сатирическая.

Facta et dicta memorabilia. 1479 г. Брюгге

Еще одну большую группу составляет всевозможная прикладная литература — книги о географии, описания городов и местностей, технические и военные руководства, а также словари и энциклопедии вроде «Этимологии» Исидора Севильского в VI веке и многочисленных «Зерцал» XIII века.

И, наконец, Средневековье можно считать временем рождения такого жанра как роман — художественное произведение, где есть

типовые персонажи и мирской реалистичный сюжет. То есть не героический эпос о выдающихся людях, не христианское сказание о мучениках и прочих святых, а просто занимательная история о достаточно обыкновенных людях. «Первые „песни“ на латыни или местном наречии, возвестившие о его приходе, принадлежат XI веку и часто составлены в стихах; между 1170 и 1230-ми годами множатся фаблю и „новеллы“, отражая приобщение масс к культуре; с середины XIII века по XV век происходит расцвет — от англичанина Чосера до итальянца Боккаччо через авторов „Романа о Лисе“, Рютбефа или через „Окассена и Николетт“...»

Саймон, аббат Сент-Олбанс, основатель монастырской библиотеки

ИЗ КНИГИ ЙЕНА МОРТИМЕРА

***«СРЕДНЕВЕКОВАЯ АНГЛИЯ. ГИД
ПУТЕШЕСТВЕННИКА ВО ВРЕМЕНИ»***

Супруга Эдуарда II, королева Изабелла, известная благодаря Дрюону как «Французская волчица», собирала книги с большим энтузиазмом. У нее было немало религиозных книг, в частности потрясающе иллюстрированное Откровение, двухтомная Библия на французском, книга проповедей на французском, два Часослова Девы Марии, а также различные антифоны и служебники, которыми она пользовалась в личной часовне. Кроме того, у нее была энциклопедия «Сокровище» Брунетто Латини на французском языке и не менее двух исторических книг: «Брут» (в одном переплете с «Сокровищем») и книга о генеалогии королевской семьи. Наконец, у нее было десять, а может быть, и больше романов. Среди них — «Деяния Артура» (переплетенные белой кожей), «Тристан и Изольда», «Аймерик Нарбоннский», «Парцифаль и Гавейн» и «Троянская война».

Десять романов указывают на то, что Изабелла любила читать. Но даже этим дело не ограничивается. Она не только просила книги у друзей, но и брала их из королевской библиотеки. Библиотека располагалась в Тауэре (который тогда еще не был тюрьмой), и в ней хранилось не менее 340 книг. В молодости она брала для себя романы, а для сыновей — такие книги, как «История Нормандии» и трактат Вегеция «О военном деле».

Ее сына, Эдуарда III, нельзя было назвать большим любителем литературы, но он умел читать и писать и высоко ценил книги. Однажды в 1335 году он заплатил 100 марок (66 фунтов 13 шиллингов 4 пенса) за один фолиант. Многие приносили ему книги в дар, и их тоже отправляли в королевскую библиотеку. Когда король просил почитать для него в покоях, кто-нибудь из слуг отправлялся в библиотеку за книгой.

Вот что такое книги для аристократии: сотни ценных светских рукописей на английском и французском языках и религиозные рукописи на латыни, которые передавали из рук в руки и читали вслух. Джоанна, леди Мортимер, взяла с собой в Уигмор в 1322 году четыре романа. Томас, герцог Глостер (младший сын Эдуарда III), к 1397 году собрал в своей личной часовне Плеша сорок две религиозные книги, а в замке — еще восемьдесят четыре, в том числе «Роман о розе», «Гектора Троянского», «Роман о Ланселоте» и «Деяния Фулька Фитцварина». Жена Томаса была из семьи Богунов, графов Херефордов, которые весь XIV век покровительствовали книжным иллюстраторам, так что некоторые книги приятно было не только слушать, но и рассматривать. Многие епископы тоже немало читали. Ричард де Бери, епископ Дарэма, собрал в своей библиотеке столько книг, что желающим добраться до его стола приходилось бы через них перелезть. После его смерти в 1345 году понадобилось пять телег, чтобы вывезти все книги.

Литература — это был способ порадовать разум и укрепить дух. Так что неудивительно, что книги можно было найти и вне аристократических домов. Возьмите, например, Охинлекскую рукопись, созданную в 30-х годах XIV века: в ней не менее сорока трех текстов на английском языке, которые образованный лондонец мог прочитать жене или же, наоборот, образованная жена — мужу. Перелистайте страницы: вы найдете короткий рассказ «Успение Пресвятой Девы Марии», затем роман «Сэр Дегаре, семь римских мудрецов, Флорис и Бланшфлор», «Изречения четырех философов», «Список аббатства Баттл» (перечисление имен норманнских рыцарей, сражавшихся при Гастингсе) и знаменитый роман «Гай из Уорика». А еще — короткое стихотворение «Во славу женщин», роман «Артур и Мерлин», или

«Сэра Тристрема» («Тристана и Изольду»), или «Сэра Орфео» («Орфея и Эвридику»). Может быть, вас больше привлекают исторические хроники? Тогда можно почитать биографию Ричарда Львиное Сердце или Александра Македонского. Охинлекская рукопись — целая библиотека под одной обложкой, в которой найдутся интересные рассказы для всей семьи...

Поскольку все книги были рукописные, они были довольно дороги, так что «просто почитать» их обычно не брали. Леди устраивали чтения в садах аристократических домов: сидя на траве в тени деревьев, они слушали, как им читают. Но кроме таких случаев, читали обычно всё же в помещении. Общественные чтения устраивали в холлах, но бывали и приватные чтения для лорда, его семьи и приглашенных гостей, которые устраивали в соляре. Тем, кому приходилось читать вслух, могло сильно мешать недостаточное освещение. Свечи уж точно не способствуют хорошему зрению. Из-за этого некоторые богачи даже покупали себе очки в деревянной оправе (их изобрели итальянцы в конце XIII века). Большой любитель науки, епископ Эксетера Вальтер Степлдон, умерший в 1326 году, в завещании упомянул и пару очков.

Карл Великий

Об отношениях между королями и образованием можно понять уже по приведенному выше отрывку из книги Мортимера. Но раз уж я упомянула о Ричарде Львиное Сердце и Карле Великом, стоит добавить несколько слов о них, чтобы не возводить клевету на таких выдающихся исторических личностей.

«Был он красноречив и с такой легкостью выражал свои мысли, что мог сойти за ратора, — писал о Карле Великом его биограф, франкский ученый, деятель „Каролингского возрождения“, историк и настоятель монастыря Эйнхард. — Не ограничиваясь родной речью, Карл много трудился над иностранными языками и, между прочим, овладел латынью настолько, что мог изъясняться на ней, как на родном языке; по-гречески более понимал, нежели говорил. Прилежно занимаясь различными науками, он высоко ценил учёных, выказывая им большое уважение. Он сам обучался грамматике, риторике, диалектике и в особенности астрономии, благодаря чему мог искусно вычислять церковные праздники и наблюдать за движением звезд. Пытался он также писать и с этой целью постоянно держал под подушкой дощечки для письма, дабы в свободное время приучать руку выводить буквы, но труд его, слишком поздно начатый, имел мало успеха».

Монета Карла Великого с его портретом в римской тоге

Так что увы, писать Карл Великий действительно не умел. То ли и правда поздно начал учиться, то ли просто страдал дисграфией^[2]. Но неумение писать не мешало ему говорить и читать на нескольких языках, увлекаться астрономией, собирать народные песни, устроить по стране начальные школы при церквях и организовать при дворе Палатинскую академию — прообраз высшего учебного заведения — для своих детей, а также придворных и их сыновей.

Ричард Львиное Сердце

Насчет Ричарда тоже все правда. Он не владел английским. В основном потому что в то время им никто из знати толком не владел. Вся аристократическая верхушка Англии происходила от нормандских завоевателей, пришедших на туманный Альбион всего сто лет назад, поэтому говорила на французском (точнее, на нормандском диалекте старофранцузского языка). А английский язык как таковой еще только начинал формироваться на основе староанглийского, на котором говорило простонародье, и того же нормандского.

Ричард Львиное Сердце. Миниатюра XIII в.

Учитывая, что все документы писали в то время на латыни (да и книги и письма в основном тоже), лингвистическая ситуация в Англии была крайне любопытная. Простой народ (95 % населения) говорил на староанглийском, аристократия — на нормандском, ну а писали все образованные люди на латыни. Продержалось это, кстати, по средневековым меркам недолго — уже в середине XIV века Эдуард III разрешил выступать в суде на английском, а несколько лет спустя возшла звезда одного из величайших писателей Средневековья — Джеффри Чосера, благодаря которому английский язык стал литературным и обязательным для всех образованных людей страны.

Но возвращаясь к Ричарду. В его случае незнание английского, как уже понятно из сказанного выше, ни о чем не говорило. Зато известно, что Ричард писал стихи и песни, причем две из них, сохранившиеся до нашего времени, очень изящны и мелодичны, видно, что популярностью они пользовались не только потому, что их автор — король. Кроме того, Ричард Львиное Сердце участвовал в проектировании замка Шато-Гайар, которым очень гордился, и говорил, что его нельзя было бы захватить, даже «если бы его стены были из масла». И замок на самом деле был неприступным, пока в него, уже после смерти Ричарда, не были внесены некоторые неудачные изменения.

Так что простим уж полководцу, поэту и инженеру незнание английского языка.

А Джордано Бруно, кстати, казнили отнюдь не в Средневековье, а в 1593 году — в самый разгар Возрождения.

Возвращаясь к образованию и воспитанию...

Короли королями, а что же насчет всех остальных? Учились ли чему-то рыцари, горожане и крестьяне? А если учились, то чему?

Для начала надо вспомнить, что детством и юностью средневековых людей можно считать возраст от 5–7 до 14–20 лет — в зависимости от того, когда и по каким причинам для них наступало время полной самостоятельности. Про более ранний возраст особо говорить нет смысла, маленькие дети во все времена вели примерно одинаковую жизнь. В Средневековье малыши до 18 месяцев обычно сосали грудь (в знатных семьях сначала материнскую, потом кормилицы). Потом под присмотром матерей, старших сестер, других родственниц, а если позволяли финансы, то и нянек учились ходить, говорить и приобретали прочие необходимые для жизни навыки.

А вот дальше начиналось самое интересное. Если ребенку удавалось дожить до 5–7 лет, что, как мы помним, было уже определенным достижением, его начинали готовить к тому, что через несколько лет он станет взрослым. Времена были суровые, любая социальная политика была лишь в самом зачатке, о ювенальной юстиции и говорить нечего, так что главной целью взрослых по

отношению к детям было не подарить им какое-то там светлое и счастливое детство, а научить их зарабатывать себе на жизнь. Поэтому обучение и воспитание было очень интенсивное, не жалея розог, чтобы к 14–20 годам юноши и девушки овладели необходимыми профессиональными навыками и были готовы стать самостоятельными. В рамках своего пола и сословия, конечно.

Крестьянские подростки

В 7 лет относительно беззаботное детство заканчивалось, причем это относится к представителям всех сословий и любых стран. Крестьянские подростки очень рано начинали работать как по хозяйству, так и в поле — сначала помогали по дому, а потом постепенно обучались всему тому, что умели их матери и отцы. Английские письменные источники подтверждают, что к работам в земледелии и животноводстве крестьянские дети привлекались уже с 8–9 лет.

Французские источники изучены менее полно, но в целом дают такую же картину. Сначала дети помогали матери, потом пасли гусей, кормили домашнюю живность, носили взрослым еду в поле, а постепенно начинали выполнять и более тяжелую работу. К 14–15 годам крестьянские дети овладевали уже всеми хозяйственными премудростями, так что и взрослыми они становились не условно, а практически по-настоящему.

Городские подростки

Во все времена городские дети были в чуть лучшем положении — у них были еще кое-какие варианты кроме ежедневного изнурительного труда, ждавшего 90 % крестьянских детей (оставшиеся 10 % — это в основном те, кто сумел сбежать в город). Так что и в Средние века детство у них было немного длиннее. Да, они тоже помогали по дому, потом их отдавали в ученики или прислугу, но в целом трудиться наравне со взрослыми городские дети начинали несколько позже деревенских. К тому же в городе можно было учиться. О среднем и высшем средневековом образовании дальше будет еще отдельный разговор, но в общих чертах — безграмотность средневековых людей сильно преувеличена. Если в X веке действительно мало кто знал буквы (да и что им было читать-то, писали только на латыни и только глубоко научные тексты), то в XIV веке около 20 % горожан умели писать, а читать хотя бы по слогам и вовсе подавляющее большинство. Почему такая разница между умением читать и писать? Об этом тоже будет позже.

Итак, городские дети ходили в какие-никакие школы, учились читать, считать и понимать Закон Божий, но уже лет в 10 их отправляли работать или овладевать азами приличной профессии. То есть отдавали в услужение, а если могли себе позволить, то в ученики. Бывало, конечно, что в услужение отдавали и раньше — иногда даже в семь лет, но, как правило, хозяева предпочитали брать детей постарше. Данные о возрасте маленьких слуг в основном можно почерпнуть из судебных документов. Так, например, некая Джулиана Чемберлен подала в суд на Уильяма Клерка за то, что он незаконно забрал у нее дочь Элен, семи лет, и сделал служанкой в своем доме — на срок, опять же, в семь лет. По решению суда Элен была отослана обратно к матери, хотя девочки в целом поступали в услужение и обучение раньше мальчиков. Да и вообще слугами становились раньше, чем учениками мастеров: в услужение преимущественно шли дети, чьи родители не могли заплатить мастеру за обучение ремеслу, а для того, чтобы работать прислугой, никакого специального образования не требовалось.

Переписчики рукописей. Миниатюры. 1440–1460-е гг.

Ученики ремесленников

Мальчики поступали в ученики несколько позже. Так, в начале XIV века во многих городах законы устанавливали минимальный возраст в 13 лет, хотя на практике учиться отдавали и раньше, особенно детей из бедных семей. Дело в том, что мастеру за обучение надо было заплатить, но если у родителей не было денег, он мог согласиться взять ребенка учеником условно бесплатно, но при этом срок ученичества удлинялся. В чем был выигрыш мастера? В том, что он получал бесплатную рабочую силу — ученик за положенный срок овладевал профессией, а потом, уже став квалифицированным работником, отработывал у мастера за свое обучение. «Требования по этому пункту в каждом цехе были различными, — пишет Симона Ру. — Бельевые ткачи установили своего рода тарифную сетку. Базовое обучение продолжалось четыре года, но родители должны были уплатить четыре ливра. Если заплатят только три ливра, служба продлится пять лет, а если всего один ливр — то шесть лет; без денег ученичество будет продолжаться семь лет, почти вдвое дольше базового».

Постепенно минимальный возраст, с которого можно было отдавать детей в ученики, повышался — к концу XIV века он вырос до пятнадцати лет и продолжал расти. Причин было несколько — например то, что некоторые гильдии стали требовать, чтобы потенциальные ученики умели читать, считать и даже писать, а следовательно, перед поступлением в обучение требовалось сначала получить начальное образование. К тому же гильдии стремились искусственно ограничить число мастеров, чтобы избежать обесценивания их труда. В связи с этим, кстати, ограничивалось и количество учеников, которых мог иметь один мастер. Да и эпидемии чумы внесли свои коррективы в правила гильдий.

Учились разным профессиям разные сроки. Повара устанавливали срок обучения всего в два года, еще три гильдии — в три года, тридцать три гильдии требовали прохождения обучения в течение шести, семи или восьми лет, четыре (в том числе ювелиры, волочильщики проволоки, резчики по хрусталу) — в течение десяти лет, а один цех (изготовители янтарных украшений) доводил срок ученичества до двенадцати лет. Но и результат у ученичества был разный. Одни

профессии просто давали возможность зарабатывать на хлеб насущный, тогда как другие открывали путь к вершинам социальной лестницы, ведь изготовители предметов роскоши общались со знатными и богатыми людьми, имели большие связи, и именно из них выбиралась городская верхушка.

ДОГОВОР О НАЙМЕ УЧЕНИКА,

ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В КЁЛЬНЕ В 1404 г.

Я, Иоганн Тойнбург, старый бюргер города Кёльна, объявляю всем, что отдаю благопристойному мужу, золотых дел мастеру Айльфу Бруверу, моего законного сына Тениса, изъявившего на это свое согласие, для изучения ремесла золотых дел мастера в Кёльне. Тенис обязан верою служить вышеуказанному Айльфу Бруверу 8 лет без перерыва, начиная со Дня св. апостола Матвея.

...Мастер Айльф обязан кормить сына все вышеуказанные 8 лет. Я же, вышеназванный Иоганн, обязываюсь все 8 лет честно одевать его. Если случится, что вышеуказанный Тенис, сын мой, умрет в течение первого года этих 8 лет, то вышеназванный мастер Айльф обязан вернуть мне 8 гульденов из тех 16 гульденов, которые я дал ему теперь вперед. Но если сын мой, тот же Тенис, проживет один день больше первого года, то вышеназванный мастер Айльф не обязан вернуть ни одного геллера ни мне, ни моим наследникам.

Если случится, что я, вышеназванный Тенис, убегу от вышеуказанного Айльфа, моего мастера, и стану самостоятельно заниматься вышеуказанным ремеслом до истечения восьми лет, то я обязан

уплатить мастеру Айльфу штраф в 42 гульдена. Для взыскания с меня этой суммы мастер Айльф вправе обратиться в любой суд, духовный или светский, в Кёльне или вне Кёльна; я же, Тенис, обязан немедленно удовлетворить Айльфа, как если бы речь шла о признанном долге или товаре, принадлежащем гостю. А сверх того я, Тенис, тем не менее остаюсь связанным договором и обязан прослужить до конца 8 лет, как это обычно принято в Кёльне, в вышеуказанном цехе.

В удостоверении чего я, вышеуказанный Иоганн Тойнбург, привесил свою печать к этой грамоте, а по моей просьбе и почтенный Якоб Мергейм, мой кёльнский согражданин, также привесил к ней свою печать рядом с моей. Под каковой печатью я, Тенис, подтверждаю, что все приведенные выше пункты верны и что я обязываюсь исполнить их, как и все то, что выше написано обо мне.

Сыновья дворян

Может быть, у сыновей и дочерей представителей дворянского сословия было более беззаботное детство/отрочество? Ни в коем случае. После получения какого-то начального образования — дома, в монастыре или в школе-пансионате, которые постепенно начали появляться в крупных городах, мальчики начинали готовиться к единственно возможной для дворянина карьере — военной. То есть к тому, чтобы стать рыцарем.

Хотя нет, оговорюсь, был еще один вариант — стать священником. В таком случае ребенка оставляли в монастыре, где он и получал необходимое для будущего клирика образование.

Ну а жизнь будущего рыцаря, как пишет Мишель Пастуро, начиналась с долгого и непростого обучения сначала в родительском доме, а затем, с десяти или двенадцати лет, у богатого родственника, крестного или покровителя. В основном этим человеком был сеньор его отца. Цель начального, семейного и личного образования — научить элементарным навыкам верховой езды, охоты и владения оружием. Следующий этап, более длительный и более сложный, уже представлял собой настоящее профессиональное и эзотерическое посвящение. Он проходил в группе. На каждой ступени феодальной пирамиды сеньора окружало нечто вроде «рыцарской школы», где сыновья его вассалов, его протеже и, в некоторых случаях, его менее состоятельные родственники обучались военному мастерству и рыцарским добродетелям. Чем влиятельнее был сеньор, тем больше набиралось у него учеников.

Прислуживая ему за столом, сопровождая на охоте, участвуя в увеселениях, мальчики приобретали опыт светского человека. Кроме того, будучи пажом, ребенок учился хорошим манерам, игре на музыкальных инструментах, пению, танцам, стихосложению. Юный паж должен был усвоить такие ценности, как доблесть, храбрость, стремление к славе, великодушие, бескорыстное поклонение даме. А занимаясь лошадьми своего сеньора, поддерживая в порядке его оружие и, позже, следуя за ним на турнирах и полях сражений, они накапливали знания, необходимые военному человеку.

Трое детей из дворянской семьи. Самый младший лежит в колыбели. Средний учится ходить с помощью ходунков, старший играет с лошадкой на палке. Миниатюра. Вторая половина XV в. Франция

Студенты за учебой. Гравюры XVI в. со средневековой миниатюры

В какой-то степени обучение будущих рыцарей очень напоминает обучение будущих ремесленников. Те были сначала учениками, бесправными и бесплатными, потом становились подмастерьями — квалифицированными работниками, работающими за жалованье, и только если у них хватало денег или удачи открыть свое дело, они превращались в мастеров — полноправных и весомых членов общества. Дворянские же дети точно так же сначала были пажами, и прав у них было практически столько же, сколько у учеников ремесленника. Получив необходимые знания и навыки, они получали звание оруженосца и должны были носить его минимум до достижения 21 года (при отсутствии чрезвычайных обстоятельств), после чего могли быть посвящены в рыцари. Но на самом деле стать рыцарем кому удавалось, кому нет — в те времена это было делом недешевым и хлопотным. Не всем это было по карману. А некоторые и добровольно предпочитали на всю жизнь оставаться в звании оруженосца.

И сразу чтобы прояснить вопрос с чтением и письмом. В архивах сохранилось немало писем, в том числе и от средневековых рыцарей, адресованных их дамам, сеньорам, вассалам и просто другим рыцарям.

Часть из них написана секретарями, на остальных же есть приписка «писано собственной рукой такого-то».

**«Д'АРТАНЬЯН СРЕДНЕВЕКОВОЙ БУРГУНДИИ
ИЛИ КАК НАЧАЛ СВОЮ КАРЬЕРУ КАПИТАН
ГВАРДИИ ОЛИВЬЕ ДЕ ЛА МАРШ».**

А. В. КУРКИН

Оливье де Ла Марш, скорее всего, родился в 1427 или 1428 г. в родовом гнезде Ла Маршей и 25 марта был крещен в церкви Вилегодена. (21) Около 1434–1435 гг. родители, проживавшие тогда в замке Жуа, отдали своего отпрыска в школу при монастыре города Понтайе. Школа располагалась в 1 лье от замка, поэтому чета Ла Маршей озаботилась поиском временного жилья для сына в самом городе. Восемилетний Оливье был принят в доме Пьера де Сен-Мори, друга и союзника семьи Бутон. Для будущего историографа, капитана бургундской гвардии и блестящего придворного началась пора зубрежки и взросления.

Оливье имел живой склад характера, увлекался историями о храбрых рыцарях и прекрасных дамах и прилежно учил латынь... В 1439 г. умер Филипп де Ла Марш, и Жанна Бутон была вынуждена в целях экономии прервать обучение сына.

Семья переехала обратно в замок Ла Марш в Вилегодене, откуда даже скучное однообразие Понтайе представлялось ярким карнавалом. В общем, юного Ла Марша, грезившего рыцарскими подвигами, ожидала пресная судьба заштатного мелкопоместного дворянина. Однако Жанна Бутон, подозревая в сыне скрытые до времени таланты, постаралась во что бы то ни стало открыть перед ним двери в мир, достойный его происхождения.

Удачный случай представился в 1440 г., когда брат Жанны Жак де Коберон женился на богатой и знатной девице Антуанетте де Сален-ла-Тур. Последняя приходилась родственницей известному шалонскому вельможе Гийому де Лурье и с подачи мужа рекомендовала сеньору де Лурье молодого Ла Марша. Оливье был принят в доме Лурье в качестве пажа Анны де Шамбр, жены хозяина. В Шалоне Ла Марш прожил больше года, обучаясь куртуазной и воинской науке и ожидая очередного подарка судьбы.

Событием, определившим всю дальнейшую жизнь нашего героя, стало посещение Шалона Великим герцогом Запада Филиппом Добрым (1442 г.). Во время пребывания многочисленного и пышного бургундского двора в городе, жители которого должны были выбирать между счастливой возможностью лицезреть своего сюзерена и тягостным бременем содержать его прожорливую свиту, Гийом де Лурье представил своего воспитанника Антуану де Круа и Антуану де Тулонжону. Последний, в память об отце молодого Ла Марша, некогда служившего в его роте, рекомендовал обмирающего от счастья юношу самому герцогу Филиппу. И чудо произошло! Могущественный принц в награду за верное служение рода Ла Маршей бургундскому дому велел зачислить Оливье в штат пажей своей конюшни.

Вся последующая жизнь Ла Марша оказалась накрепко связана с великолепным отелом герцогов Бургундских. Сперва Оливье, согласно приказу Филиппа Доброго, несколько лет служил оруженосцем конюшни герцога под началом премьер-оруженосца Гийома де Серси, получая скромное жалованье в размере 3 су в день. Однако деньги ничего не значили для молодого человека, с головой погружившегося в блистательный мир самого пышного двора Европы...

Дама и рыцарь за игрой в шахматы. Миниатюра XIII в.

Девочки, которым не надо было работать

То есть дочери дворян, богатых фермеров, горожан и торговцев. Уж их-то детство могло протекать в покое, праздности и веселых играх?

Как бы не так! В Средневековье на жизнь смотрели достаточно практично, с детьми, как уже, наверное, и так понятно, не носились и видели в них не маленьких ангелов (хотя Церковь иногда что-то такое проповедовала), а будущих взрослых. Поэтому на каждую маленькую девочку из приличной семьи смотрели как на будущую жену, мать и хозяйку дома. А следовательно, ее с детства и готовили к ведению домашнего хозяйства и выполнению прочих обязанностей, положенных ей по статусу.

Причем чем выше был этот статус, тем больше подразумевалось обязанностей. Дочь состоятельного купца или ремесленника должна была уметь руководить хозяйством, готовить, шить (и вообще рукодельничать), вести домашнюю бухгалтерию и т. д. Дочь знатного дворянина вдобавок ко всему этому должна была танцевать, музицировать, разбираться в литературе, искусстве, геральдике, генеалогии и политике. Причем последнее — обязательно, потому что период феодализма — это время гражданских войн и постоянного противостояния различных партий. Без знания, кто с кем, кто кому кем приходится и какая предыстория у каждого конфликта, и шагу нельзя было ступить. Кроме того, знатной даме надо было немного разбираться и в военном деле ведь в отсутствие мужа именно она управляла поместьем и защищала замок от посягательств.

Ну и, наконец, дочери аристократии и тем более королей вдобавок ко всему перечисленному (готовить и шить они тоже должны были уметь) обучались искусству дипломатии, иностранным языкам, читали античных и современных авторов — потому что им в случае необходимости (отсутствия мужа, а также вдовства и опеки над детьми) требовалось уметь управлять графством, а то и целой страной. И, надо сказать, знатым дамам нередко приходилось применять это умение на практике.

Письма пастонов

Надо объяснить, о каких письмах пойдет речь, прежде чем перейти к рассказу о том, как же на практике выглядело воспитание девочек из благородных семей.

Дело в том, что большинство документов, сохранившихся со времен Средневековья, — это юридические или правительственные записи, финансовые счета, описания недвижимости и завещания. Но к огромной радости историков, есть несколько семей, которые сохранили свои архивы и любезно предоставили нам возможность изучать личную переписку людей, живших несколько сотен лет назад.

Такие письма — настоящий клад информации, потому что из них можно почерпнуть как много интересного о событиях общенационального и даже международного значения — войнах, восстаниях, государственных переворотах, придворных интригах и сплетнях, так и о бытовых подробностях — вопросах, связанных с устройствами свадеб и похорон, земельных тяжбах, управлении хозяйством и т. д.

Из Англии XV века до нас дошли два таких архива — так называемые «письма Пастонов» и «письма Стоноров». В собрании Стоноров часть документов датируется 1431–1462 годами, но основная масса приходится на 1470–1483 годы. В основном это переписка главы семьи с родственниками, друзьями и покровителями. Папка семьи Пастонов состоит более чем из тысячи писем, написанных тремя поколениями в период 1422–1509 годов. Это самая старая личная переписка, сохранившаяся на сегодняшний день в Великобритании. В этих письмах отражены события четырех царствований (Генриха VI, Эдуарда IV, Ричарда III и Генриха VII).

Джон Пастон много жил в Лондоне, и в эти периоды его жена подробно описывала ему в письмах жизнь в их норфолкском имении, дела семейные и общественные, а он в свою очередь сообщал лондонские новости. Кстати, по письмам хорошо заметно, какой уровень образования у их авторов. Стоноры и Пастоны там не только о делах пишут, но рассуждают о политике, объясняются в любви, рассказывают о литературе и иногда даже сочиняют стихи.

Представитель первого поколения Пастонов, Клемент Пастон, был крестьянином из Норфолка, но за два поколения Пастоны разбогатели, купили поместья и влились в ряды местной знати. Правнуки Клемента жили при королевском дворе, были посвящены в рыцари, среди них были шерифы и члены парламента от Норфолка. Начиная с сына Клемента, Уильяма Пастона I, все мужчины семьи получали образование в Кембридже и Оксфорде, а также лондонских юридических корпорациях. Семья Пастонов просуществовала до XVIII века, причем набирала все больший вес, получила титул и пэрство, но в итоге прекратила свое существование со смертью в 1732 году сына Марджери и Джона Уильяма Пастона, второго графа Ярмутского. Его жена Шарлотта была незаконнорожденной дочерью короля Джеймса II.

Стоноры были семейством джентри, то есть землевладельцами благородного происхождения, весьма состоятельными и, разумеется, состоящими в родстве с половиной английской аристократии и дворянства. Благо со времен Вильгельма Завоевателя у семейства было время и возможности богатеть и обрастать родственными связями.

***ИЗ КНИГИ МИЛЛЫ КОСКИНЕН «О
ПРЕКРАСНЫХ ДАМАХ И БЛАГОРОДНЫХ
РЫЦАРЯХ»***

...Одно из писем, касающихся темы отправленных на воспитание дочерей, было, очевидно, ответом вдовы Томаса Стонора I ее дочери, которая была против своей воли и воли матери помещена королевой на воспитание в чужую семью. И вот бедолага писала Алис Стонор, умоляя

принять ее обратно домой, потому что семья, в которую ее поместили, не любит ее и устала от нее.

У Томаса Стонора и Алис Кирби было пять или шесть дочерей (и два сына), так что неизвестно, кто именно из девочек Стоноров жаловался на судьбу — Элизабет, Изабель (хотя, скорее, прав историк Кингсфорд, а не Алисон Ханьям, что это была одна и та же девочка, Элизабет, она же Изабель), Мод, Филиппа, Джоан или Анна. Тем не менее любая из них была очень богатой наследницей, и ее насильственное отлучение от дома было вызвано волей королевы наградить кого-то из своих людей доходами до совершеннолетия опекаемой и, скорее всего, ее замужеством с отпрыском семейства опекунов.

Алис отвечает дочери, что она и ее новый муж, Ричард Дрейтон, были бы счастливы видеть девочку у себя, но не смеют сделать это без письменного разрешения королевы и согласия нынешних опекунов дочери: «видя раздражение Ее Величества против меня, мой муж сказал, что он не готов ее слушаться». «Я думаю, что они не так уж устали от тебя, принимая во внимание ту энергию, с которой они тебя добивались», — пишет мать. Королевой, о которой идет речь, была Маргарет Анжуйская, которая на новый 1449 год подарила по золотому армлету Алис Стонор и Ричарду Дрейтону, и еще раз, в 1453 году, Ричарду Дрейтону...

А вообще девочек помещали на воспитание в чужую семью по многим причинам. Очевидным поводом была смерть хозяина дома. Как бы богата ни была вдова, она практически никогда не могла рассчитывать на то, что ей позволят воспитывать собственных детей. Наследники и наследницы имели такую колоссальную ценность на брачном и политическом рынках, что зачастую ребенка забирали от матери чуть ли не в младенческом

возрасте, помещая в семью «хранителя» до достижения 14 лет. Обычно — с правом устройства брака. Таким образом, корона укрепляла доходы и лояльность своих союзников и регулировала приток благ к определенным семействам за счет чужих наследств. Все-таки количество земель короны было ограничено, при этом пожалованные земли, титулы и должности были подвижными. Король дал, король и взял — и передал другому. А вот наследственные земли были личным, неотъемлемым источником дохода рода. Единственным доступным для короны способом произвести перераспределение ценностей в этом случае было распоряжение о передаче наследников в другую семью.

Мать, конечно, могла потребовать должность хранителя для себя, но мало у кого было достаточно влияния и силы, чтобы получить согласие королевской администрации. Известны даже случаи, когда матери похищали своих детей вместо того, чтобы передать их в чужие семьи, но никто теперь не может с уверенностью сказать, что ими двигало: то ли материнская любовь, то ли понимание того, какой ценностью является наследник или наследница семьи. В принципе, еще Магна Карта пыталась ограничить подобную практику короны, и короли клялись не изымать наследников из семей без согласия родителей или опекунов, но согласие легко получить, если семейство просто опасается перечить, а вдовами, большая часть которых быстро вступали в новое замужество, было легко манипулировать.

Сохранилось, например, письмо короля Генриха III к Мабель, вдове Роджера Торпелла: «Мабель, вдове Роджера Торпелла. Она должна помнить, что король дает права на земли и наследников вышеупомянутого Роджера Торпелла, с правом женить наследников, Епископу

Чичестерскому, канцлеру, на время детства наследников... Поскольку Уильям, старший сын и наследник, умер, король приказывает ей, ради нее самой и ее добродетели, не задерживать Айселотту, следующую по старшинству и наследованию, а передать ее посланцу епископа, который предъявит письмо, доказывающее, что он этим посланцем является». Довольно недвусмысленный приказ. А ведь Генрих III считался королем даже слишком либеральным. Учитывая же особенности характера Маргарет Анжуйской, легко понять, что Алис Стомор и ее муж просто боялись за себя и за дочь.

Второй причиной, по которой джентри и даже аристократы добровольно помещали своих наследниц на воспитание в могущественные семьи, было желание заключить союз о покровительстве своего рода, попасть на ту социальную ступеньку, которая в противном случае была бы недоступна. К примеру, дочери еще одного Стомора, Уильяма, уже во времена Эдварда IV воспитывались при дворе самой Сесилии, герцогини Йоркской, матери короля. И смогли устроить так, что их мачеха, всего лишь купеческая вдова, попала в светское общество и была в свите герцогини в 1476 году, когда та встречалась со своим сыном-королем в Гринвиче. Собственно, именно из письма этой Элизабет Стомор и известно, что герцогиня осталась недовольна платьями своих воспитанниц Стомор и пригрозила, что если их отец не озаботится гардеробом девочек, она отправит их прочь.

И третьей причиной была привлекательность богатых брачных рынков, которыми потенциально и являлись дворы больших вельмож. Дороти Пламpton, в свое время засыпавшая отца мольбами забрать ее от леди Дарси (на которые тот ни разу даже не ответил, имея на руках еще пятерых сыновей и семь дочерей), с помощью леди Дарси

благополучно вышла замуж. Леди, впрочем, изначально взяла Дороти к себе, чтобы помочь Пламптонам, переживавшим в тот момент не лучшие времена. У Дороти совершенно очевидно не было приданого, но для кого-то покровительства леди Дарси оказалось вполне достаточно.

А иногда в семьях появлялись сложные дочери, которые своим поведением доставляли семейству и себе такие проблемы, что единственным способом пристроить их хоть в какое-то замужество было покровительство какой-нибудь значительной леди. Например, у Агнес и Уильяма Пастонов, семьи уважаемой и имеющей дело с виднейшими аристократами своего времени, старшая из дочерей, Элизабет, ухитрилась связаться с каким-то молодцем, замужество с которым с точки зрения семьи было совершенно невозможным. Девицу побили и заперли, но отношения между дочерью и родителями осложнилось до такой степени, что она была готова выйти за Стивена Скропа, который по возрасту годился ей в деды и, по слухам, был исключительно безобразен, но даже из этой попытки ничего не вышло. Элизабет было уже 29 лет, когда ее взяла к своему двору вдовствующая леди де ла Поль — и через год засидевшаяся в девичестве бунтарка оказалась замужем за сэром Робертом Пойнингсом. Правда, муж вскоре погиб при Сент-Олбанс, но теперь Элизабет была сама себе хозяйкой. Впрочем, с мужьями ей определенно не везло. Ее второй муж, сэр Джордж Браун, ухитрился в 1483 году примкнуть к бунту герцога Бэкингема и был казнен. Невольно приходит в голову, что родители оказали Элизабет Пастон очень дурную услугу, пытаясь устроить ее жизнь наилучшим образом...

Если с современной точки зрения подобные методы кажутся бесчеловечными, то имеет смысл вспомнить о том, что феодальное общество

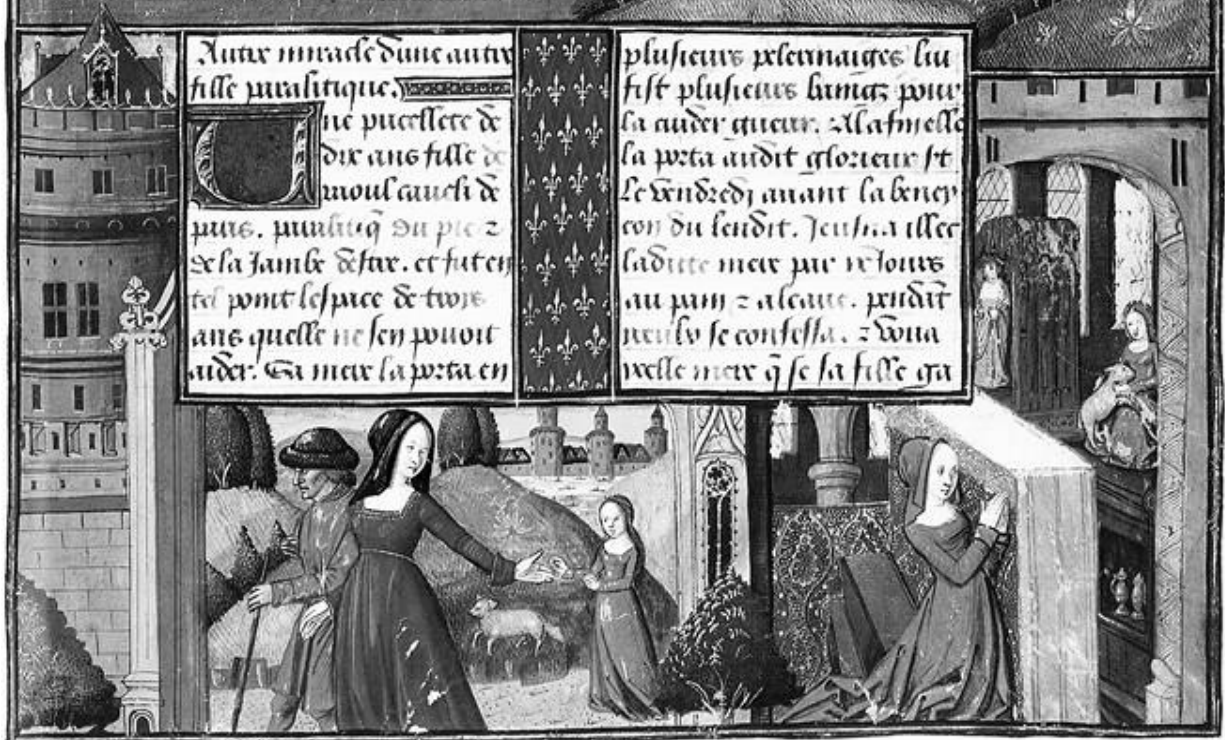
держалось на иерархии и подчинении. Над каждым бароном был местный граф или герцог, над каждым пэром — король, и над всеми был Бог, представляемый Церковью. В свою очередь, и король, и пэры были зависимы от своих подданных — в Англии, по крайней мере, которая избежала многих несчастий, ограничив власть монарха уже в двенадцатом столетии. Дисциплина, умение подчинять себе свои страсти и подчинять себя вышестоящим, при таком положении вещей была практически базовой необходимостью. И девочки в этом отношении вовсе не были исключением. Им тоже нужно было учиться подчиняться, требовать подчинения и иметь превосходный самоконтроль.

Autre miracle d'une autre
fille paralitique.

Une pucelle de
dix ans fille de
moulcauchi de
purs. purluq du pie z
de la jambe de fax. et fut en
tel point le space de trois
ans quelle ne sen pouoit
aider. Sa mere la porta en

plusieurs pelerinages lui
fist plusieurs lumes pour
la aider guere. Alafmelle
la porta audit glorieux st.
Le vendredy auant la beney
con du leudit. Jous a illec
ladite mere par ve jours
au pain z a leure. pendit
neuly se confessa. z dona
elle mere q se la fille ga

Маленькая Одетта парализована, мать приносит ее к могиле Святого Людовика, случается чудо и Одетта снова может ходить. «Жизнь и чудеса святого Людовика». Франция. XV в.

Приношение сердца. Гобелен. Франция. 1400–1410 гг.

Наказание нерадивого ученика. Миниатюра. Конец XV в.

Женское образование — теория и практика

Образование и воспитание женщин вызывало в Средневековье столько споров, что их отголоски запутывают историков до сих пор. С одной стороны, женщина была вроде как сосуд греха, и вообще ее дело — рожать детей и вести хозяйство, зачем ей образование. Робер де Блуа, например, автор двух трактатов о воспитании, назвал их «Обучение господ» и «Целомудрие дам» — его подход к женскому образованию ясен уже по одним только названиям. В трактате для женщин у него в основном рекомендации не «оголяться», не разрешать другим прикасаться к их телу и губам, не слишком много есть и пить, не останавливаться перед окнами чужих домов, не лгать и т. д.

Примерно такое же мнение высказывает и Филипп Новарский, когда пишет о воспитании женщин. По его мнению, девушек, в отличие от юношей, не следует учить чтению и письму, если только они не собираются стать монахинями, потому что ненужные знания ведут только к греховным увлечениям, а для благополучия женщины достаточно плотской и нравственной чистоты.

Студентка на лекции знаменитого юриста Джованни де Леньяно в Болонском университете. 1385 г.

С другой стороны, практические соображения сильно противоречили идеологии. Кто управлял замком или поместьем, пока рыцарь воевал? Кто вел дела, пока торговец уезжал по делам, причем иногда чуть ли не на другой конец Европы? Кто присматривал за мастерской во время болезни и отсутствия ремесленника? Естественно, жены. По очень простой и практичной причине — жена была

единственным человеком, которому можно было полностью доверять. Ее благополучие было полностью связано с благополучием мужа. Не зря супруги считались единым целым — жена возвышалась с мужем и разорялась вместе с ним, и им некуда было друг от друга деваться, «пока смерть не разлучит» (о средневековых разводах поговорим немного позже).

Дама, читающая свиток. Франция. Миниатюра. 1440–1460-е гг.

Поэтому, даже если не учитывать того, что и для ведения домашнего хозяйства необходимо как минимум уметь считать, образованная жена была для мужчины помощницей, а неграмотная — обузой. Естественно, речь не об университетском образовании, но уж читать, считать и иметь определенные специальные знания, касающиеся рода деятельности мужа, было практически необходимо.

Нельзя забывать и о вдовах. Они составляли довольно большую часть средневекового общества, причем многие из них были молоды (особенно вторые-третьи жены, которые обычно были намного младше мужей). В Англии, например, в XV веке, когда мужчины активно гибли то в битвах с французами, то в гражданских войнах, в руках вдов находилось до трети всех аристократических земельных владений. Цеховая статистика тоже говорит в пользу женщин — вдовы нередко наследовали мастерскую покойного мужа и продолжали его дело. Вели женщины и торговые дела, особенно в таких купеческих странах как Англия и итальянские государства.

Все это нашло отражение и в философско-воспитательной литературе. Франческо да Барберино, например, в трактате «Поведение и нравы женщины», написанном в 1318–1320 годах, размышлял об обучении женщин чтению и письму и отмечал, что «многие это одобряют и многие порицают». Сам он пусть и с неохотой, но допускал, что знатной женщине стоит научиться читать и писать «надлежащим образом» на тот случай, когда, овдовев, она станет «хозяйкой земель и госпожой вассалов». Кстати, в качестве учителей для знатных девочек он рекомендовал нанимать женщин. Что само по себе уже говорит о существовании достаточного количества образованных женщин, которые могли бы работать домашними учительницами.

Школьное образование

А сейчас оставим на время женщин, все-таки в Средние века даже в самых передовых странах они обычно довольствовались лишь домашним образованием. Что в общем-то естественно — в те времена предполагалось, что женщина не должна работать, ее дело — вести домашние дела, поэтому и обширное систематическое образование ей ни к чему, только зря время потратит. Были, конечно, исключения, были даже женщины, окончившие университет, но все-таки это исключения, а не правило. Поэтому о них будет несколько слов попозже. А пока поговорим о мужчинах, которые проходили все образовательные стадии — начальную школу, среднюю школу и университет.

Причем они тоже не были правилом. Хотя и исключением их назвать нельзя. Скажем так: человек с университетским образованием в Средневековье был примерно как сейчас доктор наук — вроде и обычное явление, и все-таки не на каждом шагу встречается. Другое дело, люди, окончившие начальную школу, то есть умеющие как минимум читать, писать и считать. Сохранились данные, что во Флоренции в 1338 году было около десяти тысяч школьников. Это на город со стотысячным населением. «От восьми до десяти тысяч мальчиков и девочек учатся читать, от тысячи до тысячи двухсот мальчиков в шести школах изучают счет и алгебру, — писал Джованни Виллани. — Тех же, кто обучается грамматике и логике, насчитывается от пятисот пятидесяти до шестисот человек в четырех больших школах».

Уровень грамотности

В то время около 40 % жителей было моложе 18 лет, нетрудно подсчитать, что в школе учился каждый четвертый ребенок, то есть как минимум 25 % жителей в итоге становились грамотными. В Англии в тот же период, по подсчетам Мортимера, в городах грамотными были около 20 % жителей.

«Заседания поместных судов тщательно протоколируются, равно как и финансовые дела каждого поместья, — пишет он. — Каждый епископ ведет реестр. В каждом большом поместье на каждого богатого землевладельца работают клерки. У каждого судьи есть конторские работники, равно как у каждого шерифа, сборщика выморочного имущества и коронера. Большинство богатых купцов ведут бухгалтерию в том или ином виде. К 1400 году даже церковные старосты умеют вести баланс доходов и расходов. Все профессионалы в городе — врачи, юристы, нотариусы, хирурги и школьные учителя — умеют писать и читать, около двадцати процентов остальных ремесленников тоже грамотны. В сельской местности основную часть грамотного населения составляют поместные клерки, приходские священники и ктитеры. При составлении списков фригольдеров, наиболее достойных доверия, часто специально указывается, грамотны ли они, и таковых находится немало».

То есть, 20–25 % грамотных. Достаточно неплохие цифры, если вспомнить, что речь идет о людях, получивших школьное или равноценное ему домашнее образование. Подчеркну — они умели писать. Не только читать, а именно писать.

Чтение и письмо

Современному человеку трудно понять, в чем разница. Мы-то сейчас читать и писать учимся параллельно. Но в Средние века все было по-другому. Вспомните про крестики вместо подписей королевских чиновников в IX–X веках. Неужели кто-то в здравом уме дал бы составлять и подписывать документы людям, не умеющим читать? Естественно, нет, мало ли что им там подсунут для подписи и печати.

Все объясняется просто — в Средние века читать и писать учились по-разному, и это были два совершенно отдельных процесса. Поэтому множество людей умели читать — кто-то бегло, кто-то с грехом пополам, но при этом совершенно не умели писать, как уже упоминавшийся Карл Великий.

Как учили читать? Не по буквам, а по словам и целым речевым конструкциям. Кто изучал иностранные языки по различным ускоренным методикам, поймет, о чем идет речь. В Средневековье для этого часто использовались молитвы (если учились читать на латыни) или какие-то простые, всем известные тексты. Выглядело это так. Вот у вас есть предложения «мама мыла раму» и «папа ест кашу», вы знаете, как они звучат, знаете, кто такие мама и папа, что такое рама и каша и что значит «мыла» и «ест». Читаете их раз за разом и постепенно запоминаете, как выглядят эти слова «мама», «папа», «мыла», «ест», «кашу» и «раму». В следующий раз вы встречаете предложение «папа мыл раму» и понимаете, что это значит. Вот так постепенно и формируется навык чтения.

В принципе, так научиться читать можно даже самостоятельно и уж точно — с помощью любого другого умеющего читать человека. Конечно, с таким подходом умение читать бегло напрямую зависело от количества и разнообразия прочитанных книг. Но для большинства людей огромный словарный запас и не требовался — читали они в основном королевские указы, деловые письма и записи в бухгалтерских книгах, а там словарь довольно ограниченный.

Другое дело — умение писать. Этому учили примерно как сейчас — сначала буквы, потом их сочетания, дальше слова, словосочетания и наконец предложения. Это требовало времени, сил и денег — учителю

надо было платить. Поэтому если читать к XIV веку в городах умело большинство населения, то писать — уже названные выше 20–25 % (в деревнях — от силы 5 %). Чем глубже в Средневековье, тем эта цифра, разумеется, ниже, зато в XV веке уровень образования рванул вверх настолько, что, как я уже говорила, понадобилось книгопечатание, чтобы удовлетворить растущий спрос на литературу.

Средняя школа

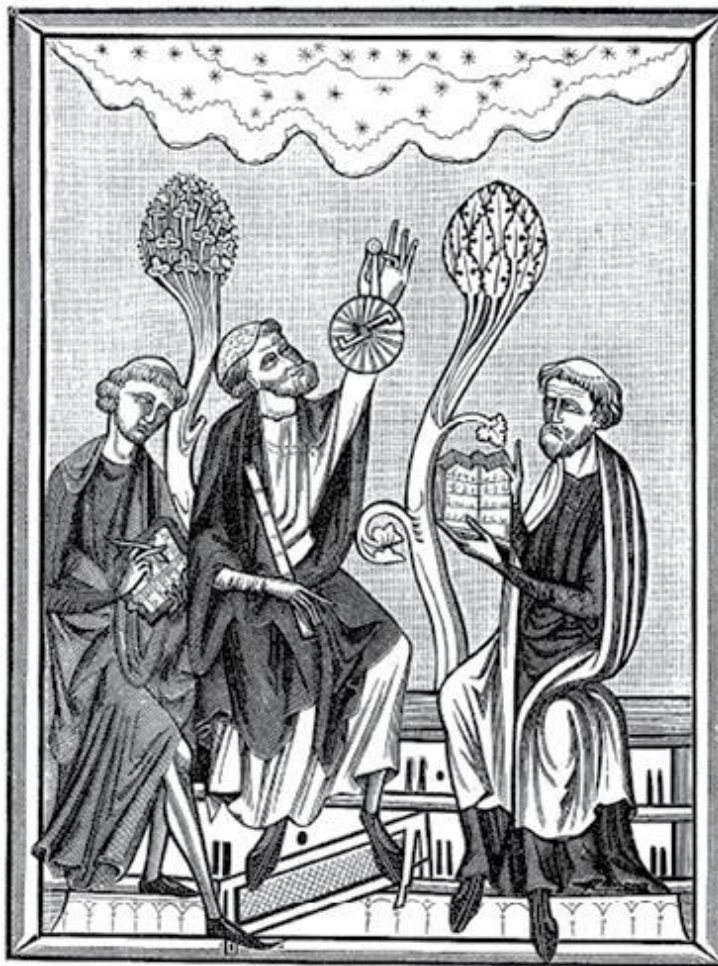
Если в начальной школе к XIV веку уже учился примерно каждый четвертый-пятый ребенок, то в средней их ряды сокращались в пятьдесят раз. Крестьянам и ремесленникам продолжать тратить деньги не было смысла — читать-писать-считать научили, и хватит, надо получать практические навыки, учиться будущей профессии. Так что в среднюю школу переходили в основном дети торговцев и чиновников.

В итальянских городах, например, после начальной школы, где дети примерно до одиннадцати лет получали азы знаний, шла так называемая счетная школа (которую условно можно считать средней). Там учили алгебре, геометрии, астрономии, а также бухгалтерии и основам банковского дела, потому что образование в Средние века преследовало практические цели. В купеческой Италии платить за среднее образование могли в основном богатые торговцы, и следовательно на них школы и ориентировали свою программу.

Альтернативой счетной школе была школа грамматическая, которая тоже давала среднее образование, но уже гуманитарное. Популярна она в Италии была куда меньше, но все же достаточно, чтобы во Флоренции в середине XIV века было четыре таких школы. Там учили латинской грамматике, читали древнеримскую литературу, изучали мифологию и древнюю историю.

Высшее образование

В том же 1338 году в той же Флоренции, спасибо итальянскому хронисту Джованни Виллани, было примерно 500–600 студентов. Напоминаю — на сто тысяч населения. То есть всего чуть больше 0,5 %. И это Флоренция, богатый торговый город в Италии — самой просвещенной европейской стране своего времени. В большинстве городов этот процент был куда ниже.

Урок астрономии. Миниатюра XIII в.

С другой стороны — в 1338 году во Флоренции еще не было своего университета, там существовало только что-то вроде колледжа, тогда как в Болонье или Париже — крупных университетских городах — количество студентов исчислялось тысячами.

Что же из себя представляло средневековое высшее образование? Вопрос несколько запутанный, в основном потому, что единой системы практически не существовало. И переход от среднего образования к высшему был довольно расплывчатый. Не говоря уж о том, что Средневековье — это период, охватывающий тысячу лет, за которые все много раз менялось. Да и вообще, средневековый университет — такая обширная тема, о которой можно написать несколько томов. Поэтому я не буду пытаться объять необъятное, отложу подробное описание жизни, учебы, развлечений и дуэлей школяров до следующей книги, если она будет, и опишу средневековый университет только в самых общих чертах.

Средневековые университеты

Считающийся старейшим в Европе Болонский университет был основан примерно в 1088 году, а в 1158 году император Священной Римской империи Фридрих I Барбаросса даровал ему права и свободы, ставшие основой университета, как независимой организации. Поначалу там преподавали лишь юриспруденцию, и вскоре он приобрел огромный авторитет. Через сотню лет были открыты факультеты философии, теологии и медицины.

Оксфордский университет, по некоторым данным, был основан около 1098 года, по другим — примерно в середине XII века.

Парижский университет ведет свою историю примерно с 1150 года, а в начале XIII века ему были дарованы права, привилегии, освобождение от налогов, самоуправление и даже право иметь свою печать.

В 1180 году во французском городе Монпелье появился медицинский факультет. В конце XIII века он превратился в полноценный университет, где изучали медицину, право, теологию и философию.

Кембриджский университет был основан в 1209 году в английском городе Кембридж, по некоторым данным — частью студентов и преподавателей, отколовшихся от Оксфорда.

В 1218 году богословская школа при соборе в испанской Саламанке была преобразована в университет, в котором функционировали кафедры канонического и гражданского права, медицины, логики, грамматики и музыки. В 1255 году Папа Римский подтвердил его статус и даровал его выпускникам право преподавания по всему миру.

В 1229 году в Тулузе был основан теологический университет, который, впрочем, вскоре превратился в одну из сильнейших высших юридических школ Европы.

Даты основания, надо признаться, примерные — первенство Болоньи оспаривают почти все перечисленные высшие учебные заведения, плюс университеты Пармы и Салерно, называющие датой своего основания аж X век.

Лектор и ученики. Гравюра XV в.

Всего же к концу XIII века в Европе существовало около полутора десятков университетов. К концу XIV века их уже было, по разным данным, 40–50, а к началу XVI века количество перевалило за сотню.

Средневековый университет

В основном речь пойдет о Парижском университете, благо он очень четко описан в известной статье Предтеченского «Парижский университет в Средние века».

Итак, в какой-то степени все университеты были государствами в государстве. Они формировались по тому же принципу, что и цеховые корпорации, но имели куда больше прав, свобод и привилегий, пожалованных королем и Папой.

Факультетов в Средние века было четыре:

- богословский,
- юридический (или канонический),
- медицинский,
- артистический.

Причем артистический (позже он получил название «философский») факультет стоял в иерархии ниже всех, потому что являлся как бы подготовительным ко всем остальным. Там изучали семь свободных искусств — грамматику, риторику, диалектику, арифметику, геометрию, астрономию и музыку. То есть получали некие общие энциклопедические знания, а уж потом могли выбрать себе специализацию. Любому школяру (студенту) надо было сначала окончить артистический факультет, и только после этого он мог поступить на богословский, юридический или медицинский.

Печать богословского факультета Парижского университета

Кстати, не в каждом университете были все четыре факультета. Парижский университет, например, поначалу был основан как богословский, а Болонский — как юридический. Но со временем в них во всех начинали готовить специалистов по всем трем направлениям, хотя какое-то одно все равно оставалось основным.

Поскольку структура университета напоминала цеховую, любой факультет был, так сказать, научным цехом, с подразделением на мастеров (*magistri* у «артистов», *doctores* на высших факультетах), подмастерьев (*baccalaurei*) и учеников (*scholares*), с обычным цеховым дроблением труда, обычными испытаниями и цеховыми свидетельствами. Степень «мастера» (*magister* или *doctor*) давала право преподавать (*licentia docendi*), степень бакалавра — тоже, но с некоторыми ограничениями.

Во главе факультета стоял декан, избиравшийся из числа профессоров для наблюдения за правильностью преподавания, руководства факультетскими собраниями и экзаменами, а также для охраны прав привилегий данного факультета. Каждый факультет имел свою печать, церковь и своего святого покровителя.

Артистический факультет в университете всегда стоял особняком. С одной стороны, он был как бы низшим — из-за своего подготовительного статуса по отношению к остальным, и студенты

трех «высших» факультетов все время стремились подчеркнуть свое превосходство. Например, в Парижском университете во время чтения лекций они сидели на скамьях, а «артисты» должны были размещаться на полу, на соломенной подстилке, «дабы внушить им смирение».

Книгочей. Гравюра XIX в.

Но с другой стороны, артистический факультет был самым многочисленным и по количеству учеников превосходил остальные факультеты вместе взятые в 3–4 раза. Так, в одном из списков Парижского университета перечислены 25 богословов, 11 канонистов, 25 медиков и 441 артист. Поэтому, когда дело доходило до выяснений отношений на кулаках или мечах, артистический факультет имел явное преимущество.

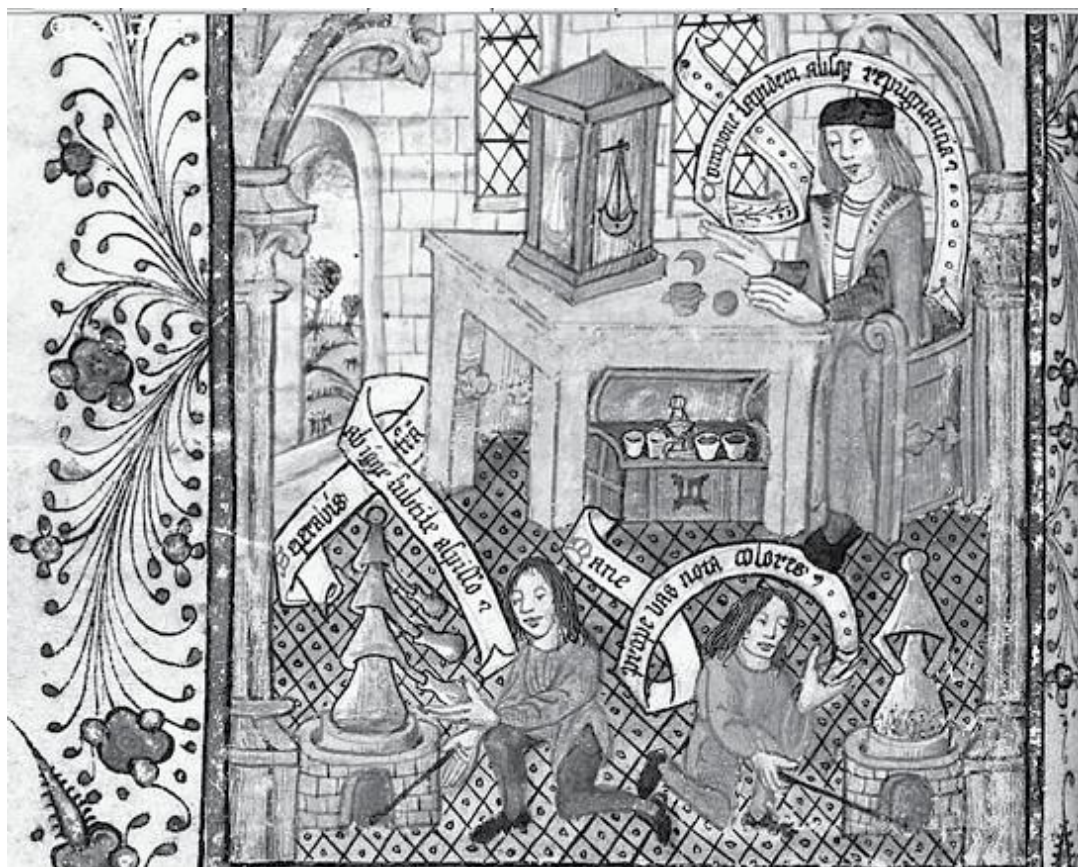

Столяр и его ученик. Гравюра начала XVI в.

К тому же у парижских артистов начиная с XIII века существовали землячества — кружки школяров и магистров, сплотившихся по национальному признаку. «Своих» держались не из чувства патриотизма, а безопасности ради, ну и потому что так удобнее — языком университета была латынь, а вот объясняться с остальными жителями славного города Парижа неместным студентам было сложно. В одном акте 1237 года упоминаются четыре землячества: галльская (куда входили заодно итальянцы и испанцы), норманнская, пикардийская и английская (в которую кроме англичан входили немцы, другие северные народы и жители английских владений во Франции). Эти землячества делились на более мелкие единицы — провинции, которых у «галлов» было пять, а у «англичан» три.

Во главе каждого землячества стоял ректор, избравшийся на месяц из числа магистров, каждое землячество тоже имело свою печать, свои собрания, свои списки, кассу, церковь и своего святого покровителя-патрона. Но со временем все четыре землячества объединились под властью единого ректора, который впервые упоминается в 1245 году, после чего он оказался самой большой силой в университете — куда сильнее деканов. Неудивительно, что вскоре ректор уже официально стал числиться главой всего университета.

В мастерской горшечника. Миниатюра 1440–1460-х гг.

В других университетах была своя специфика, но постепенно, учитывая одинаковые четыре факультета и постоянную ротацию студентов и профессоров между разными учебными заведениями, похожая система сложилась практически везде.

Преподавание в средневековом университете тоже было не совсем такое, как сейчас. Оно складывалось из чтения лекций и диспутов. «Не только учебный год, но и каждый день был тщательным образом

распланирован. Ранним утром (летом обычно не позже 5 часов) начинались обязательные лекции, которые оканчивались около 8–9 ч. утра. После обеда проходили необязательные чтения. Дополнением к лекциям служили диспуты. Порядок, время и приемы этих словесных турниров были определены правилами университета. Иногда диспуты длились несколько дней: так, в 1552 году в Кельне в течение 4 дней по четыре представителя от каждого факультета поочередно вступали в словесную битву. Спор часто принимал столь оживленный характер, что администрация должна была принимать меры для предотвращения рукопашного боя.

Каждый факультет точно устанавливал правила достижения той или иной академической степени. Прежде чем приступить к изучению предметов артистического факультета (семи свободных искусств), необходимо было усвоить латинский язык, на котором велось преподавание. Полный курс „искусств“ делился на два цикла: словесный (грамматика, риторика, логика) и реальный (арифметика, астрономия, музыка и геометрия). Большинство студентов довольствовались изучением только этих дисциплин, на что уходили многие годы, и лишь немногие приступали к высшим наукам — праву, медицине и богословию».

Типография. Гравюра начала XVI в.

Состав школяров был чрезвычайно разношерстным — о многонациональности речь уже шла, но и внутри землячеств студенты были совершенно разные и по возрасту, и по происхождению. Ни верхней, ни нижней планки для обучения практически не существовало, поэтому учиться могли как совсем юные мальчики, так и взрослые мужчины. Что касается социального состава, то в основном это были отпрыски чиновников, торговцев, состоятельных горожан и фермеров. Дворяне в университетах тоже учились, но гораздо реже, все же серьезной, настоящей карьерой они считали прежде всего военную, и только младшие сыновья время от времени отправлялись учиться, например, на юриста. Ну и нетрудно догадаться, что на юридическом и медицинском факультетах преобладали дети юристов и врачей.

Брак, секс и деньги

Незабвенный сын жабы говорил: «Не хочу учиться, хочу жениться», — и матушка выбрала ему в жены Дюймовочку. Сказка не средневековая, и вспомнила я ее только по аналогии — поскольку пора переходить от образования к брачно-семейному вопросу.

Между прочим, если бы жаба с сыном жили в Средние века, выбор учиться или жениться даже не стоял бы. И то, и другое, причем обязательно! Но вот Дюймовочку сыну в жены средневековая жаба никогда бы не выбрала — потому что та не годится ни теоретически (с учетом церковных взглядов на брак), ни практически (с деловой и бытовой точки зрения). Почему? Все очень просто...

Зачем нужно жениться? Мнение первое — церковное

Как уже говорилось в предыдущих главах, Христианская церковь вообще относилась к браку как к неизбежному злу и долго не могла смириться с тем, что даже самые верующие люди все никак не желают умирать девственными. Однако здравый смысл в конце концов возобладал, и единый, нерасторжимый христианский брак был объявлен вполне достойным выбором истинно верующего человека.

Обосновали это отцы Церкви со свойственной средневековым людям практичностью: если все будут хранить добродетель, род человеческий прервется, значит, сексуальные отношения позволительны, но только в браке. Самые практичные добавляли еще, что поскольку человек слаб и не в силах отказаться от плотских удовольствий, брак — это еще и защита от блуда. Ибо «лучше вступить в брак, нежели разжигаться», как говорил Августин Блаженный.

Рождение Александра. Зеркало истории. 1479–1480 гг.

Так что Церковь провела четкую границу между супружеским сексом — полезным занятием по воспроизводству добрых христиан (что стало особенно актуально с началом исламской экспансии) — и всеми остальными сексуальными отношениями, имеющими целью только удовольствие.

Правда, в период раннего Средневековья Церковь все еще старалась максимально ограничить так нелюбимые ею сексуальные отношения даже между супругами. Секс (пусть и с благой целью зачатия детей) был запрещен в религиозные праздники (Пасху, Троицу, Рождество и т. д.), по воскресеньям, средам, пятницам и субботам, во время менструации, а так же во время беременности и кормления. Если все это соблюдать, в среднем остается всего 5–6 дней в месяц. Но к Высокому Средневековью эти правила смягчились — руководства для исповедников, начиная с XI–XII веков, уже не требуют запрещать супружеский долг в среду, пятницу и субботу, да и праздничных дней там становится поменьше.

Мнение второе — практическое

Но каким бы весомым мнение Церкви ни было, люди продолжали вступать в брак и все те столетия, когда христианство брак не одобряло. То есть священники никого не венчали, церковного брака не существовало, а люди все равно женились. Гражданским способом — с одобрения неких государственных органов. Подробно на этом нет смысла останавливаться, книга все же посвящена не брачно-семейным отношениям, а форм регулирования брака в раннее Средневековье было столько, что об этом можно написать несколько томов. Для нас же сейчас значим только сам факт — Церковь брак не одобряла, но люди все равно женились.

Зачем? Ну во-первых, по той же причине, которая со временем дошла и до христианских мыслителей — чтобы рожать детей. А во-вторых, брак всегда и везде выполнял еще одну очень важную функцию — он был сделкой. Причем для всех — от королей до крестьян. Заключая супружеский союз, люди объединяли состояния, подкрепляли договоры о дружбе и сотрудничестве, ну или хотя бы приобретали еще одного работоспособного члена своей маленькой семейной общины.

А как же любовь?

А вообще — была ли любовь в Средние века?

Трубадуры и менестрели дружно утверждали, что да, их тексты полны любовного томления, сексуальности и высоких чувств, то есть всего спектра любовных переживаний и отношений. В средневековых романах влюбленные умирают ради любви — как Ромео и Джульетта, гибнут, не в силах преодолеть преступную любовь — как Тристан и Изольда или Ланселот и Гиневра, а иногда даже живут счастливо, пусть и недолго, — как Лоэнгрин и Эльза или Ивейн и Лодина.

Свадебный пир. Роман «Рено де Монтобан, или Сыновья Аймона». Миниатюра 1467–1469 гг.

Как ни удивительным это может показаться современному человеку, но любовь пропагандировала и Церковь. Милла Коскинен приводит в пример теолога второй половины XII века Томаса Чобемского, который писал: «В замужестве мужчина отдает свое тело женщине, а она ему — свое. Кроме души, ничто не может быть более драгоценно под этим небом». Проповедник-доминиканец Жерар де Майли говорил о том, что муж и жена должны разделять любовь, глубоко укоренившуюся в их сердцах (*intime vel interna cordium dilectione*), а Гуго Сен-Викторский, еще один теолог XII века, подчеркивал, что любовь (*dilectio*) между супругами лежит в основе супружеского таинства, которое является любовью душ.

Любовь — теория и практика

Но насколько все это соответствовало действительности? Может быть, поэмы трубадуров и рыцарские романы были так же далеки от реальности, как современные романтические сериалы? Да и высокие слова отцов Церкви не очень-то вяжутся с реальностью и больше напоминают пропаганду. Вроде как да, любовь должна быть, а теперь мы вас поженим, потому что это выгодно, а вы уж выполните свой долг и полюбите друг друга.

На самом деле бывало по-всякому. Как пишет Абрамсон («Семья в реальной жизни и системе ценностных ориентаций в южноитальянском обществе X–XIII вв.»): «Отдельные, отличавшиеся от топоса и редко включенные в текст нотариальных грамот выражения — „любимейшая жена“, „безмерная любовь“, которую жена, по ее словам, питает к мужу, или желание быть похороненными в одной гробнице и т. п., — раскрывают любовь супругов. Выражения типа „по долгу супружеской любви“ в нотариальных актах представляли собой клише. Подобные выражения означали нормативность требований, предъявляемых к отношениям между супругами: привязанность, верность, исполнение супружеских обязанностей».

Влюбленные. Роман «Рено де Монтобан, или Сыновья Аймона». Миниатюра 1467–1469 гг.

И конечно, теперь никак не определить, желали люди быть похороненными в одной гробнице из большой любви друг к другу или просто потому, что уже заплатили за роскошное совместное надгробие, а слова о любви — лишь красивое прикрытие, соблюдение приличествующих в хорошем обществе норм. Но вряд ли кто-то усомнится в искренности Маргарет Пастон, писавшей мужу в письме: «Я умоляю тебя носить то кольцо с изображением св. Маргариты, которое я послала на память, пока ты не вернешься домой. Ты же оставил мне такую память, которая заставляет меня думать о тебе и день, и ночь, и даже во сне».

Практичные горожане

Как пишет Татьяна Мосолкина в книге «Социальная история Англии XIV–XVII вв», «к браку в городской среде относились очень серьезно и чисто утилитарно — как к способу увеличить состояние, повысить социальный статус, продолжить род...». С другой стороны, она же признает, что для полноценного исследования средневековых семей историкам очень сильно не хватает источников, но те, что есть, все-таки дают достаточно разноплановую картину. «Несомненно, материальные вопросы при заключении брака для английских горожан были очень важны. И мнение родителей, безусловно, имело большое значение. Но и чувства молодых людей играли не последнюю роль. Примером могут служить браки в семье лондонских купцов Сели. Средний брат пишет младшему брату Джорджу о предполагаемой невесте для него: „Она интересная молодая женщина: красивая, с хорошей фигурой, серьезная <...> Дай Бог, чтобы это отложилось в твоей голове и затронуло сердце“. Сам Ричард некоторое время спустя тоже решил жениться. Причем сначала он несколько раз встретился с девушкой (конечно, не наедине), чтобы выяснить, понравится ли она ему и, что интересно, понравится ли он ей. И лишь потом он решил встретиться с ее отцом и узнать, подойдет ли он в качестве жениха, поскольку отец девушки был богатейшим человеком в Котсволде».

В тех случаях, когда сохранилась личная переписка, вопросов о том, были ли какие-то чувства между мужьями и женами, родителями и детьми, братьями и сестрами, даже не возникает. Вот, например, письмо жены Джорджа Сели: «Достопочтенный и милостивый сэр, я обращаюсь к Вам со всем почтением, с каким супруга должна обращаться к супругу, и со всей сердечностью, на какую способна, всегда желая Вам процветания, да хранит Вас Иисус. И если сочтете возможным написать мне о ваших делах, я буду очень рада. Прошу Вас, сэр, не беспокоиться, все ваши товары, слава Богу, в безопасности. И как только Вы сможете завершить ваши дела, прошу Вас поторопиться домой». Не знаю, почему они поженились — по любви ли, из расчета или по воле родителей, но если поначалу чувств и не было, они, несомненно, пришли потом.

Еще один пример из городской верхушки, то есть людей деловых, богатых и влиятельных — мэр Бристоля и один из его самых богатых граждан, Уильям Кэнинджес, «похоронив жену и исполнив все свои обязанности по отношению к городу (он в пятый раз был мэром Бристоля), ушел в монастырь. Считают, что попытка Эдуарда IV найти ему новую жену заставила его оставить свет и принять духовный сан».

ИЗ ПИСЬМА

АНГЛИЙСКОГО ТОРГОВЦА ШЕРСТЬЮ

ТОМАСА БЕТСОНА Катерине Рич,

НАПИСАННОГО 1 ИЮНЯ 1476 ГОДА.

Моя дорогая, горячо любимая кузина Катерина, кланяюсь тебе со всем жаром своего сердца. Теперь ты поняла, что я получил посланный тобой подарок, и я испытывал и испытываю истинное удовольствие от него и принял его с радостью; и еще я получил письмо от Холейна, твоего доброго слуги, из которого я понял, что ты находишься в добром здравии и сердце у тебя исполнено счастья. И я горячо молю Бога, чтобы все продолжалось так и дальше, ибо для меня было большим утешением узнать, что он будет беречь тебя, так что помоги мне Иисус. И если ты всегда будешь есть мясо, ты начнешь поправляться и будешь быстро расти и превратишься во взрослую женщину, что сделает меня счастливейшим человеком в мире, даю тебе честное слово...

Я не буду ничего тебе больше обещать, поскольку по возвращении домой я расскажу тебе

гораздо больше о том, что между тобой, мной и Господом. И если ты, как настоящая женщина, любящая меня, будешь вспоминать обо мне и хвалить меня всякими разными способами, позволяя мне со всем благоразумием в то же самое время отклонять от себя эти похвалы, как мне больше всего нравится, ради твоего утешения, моя милая кузина, ты поймешь, что с добрым сердцем и доброй волей я приму только половину этих похвал и сохраню их в своей душе, а другую половину с нежной любовью и радостью отошлю тебе, моя милая кузина, чтобы опять же поддержать тебя; и вдобавок я пошлю тебе благословение, которое Богородица дала своему дорогому Сыну. Молю тебя, чтобы ты радостно приветствовала моего коня и попросила его отдать тебе четыре своих года, чтобы ты поскорее выросла; а я, вернувшись домой, отдам ему четыре своих года и четыре лошадиные буханки хлеба в благодарность. Скажи ему, что я молю его об этом. И, кузина Катерина, я благодарю тебя за него, ибо ты очень заботишься о нем, как мне сказали...

И я надеюсь, что ты будешь молиться обо мне, а я буду молиться о тебе и, быть может, не так хорошо, как ты. И Всемогущий Иисус сделает тебя доброй женщиной и дарует многие лета и долгую здоровую, добродетельную жизнь, себе на радость. В большом Кале, с этой стороны пролива, в первый день июня, когда все ушли обедать, а часы пробили девять, и все кричат и зовут меня: «Спускайся, спускайся сейчас же обедать!» — и какой ответ я им дам, ты давно уже знаешь.

Написанное твоим преданным кузенком, любящим тебя Томасом Бетсоном. Шлю тебе в подарок кольцо.

*Сельский танец. Часослов Герцога Ангулемского. Франция.
Конец XV в.*

omnia fingunt Omnia q̄ sup̄dicata de arte magi
ca destituit dicendo hec vera desiderantib; tm̄ videri
q̄ per pronuntium est locutus.

Vo te meu pedes aut
quo via ducit in urbem
Quo te moeu pedes. etc. Hec

Чародейка у алтаря Венеры. Вергилий. Франция. Конец XV в.

«Жениться по любви не может ни один король...»

Вдруг может? Насколько права или не права некогда популярная песенка? К счастью, о королях известно больше чем о простых смертных, поэтому можно просто пройтись по списку английских королей XI–XV веков и проверить.

ВИЛЬГЕЛЬМ ЗАВОЕВАТЕЛЬ — женился по пылкой любви на Матильде Фландрской и счастливо прожил с ней всю жизнь, несмотря на то, что их отношения начинались с оскорблений, рукоприкладства и отлучения их обоих от Церкви.

ВИЛЬГЕЛЬМ РУФУС — женат не был.

ГЕНРИХ I — женился на Матильде Шотландской по политическим соображениям, но современники утверждали, что они были знакомы задолго до брака и нравились друг другу. Верным мужем Генрих не был и оставил немало бастардов.

СТЕФАН БЛУАСКИЙ — был счастливо женат на Матильде Булонской, с которой его обручили еще в детстве.

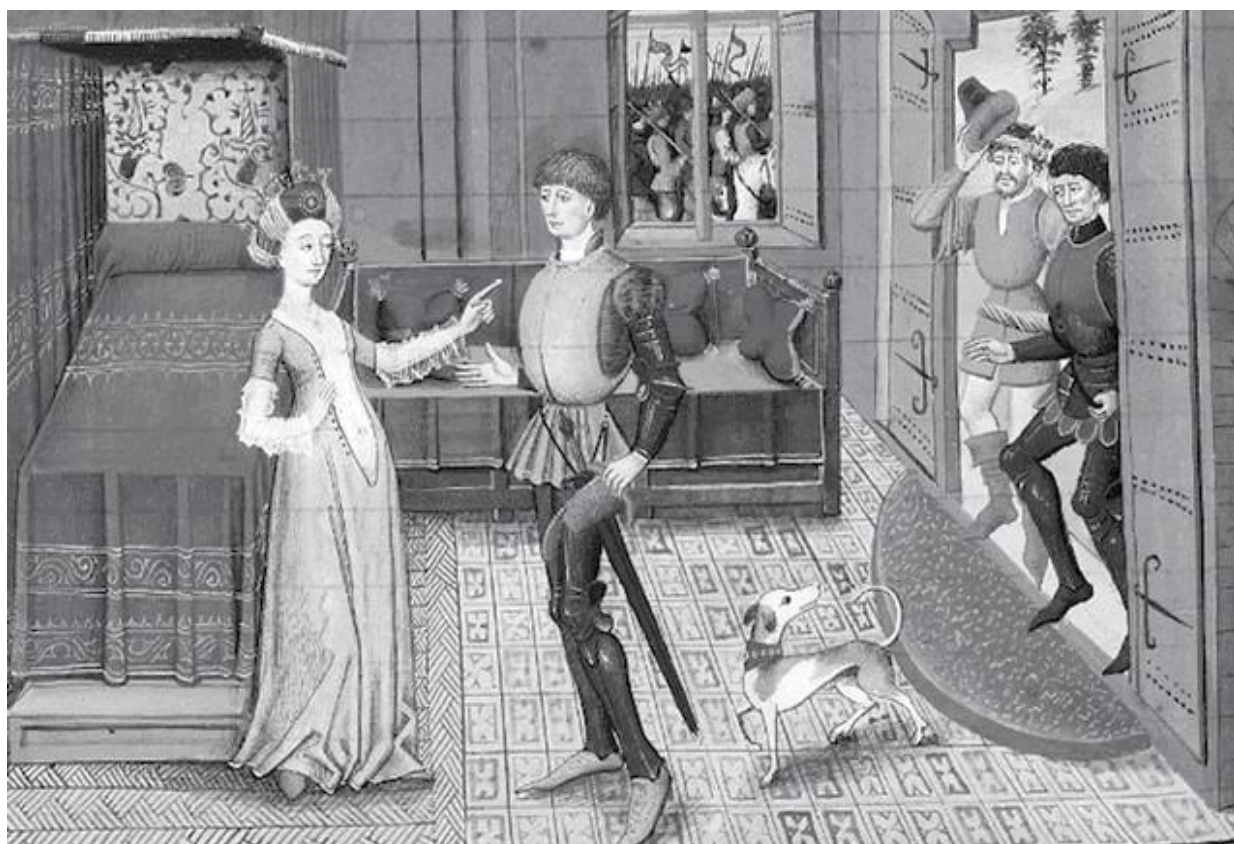
ГЕНРИХ II — женился на истинной звезде своего времени, Алиеноре Аквитанской, самой богатой и влиятельной женщине Европы, на десять лет старше него, к тому моменту уже разведенной жене французского короля. Сначала они жили счастливо, потом долго воевали, а о природе их отношений историки спорят до сих пор, но так и не решили, чего там было больше — политики или чувств.

РИЧАРД I ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ — разорвал помолвку с французской принцессой и женился на Беренгари Наваррской. Несмотря на всю романтичность этой истории, брак был скорее всего по расчету.

ИОАНН БЕЗЗЕМЕЛЬНЫЙ — с первой женой Изабеллой Глостерской развелся и женился на Изабелле Ангулемской, настоящей «прекрасной Елене» Средневековья, потому что этот брак привел к долгой войне Франции и Англии. Иоанн, если верить хронистам, безумно влюбился в Изабеллу и отобрал ее у графа Лузиньяна. Впрочем, любовь не помешала ему иметь многочисленных любовниц. Изабелла же родила ему пятерых детей, а после его смерти вышла замуж за своего прежнего жениха, графа Лузиньяна (который ради этого разорвал помолвку с ее же собственной дочерью) и родила тому еще девятерых детей.

ГЕНРИХ III — был счастливо женат на Элеоноре Прованской, на которой женился по расчету.

ЭДУАРД I — в возрасте пятнадцати лет был обвенчан с Элеонорой Кастильской, с которой прожил в большой любви и согласии до самой ее смерти. Потом по политическим соображениям женился снова — на Маргарите Французской, и вновь очень счастливо.

Первая брачная ночь. Роман «Рено де Монтобан, или Сыновья Аймона». Миниатюра 1467–1469 гг.

ЭДУАРД II — женился на Изабелле Французской, с которой был заочно обручен с детства. Брак был крайне несчастливым и закончился восстанием Изабеллы против мужа и его смертью. Впрочем, по общепринятому мнению Эдуард II был гомосексуалистом.

ЭДУАРД III — женился на Филиппе Геннегау, вероятно, и по политическим соображениям, и по личной склонности, и жил с ней долго и счастливо.

И здесь просто нельзя обойти стороной **ЭДУАРДА ЧЕРНОГО ПРИНЦА**, сына Эдуарда III, которому не удалось поцарствовать, потому что он умер молодым, раньше отца. Черный Принц, несмотря на сопротивление отца, матери и Церкви женился по любви на Джоанне Плантагенет, Прекрасной Деве Кента, к тому времени уже скандально разведенной с первым мужем и овдовевшей после второго брака.

РИЧАРД II — женился по политическим соображениям на Анне Чешской, очень ее полюбил, настолько, что после ее смерти обезумел от горя. Потом, политики ради, снова женился, на Изабелле Валуа, которой было семь лет. Естественно, этот брак был чисто формальным, Ричард умер до того, как Изабелла вступила в брачный возраст.

ГЕНРИХ IV — был женат сначала на Марии де Богун, потом на Жанне Наваррской, оба раза по политическим соображениям, но оба раза очень удачно.

ГЕНРИХ V — воспетый Шекспиром блестящий полководец Генрих V женился из политических соображений на Екатерине Валуа и по брачному договору наследовал вместе с ней еще и французский трон. Удачен был бы этот брак или нет, неизвестно, потому что Генрих умер всего через два года после свадьбы.

ГЕНРИХ VI — женился на выгодной невесте Маргарите Анжуйской, но об их браке тоже мало что можно сказать, потому что

Генрих быстро повредился рассудком.

ЭДУАРД IV — женился по любви на вдове Елизавете Вудвилл, жил с ней счастливо (хоть и имел любовниц). Правда, после его смерти оказалось, что брак был незаконный, потому что он уже успел до этого тайно жениться на другой женщине.

РИЧАРД III — женился по любви на вдове Анне де Невилл. Чтобы получить согласие короля на этот брак, им пришлось отказаться от большей части ее наследства. Жили они счастливо до смерти Анны.

Картина складывается любопытная. Несколько браков точно по любви — так что лжет песенка. Но куда интереснее то, что и королевские браки, заключенные по политическим соображениям, в большинстве случаев оказывались счастливыми. Люди, до свадьбы не знакомые или знакомые совсем немного, жили, по утверждениям современников, в любви и согласии, а смерть супруга/супруги воспринимали как трагедию.

Возможно, «пропаганда» супружеской любви, проводимая Церковью, была не просто пустыми словами? Возможно, короли и принцессы, вступая в брак, верили в эту «пропаганду», старались друг друга полюбить, старались понравиться друг другу, и им это удавалось. Иначе как объяснить такую счастливую статистику?

Прощание. Роман «Рено де Монтобан, или Сыновья Аймона». Миниатюра 1467–1469 гг.

Все-таки вера, религия, Церковь значили в жизни средневекового человека очень много, так много, что сейчас нам очень трудно это понять. Это была не просто вера, а мировоззрение, религией была пропитана вся жизнь человека, все его мышление — от философских теорий до мельчайших бытовых вопросов. Так было и в том, что касалось брачно-семейных отношений.

Церковь не только проводила церемонию заключения брака (самое смешное, что в той же Англии именно это было не всегда в руках Церкви), она была основной инстанцией разрешения всех семейных конфликтов — мирила супругов, наказывала неверных мужей и жен, решала споры. Есть немало свидетельств того, как Церковь заставляла

мужчин бросать любовниц и возвращаться в семью, а женщин — прощать неверных или бивших их мужей и тоже возвращаться под супружеский кров. Причем в Средневековье это решалось не как в XIX веке — не с помощью судов и полиции, нет, в руках Церкви и так была могущественная сила — спасение души. Угрозы лишить причастия хватало, чтобы человек соглашался идти на мировую и как-то договариваться.

От гражданского брака к церковному

Но вернемся немного назад — к тому, как все-таки складывался институт брака в Средние века. Христианская церковь, как уже говорилось, первые века своего существования никак не могла прийти к единому мнению по этому вопросу, поэтому жестко контролировать брак начала только веку к X, а кое-где и к XIII. Как же тогда люди женились в раннее Средневековье и по каким законам?

В основном это были законы и традиции, унаследованные от античных времен. То есть — римское право, а также местные брачные традиции (германские, франкские, скандинавские и т. д.). Поэтому каким бы странным это теперь ни казалось, в период раннего Средневековья и даже в начале Высокого Средневековья брак не был ни моногамным, ни нерасторжимым. То есть, высокопоставленные мужчины нередко имели по несколько жен, не считая наложниц.

Да, это в христианской Европе. Да, христианские короли, герцоги и прочие феодалы. При этом, когда Церковь уже начала решительно настаивать на христианских браках, одна жена могла быть венчанной, а остальные — нет. Это привело к тому, что венчанная в церкви жена имела более высокий статус, но не означало, что остальные жены становились наложницами.

Все это осложнялось еще и существованием конкубината. В Римской империи так называлось сожительство свободного мужчины со свободной женщиной (обычно ниже его по статусу) без заключения брака. Как к этому относиться, Церковь вообще поначалу слабо представляла. Что это — блуд? А если человек живет только с одной женщиной? И что хуже — жить с конкубиной или иметь двух законных, но невенчанных жен?

Раннехристианская церковь смотрела на это достаточно либерально. В постановлении Толедского собора (398 г.) говорилось: «Тот, кто не имеет жены, но имеет вместо жены конкубину, не должен отлучаться от причастия; однако да будет довольствоваться он союзом с одной женщиной, будь она женой или конкубиной — что его больше устраивает». Однако со временем ее терпимость все уменьшалась — пропорционально тому, как росло значение христианского брака.

More danico

Термин «more danico» буквально переводится «на датский манер» или «по датскому обычаю». В раннесредневековой Европе так называли брак, заключенный по старому скандинавскому обычаю, без участия Христианской церкви.

More danico был женат, например, герцог Ролло, основатель Нормандской династии, которого вывели в качестве одного из главных героев в популярном сериале «Викинги». Гизела Французская была частью сделки Ролло с ее отцом, Карлом Простоватым, но кроме нее (венчанной жены, если она вообще существовала) у Ролло была еще жена more danico, некая Поппа из Байё, от которой у него и родился наследник — Вильгельм Длинный Меч. Возможно, после смерти Гизелы Ролло даже обвенчался с Поппой.

История повторилась с их сыном: Вильгельм Длинный Меч был женат на Литгарде де Вермандуа, но у него была еще некая Спота — в качестве то ли конкубины, то ли жены more danico. Брак с Литгардой остался бездетным, так что герцогский титул унаследовал сын Споты Роберт Бесстрашный.

И он в свою очередь тоже имел жену — Эмму Парижскую (и тоже бездетную), и жену more danico — Гуннору де Крепон. После смерти Эммы он обвенчался с Гуннорой и по христианскому обряду, но их старший сын и наследник Ричард Добрый родился еще при жизни Эммы.

Ричард для разнообразия завел наследников от своей официальной жены Юдифи Бретонской, хотя конкубина у него тоже была. А вот его сын Роберт Дьявол вообще не факт что женился хоть раз, так что его наследником стал сын конкубины Герлевы — Вильгельм, будущий король Англии Вильгельм Завоеватель.

Конкубина

Кто вообще такая конкубина? Термин пришел из римского права и означает наложницу — то есть женщину, живущую с мужчиной постоянно, в некоторых случаях даже ведущую с ним совместное хозяйство, но не связанную с ним никакими зарегистрированными перед лицом закона отношениями. Фактически, конкубинат — это то, что сейчас стало принято называть гражданским браком.

Бал при дворе государя. Роман «Рено де Монтобан, или Сыновья Аймона». Миниатюра 1467–1469 гг.

Конкубина могла жить с мужчиной как жена, вести его дом, иметь с ним общих детей и т. д. Могла жить отдельно (особенно если у него

уже была жена), как содержанка. Но в отличие от жены *more danico* она не имела никаких прав — мужчина мог в любой момент сказать ей: «Извини, дорогая, я полюбил другую», — и выставить ее на улицу. С другой стороны, она тоже могла в любой момент от него уйти и, например, выйти замуж за кого-то другого, и он тоже не мог вернуть ее никаким законным способом. Свободные отношения, как говорится.

Поскольку документов из глубины Средневековья до нас дошло мало, отличить венчанную жену от жены *more danico* иногда бывает очень сложно, да и жену *more danico* от конкубины — тоже. Допустим, если с Герлевой все ясно, она была конкубиной, Роберт Дьявол ее и не называл женой, да и замуж она вышла за другого, то насчет Споты никто ничего толком не знает — жила ли она с Вильгельмом Длинным Мечом как конкубина или была ему второй женой. Точно так же непонятно, венчался ли Ролло с Поппой, или ему как недавнему викингу это было не важно, и его вполне устраивал брак *more danico*.

ИЗ КНИГИ МИЛЛЫ КОСКИНЕН

«О ПРЕКРАСНЫХ ДАМАХ И БЛАГОРОДНЫХ РЫЦАРЯХ»

Вопрос конкубин озадачивал и Церковь. С одной стороны — Церковь однозначно осуждала внебрачные отношения как грех. С другой стороны, как можно было определить статус конкубины? В иерархическом обществе каждая женщина имела свой статус: девица, замужняя женщина, вдова, монахиня... Девицей конкубина не была точно, но не была и проституткой, потому что еще римский закон, на который в своих рассуждениях сильно опирались моралисты Средневековья, определял проститутку как «женщину, которая делает себя доступной более чем для двух мужчин», а канонический закон

главным признаком проституции определял беспорядочность половых отношений.

Конкубина была женщиной одного мужчины, и в этих отношениях не было никакой беспорядочности. Поэтому римляне и, позднее, средневековые церковные теологи и юристы были склонны рассматривать связь мужчины с наложницей как неформальный брак. Конкубину и ее любовника связывала не только плотская страсть, но и то, что канонисты определяли как «супружеская привязанность», то есть здесь имела место эмоциональная привязанность, сильно соприкасающаяся с концептом любви. Епископ Руфинус, живший в двенадцатом веке, определял отношения мужчины с конкубиной как «временный тип брака», канонический законник Хьюго Пизанский — как тайный брак.

Христианский брак — единый и нерасторжимый

На примере Нормандской династии хорошо видно, что в период раннего Средневековья даже для герцогов не имело значения, от кого иметь детей — от жен или наложниц — все имели равные права и могли наследовать земли и титул. Но в Высокое Средневековье все изменилось — Церковь сумела настоять на своем, и на смену прежним запутанным, но либеральным брачно-семейным традициям пришел христианский брак, единый и нерасторжимый.

Правда, прийти-то он пришел, но прижился не сразу. Уже упоминавшийся Филипп де Бомануар, который жил во второй половине XIII века, то есть в самый разгар Высокого Средневековья, писал: «Много споров возникает между детьми одного и того же отца, который имел нескольких жен». Бомануар рассматривал различные ситуации, пытаясь определить, кого из детей можно считать законными наследниками, а кого нет, потому что они рождены в «плохом браке».

Можно было бы предположить, что плохим браком он считал не освященный Церковью, но нет, даже в XIII веке это еще было не самым главным. «Плохим» союзом Бомануар называл прежде всего сожителство замужней женщины с женатым мужчиной, а также сексуальные отношения замужней женщины с несколькими мужчинами. Причем главной проблемой таких «плохих союзов» он считал вовсе не какие-то моральные сложности, а то, что в таких случаях невозможно было точно определить отцовство ребенка. А это в свою очередь вело, во-первых, к тому, что и наследниками такие дети быть не могли, и, что еще хуже в глазах Церкви, что они не знали о своем родстве, поэтому в следующем поколении брат мог случайно жениться на сестре.

Студент и крестьянка. Гравюра начала XVI в.

Еще одной формой «плохого союза» Бомануар называл наличие наложниц у женатого человека. Тут уже причина была из разряда морально-нравственных, поскольку такая ситуация позорила жену. Бомануар даже допускал, что жена в подобных обстоятельствах имела право требовать... не развода, конечно, ведь христианский брак нерасторжим, но отделения от мужа, то есть фактической свободы при формальном сохранении брачного союза.

Однако ошибочно было бы считать, что нехристианский брак к XIII веку изжил себя и полностью осуждался. Тот же Бомануар гораздо спокойнее относился к внебрачным отношениям, которые со временем все-таки освящались Церковью. «Если некий мужчина (дворянин) имел от некоей женщины, с которой он жил *en soignantage*, сына, а потом женился на другой, от которой тоже имел сына, а впоследствии, после смерти супруги, он сочетался законным браком с той, от которой имел *en soignantage* сына... то старшим его наследником по правам на наследство будет его младший сын, рожденный в первом законном браке». *Soignantage* — это примерно то же, что и брак *more danico*, то есть нецерковный брак. Бомануар довольно четко расставляет приоритеты — церковный брак на первом месте, но и дети от суаньтажа тоже не исключаются из числа наследников, просто они становятся как бы наследниками второй очереди.

И это мнение не одного Боманура: если почитать официальные церковные документы, становится видно, что мнение Церкви в целом было примерно таким же, хоть и высказывалось более осторожно. Вот что говорится, например, в пенитенциалии Аллена Лильского (первые годы XIII в.). При расследовании случаев сожительства мужчин и женщин, не освященных церковным браком, следует «принять во внимание, являлась ли женщина супругой кого-либо или нет... Если женщина незамужняя или если тот, кто ее познает, холост, то это меньший грех, если женат — больший грех. Если же женатый познает замужнюю — тяжелейший грех. Если же холостяк познает незамужнюю, учеть, лишил ли он ее девственности. Если же он познал невественницу, учеть, сколько раз он ее познал, ибо это увеличивает грех...»

То есть ясно, что Церковь против сожительства вне христианского брака, но если так живут свободные от других обязательств люди — это в общем-то не слишком серьезный грех. И причина такой осторожности в суждениях была проста — без церковного благословения по-прежнему жило слишком много людей, поэтому Церкви приходилось как-то лавировать, чтобы не отталкивать от себя такую большую часть прихожан.

Священники — тоже мужчины

В конце разговора о конкубинах надо вспомнить и о ситуации с браками в среде самих церковников. Ведь строгий целибат прижился не сразу, фактически настаивать на нем официальная Церковь стала тогда же, когда занялась внедрением христианского брака. Поэтому большая часть священников тоже были женаты. И когда для мирян наилучшим путем был объявлен церковный брак, а для клира — безбрачие, возникла пикантная ситуация: священники наставляли прихожан сочетаться законным браком, а сами жили со своими неофициальными женами и конкубинами. Потому что официально жениться им запретили.

Так что Ю. Л. Бессмертный в книге «Жизнь и смерть в Средние века» не зря пишет про «свидетельства о внецерковных брачных союзах, создававшихся клириками. Не будучи, как правило, церковно оформленными, эти союзы нередко отличались прочностью и длительностью. Тот же Жак де Витри упоминает священника, который, будучи поставлен епископом перед выбором сохранить либо приход, либо конкубину, предпочел покинуть приход.

В известной истории Абеяра и Элоизы благочестивая и ученейшая Элоиза, уже имевшая от Абеяра сына, настойчиво отказывалась от оформления существовавшего союза церковным браком. „Хотя наименование супруги (uxor), — писала она Абеяру, — представляется более священным и достойным (*sanctius ac validius*), мне всегда было приятнее называться твоей подругой (*amica*) или, если ты не оскорбишься, твоей сожительницей (*concupina*) или любовницей (*scorta*)“. Сопротивляться церковному браку Элоизу заставляли и справедливые опасения, что он отразится на карьере Абеяра как магистра богословской школы. В конечном счете Абеяр и Элоиза сочетались, как известно, браком тайно.

О внебрачных союзах клириков говорится и в других нравоучительных произведениях XI–XIII вв. Обычность у клириков конкубин и незаконнорожденных детей фиксируется и в частно-правовых актах. Словом, вводимый клянийской реформой целибат приживался плохо. Не случайно в дипломах французских королей еще

и в начале XII века ряду младших чинов церковной иерархии официально разрешался — во избежание „разврата“ — законный брак».

Кто выиграл от христианского брака?

Как ни странно — женщины. Единый, моногамный, нерасторжимый христианский брак поднял авторитет женщин. Да, они по-прежнему являлись «сосудами греха» в глазах церковных авторитетов и по-прежнему были во многом недееспособны, всегда оставаясь на попечении какого-либо мужчины (в основном отца или мужа). Но жесткая позиция Церкви в отношении того, что жена может быть только одна и навсегда, вознесла статус замужней женщины на недостижимую прежде высоту. Мужчина больше не мог сменить надоевшую жену, не мог взять себе вторую, и даже держать в доме конкубину не всегда мог — Церковь это осуждала и в случае жалобы со стороны жены, вставала на защиту ее интересов.

Более того, это постепенно произвело переворот и в сознании людей. Фактически, Церковь и правда сделала супругов единым целым. Мужчины стали осознавать, что жена — это единственный человек, который будет с ними до самой смерти, и что у них на самом деле все общее, включая горе и радость. Женщины, в свою очередь, тоже стали понимать, что брак теперь — это навсегда (по крайней мере формально — о разводах будет чуть позже), а значит, хорош муж или плох, надо к нему как-то приспособливаться, потому что теперь их благополучие или неблагополучие всегда будет совместным.

Можно сказать, что христианский брак сделал невероятное — женщина перестала быть имуществом мужа, а стала как бы его частью (мужа). Тем самым ребром, которое когда-то Бог забрал у Адама, а теперь, после венчания, вручал обратно. Некоторые авторы XIII века даже проводили прямую параллель, утверждая, что жена для мужа — все равно что какой-либо другой жизненно важный орган, как рука или нога, то есть реальная часть его.

Положение замужней женщины стало стабильным, любое неуважение к ней автоматически становилось неуважением к ее мужу. Нерасторжимость христианского брака привела и к тому, что жена стала играть бóльшую чем прежде роль в общественной жизни мужа. Потому что кому можно доверить защиту замка или управление мастерской во время своего отсутствия? Только жене, ведь она плоть от плоти мужа, а попросту — человек максимально с ним связанный, ведь ее благополучие полностью зависит от благополучия супруга. Его выгода — это и ее выгода.

Кроме того, объявив сексуальные отношения вне брака (то есть не с целью законного продолжения рода) грехом, Церковь, так сказать, перекрывала мужчинам «доступ к телу». Женщина стала более недоступной, принуждение ее к сексу вне брака стало считаться и грехом, и серьезным преступлением, в том числе и когда речь шла о женщине, стоящей намного ниже мужчины по социальной лестнице. Ну а недоступность женщин, естественно, повышала и их ценность.

Конечно, все это было в основном в теории. Но на таких теориях воспитывались поколение за поколением, что в итоге привело к медленной, но заметной переоценке места и роли женщины в мире и в обществе в целом. Но об этом в следующей главе, а сейчас еще немного о браке, сексе и разводах.

Секс — теория

Наверное, многие видели дивный предмет старинного гардероба — женскую ночную рубашку, наглухо закрывающую все тело, но с разрезом на интимном месте. Для абсолютно утилитарной цели зачатия ребенка. Вставить, оплодотворить, вынуть, без каких-либо греховных ласк и с минимальным физическим контактом.

Рубашка настоящая, но вынуждена разочаровать — к Средневековью она не имеет никакого отношения. Подобные вещи появились уже во времена Реформации, в наиболее консервативных протестантских сектах, где проповедуемый Церковью принцип «брак — только для зачатия детей» был доведен до абсурда.

В Средние века же господствовала теория древнеримского медика Галена, авторитет которого начиная века так с XII–XIII был настолько непререкаем, что его называли «Медицинским Папой Средневековья». Его труды изучали во всех медицинских университетах, а на его теориях, касающихся физиологии, основывали свое решение даже суды по уголовным делам.

По мнению Галена «женское лоно „холодно“ и требует постоянного согревания „горячей“ мужской спермой. Кроме того, если женщина не имеет сношений, то ее „семя“ (термин Галена) сгустится и

задушит матку, серьезно повредив здоровью». То есть в научных, а следом за ними и в религиозных (наука и религия были тесно связаны, все же помнят, что будущие врачи и будущие богословы сначала совместно учились семь лет на артистическом факультете) бытовала точка зрения, что у женщин есть физическая потребность в регулярном сексе. Поэтому брак считался важнейшим средством для утоления и женской, и мужской похоти — той самой защитой от блуда, о которой уже шла речь раньше.

Супружеский долг

Мортимер пишет об Англии XIV века: «Соответственно, мы имеем общество, где мужчины считают, что их жены хотят заниматься любовью как можно чаще. В то же время женщин заставляют считать, что они — физическое воплощение похоти и их матки задохнутся от избытка семени, если у них не будет регулярного секса. Для незамужних женщин это представляет определенную проблему. Джон Гаддсен — один из ведущих медицинских светил Оксфорда в начале века — рекомендует женщинам, страдающим от избыточного желания, найти мужчину и поскорее выйти замуж. Если это невозможно, то они должны путешествовать, часто заниматься зарядкой и принимать лекарства. Если даже это не помогает, а желание настолько сильно, что приводит к обморокам, женщина должна найти акушерку, которая смажет маслом пальцы, вставит их ей во влагалище и „резко ими подвигает“».

Так что термин «супружеский долг» в Средние века имел отнюдь не переносный смысл, супруги на самом деле были друг другу должны — вот это самое удовлетворение физиологической потребности, крайне необходимой для здоровья. Следовательно, ни один из них не имел права отказать другому в супружеском долге, и более того — сексуальная неудовлетворенность в некоторых странах была даже основанием для расторжения брака. Именно потому что один из супругов не мог выполнить то, ради чего брак и заключался.

Оргазм

Согласно теории Галена, чтобы забеременеть, женщина должна испытать оргазм. Да, в Средние века знали, что это такое, и вовсе не стеснялись об этом говорить. Народ в те времена вообще был не очень стеснительный, привычное нам ханжество — это в основном плод XIX века, а в Средневековье люди и купались голыми, и мылись в банях, бывало, совместно, и шутили в приличном обществе так, что заставили бы покраснеть любого видеоблогера.

Теория насчет оргазма на первый взгляд выглядит очень привлекательно. Учитывая высокую детскую смертность, основной целью брака действительно было появление потомства, и, вероятно, веря ученым медикам, мужчины прилагали усилия в супружеской постели. Что, кстати, вполне подтверждается и средневековой городской литературой, и фривольными новеллами, которые с легкой руки Боккаччо вошли в моду в XIV веке.

Но была у этой теории и оборотная сторона. Как пишет Мортимер, подразумевалось, что «если мужчина хочет овладеть женщиной и насилует ее так жестоко, что она не испытывает вообще никакого физического удовольствия, она от этого не забеременеет. Был даже специальный закон, по которому изнасилование считалось достаточно тяжким преступлением, чтобы рассматриваться только в королевском суде, а не в местных, но этот закон очень редко применялся. Если женщина не забеременела, а никаких других доказательств сексуальной связи с обвиняемым нет, то насильника вряд ли могли привлечь к ответственности: суду нужно было нечто большее, чем показания насильника и жертвы». А если жертва беременела, то, согласно теории Галена, она испытала физическое удовольствие, что с точки зрения закона переводило произошедшее из разряда изнасилования в сексуальный контакт по обоюдному согласию.

Впрочем, даже с такими ужасными побочными эффектами галеновская теория все равно была большим шагом вперед по сравнению с идеями теологов раннего Средневековья, говоривших: «У мужчины есть только одна жена. Он должен брать ее такой, как она есть, холодной при выполнении супружеского долга, и ему не следует ничего предпринимать, дабы согреть ее».

Контрацепция по-средневековому

ИЗ КНИГИ МИЛЛЫ КОСКИНЕН

«О ПРЕКРАСНЫХ ДАМАХ И БЛАГОРОДНЫХ РЫЦАРЯХ»

Да, средневековая Церковь знала о сексуальности все и принимала ее как факт, особо не вмешиваясь в интимную жизнь своей паствы, если только какая-то конкретная ситуация того не требовала. Духовные пастыри не имели ни малейшего заблуждения относительно телесных потребностей прихожан, стараясь по мере сил заботиться о том, чтобы потребности духовные от них как минимум не отставали. Собственно, в «должностных инструкциях» пастырям подчеркивалось, что они во время доверительных бесед должны наставлять семейных прихожан любить друг друга, исполнять супружеский долг, относиться друг к другу с уважением и быть верными друг другу...

...Но, пожалуй, ничто не говорит более красноречиво о понимании средневековой английской Церковью реалий семейной жизни, чем то, что контрацепция отнюдь не была табу. Священники прекрасно знали о зельях, провоцирующих выкидыши, но поскольку Церковь верила в то, что сознание появляется чуть ли не с момента зачатия, они предпочитали наставлять паству пользоваться контрацептивными методами, однако чрезвычайно горячо порицали, что «некоторые мужья злоумышленно используют своих жен в места, для того не предназначенные».

Это толерантное отношение к реалиям постепенно изменится, и уже в начале пятнадцатого века священникам рекомендовалось объявлять, что «каждый, кто регулярно и сознательно изливает свое семя не в жену, совершает серьезный грех». Хотя, в принципе, грех грехом, но конкретные обстоятельства принимались во внимание.

Рассуждениям на тему еще в двенадцатом-тринадцатом веках придавалась форма, которую нашел бы знакомой любой современный нам студент: case study. Не готовое решение, заметьте. Одна из таких задач предлагает подумать над следующей ситуацией. Что делать, если к священнику обращается молодая женщина, обладающая повышенной фертильностью, которой врачи сообщили, что следующие роды ее убьют. Супруг женщины требует секса, но она знает, что если пойдет ему навстречу, то непременно забеременеет, а если забеременеет, то непременно умрет. Может ли священник порекомендовать паре, чтобы муж пользовался контрацептами, или должен отмахнуться словами о Божьей воле? Мнение составителя задания ясно, потому что для сравнения он предлагает пример женщины, не желающей зачатия из страха родовых болей. Но какое же наказание предполагала Церковь тем, кто составлял отвары, вызывающие бесплодие или выкидыш? Покаяние, назначаемое епископом, — с последующим отпущением греха.

Оргазм — научное обоснование

Обоснование идей Галена насчет необходимости оргазма для женщин было вполне серьезное для средневекового уровня развития медицины. Как уже было сказано, он говорил о женском «холодном семени» и мужском «горячем». То есть считалось, что и мужчина, и женщина, должны выделить некое семя, смешав которое только и можно зачать ребенка. Это вполне естественная теория для Средневековья, потому что женщину считали как бы ухудшенной копией мужчины, а следовательно, искали в ней «дубликат» всего, что есть у мужчины. Клитор, например, считался недоразвитым аналогом мужского полового органа.

С мужским семенем все просто — это сперма. И раз семя есть у мужчины, то по средневековой логике оно должно быть и у женщины. Но вот со знанием женской анатомии, не говоря уж о физиологических процессах в женском теле, у тогдашних медиков и философов были большие проблемы. Поэтому неудивительно, что им пришлось действовать все по той же аналогии — если у мужчины необходимое для зачатия семя выделяется при получении удовольствия, то у женщины должно происходить то же самое. Поэтому «женским семенем» считалась естественная смазка влагалища, появляющаяся при сексуальном возбуждении, и женская эякуляция при достижении оргазма (толком не изученная до сих пор, что уж говорить о Средневековье).

Пособия по сексу

Теперь ни для кого не станет сюрпризом, что в средневековой Европе были свои, пусть и очень примитивные, аналоги «Камасутры». С торжеством теории Галена пришло и понимание необходимости сексуального просвещения. Поэтому в конце XIII — начале XIV века появилось несколько вполне серьезных трудов, посвященных этой щекотливой теме. Врачи Магнин и Джон из Гаддесдена давали современникам советы, как пишет Клод Томассе в статье «Природа женщины», «уместные и в сегодняшних пособиях для новобрачных. Они подробно объясняли, как нужно прикасаться к женщине, чтобы подготовить ее к соитию. Цель любовной игры состояла в одновременном выделении мужского и женского семени, т. е. в одновременном оргазме». Более того, Джон из Гаддесдена обращался в своем труде не только к мужчине, как другие авторы, но и к женщине — часть его советов предназначена именно для женщин, и описывает, что и как надо делать, чтобы «разжечь мужчину» и самой достигнуть оргазма вместе с ним.

«Петр из Абано рекомендовал стимуляцию клитора (конечно, не употребляя названия органа) как средство довести женщину до полуборочного состояния. Наряду с этой технической уловкой он советовал женщинам освежать дыхание. Идеальный половой акт должен был пройти так, чтобы оградить семя от соприкосновения с воздухом и таким образом не испортить его». Кстати, женская мастурбация порицалась Церковью по той же причине, что и мужская, — потому что это «изливание семени» просто так, а не с целью зачатия ребенка.

Были и чисто практические, «камасутрового» вида пособия. В каталонском «Зерцале искусства любви» четко и без эмоций описаны двадцать четыре сексуальные позиции, с объяснениями, что и как надо делать, чтобы оба супруга получили удовольствие.

Средневековый развод

Вообще-то, это нонсенс. Христианская церковь не признавала развода. Брак считался абсолютно нерасторжимым.

Но это теория, а на практике в Средние века разводились, и, на удивление, часто. В основном, конечно, это касается высокопоставленных особ — королей, герцогов, ну, или хотя бы знатного дворянства.

Один из самых знаменитых разводов — конечно, развод французского короля Генриха VII и Алиеноры Аквитанской. Но, к примеру, сестра Алиеноры, Петронила, вышла замуж за Рауля де Вермандуа, который ради этого развелся со своей первой женой, а после того, как Алиенора перестала быть французской королевой, развелся и с Петронилой и женился в третий раз.

Сын Людовика VII и его второй жены, Филипп Август, был великим королем, но куда больше известен благодаря своей бурной личной жизни. После смерти первой жены он женился на Ингеборге Датской, но тут же передумал, отказался консумировать брак (то есть закреплять его сексом), заточил Ингеборгу в тюрьму и женился снова — на Агнессе Меранской.

Кстати, у Филиппа была родственница, Мари де Шатильон, которую он выдал за своего друга детства, графа Рено де Даммартена. Но вскоре политический климат изменился, и Рено с согласия Филиппа развелся с Мари и женился снова — на самой выгодной невесте Европы, Иде де Лоррен, графине Булони. Правда, ему для этого пришлось ее похитить.

Наша соотечественница Анна Ярославна после смерти своего мужа французского короля Генриха I вышла замуж за Рауля де Крепи, графа Валуа, который для этого развелся с предыдущей женой. Как и в случае с Рено и Идой, Анна была выше Рауля по положению, поэтому ему тоже пришлось ее похитить.

Французский король Карл IV развелся с женой-изменницей Бланкой Бургундской и потом еще дважды женился.

Наследница Иерусалимского престола Сибилла по требованию своих сановников развелась с Ги де Лузиньяном, договорившись, что после коронации сама выберет себе нового мужа. И одурачила всех — потому что снова обвенчалась с Лузиньяном.

Об английских королях речь уже шла, они в большинстве своем были счастливы в браке, но все же Иоанн Безземельный развелся с первой женой. А вот следующему английскому королю, пожелавшему расстаться с женой, не повезло — да, речь о Генрихе VIII. Учитывая,

что другие царственные особы то и дело разводились, неудивительно, что его так обидело объяснение Папы, что родственники его жены Екатерины куда весомее, чем он, поэтому в разводе ему отказано. Кстати, родная сестра Генриха, Маргарита, как раз в это время спокойно получила развод со своим вторым мужем.

Мнение церкви

Но даже с перечисленными выше разводами все на самом деле было не так уж просто. Церковь, как я уже сказала, официально была непреклонна — брак нерасторжим. То есть совсем, ни при каких условиях.

И в то же время Церковь то и дело давала то одним, то другим разрешение на развод. О том, как это оформлялось формально, речь будет чуть позже. Сейчас о том, что бывало, когда Церковь все же не давала развестись.

Если вернуться к приведенным примерам, то вот что получится: Генрих VII и Алиенора получили разрешение на развод.

Рауль де Вермандуа не получил разрешения расстаться с первой женой и жениться на Петрониле, но проигнорировал это, и они все равно поженились. Их отлучили от Церкви, но для Рауля союз с королем Людовиком был важнее. Так они и жили под отлучением, пока первая жена не умерла и Папа не признал их брак с Петронилой.

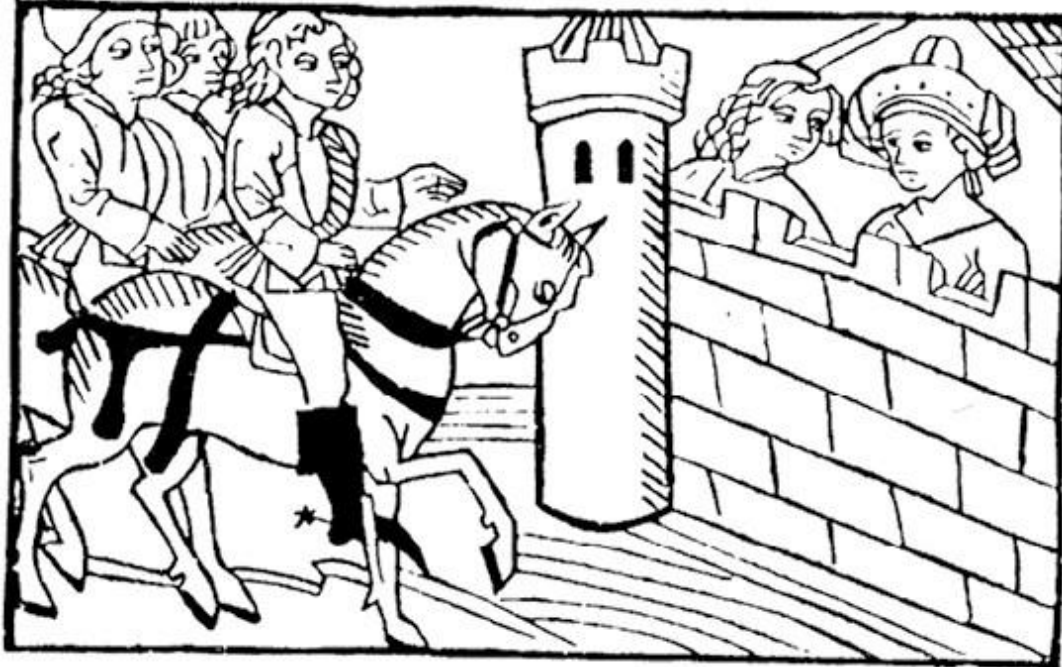
Филиппу Августу не удалось получить развод с Ингеборгой, так что он просто почти двадцать лет держал ее в тюрьме, а сам жил с Агнессой. Его тоже отлучали от Церкви, но его это не волновало, пока не понадобился союз с Папой, тогда ему пришлось выпустить Ингеборгу и признать ее женой. А после смерти Агнессы Папа узаконил их с Филиппом детей, как будто они были рождены в браке.

Даммартен и Мари де Шатильон благополучно развелись, если не считать того, что их семьи с тех пор враждовали.

Анну Ярославну и Рауля де Крепи отлучили от Церкви, потому что Папа не признал его развод с первой женой. Но они не обращали на это внимание и жили счастливо.

Карл IV, Сибилла и Иоанн Безземельный были благополучно разведены со своими супругами. Ну а о Генрихе VIII и так уже много сказано.

Собственно, все это говорит только об одном — если Папа считал это политически целесообразным или финансово выгодным, развестись всегда было можно. Более того, разводились не только короли и принцы, люди помельче тоже могли просить о расторжении брака, и для них это иногда решалось даже проще, ведь в их семейных вопросах у Папы не было личного интереса. Главное — предъявить достойную причину для расторжения брака.

Развод в раннем средневековье

ИЗ КНИГИ МИЛЛЫ КОСКИНЕН

«О ПРЕКРАСНЫХ ДАМАХ И БЛАГОРОДНЫХ РЫЦАРЯХ»

Христианская точка зрения на брак, базирующаяся по большей части на писаниях св. Августина, была довольно однозначна: брак — это связь на всю жизнь, дающая людям три блага, как то: верность, потомков и таинство (читай: интимные отношения, причем подразумевалось, что сливаются не только тела, но и души). В конце пятнадцатого века в Англии к словам брачной церемонии была официально добавлена фраза «*tyll dethe ys departe*» — пока смерть не разлучит. Церковь, таким образом, разводов не одобряла. Но, как обычно, все было не так уж однозначно.

В Англии времен раннего Средневековья церковные теологи признавали развод при нескольких обстоятельствах. Муж мог разойтись с женой без угрызений совести, если жена совершила прелюбодеяние. Женщина, собственно, могла разойтись с мужем, если он был ей неверен, но только в том случае, если это было ее первое замужество. Также она имела право оставить мужа, если он попадал в рабство в результате какого-то уголовного действия. Оставленный муж имел право жениться снова только через пять лет, да и то по разрешению епископа, которое выдавалось в том случае, если примирение супругов не выглядело возможным.

Могли заключить новый брак те, чьи супруги попали в плен к врагу и чья судьба была неизвестна. Здесь было несколько способов урегулирования по поводу срока отсутствия и того, будет ли вернувшийся неожиданно супруг/супруга иметь легальные брачные права на свою заключившую новый брак половину. Вообще взгляды Христианской церкви на развод сильно изменялись, очевидно, вместе с условиями и прочими реалиями жизни. Историки считают, что в шестом-седьмом веках разводы по взаимному желанию были обычным делом, в восьмом веке за разведенными не признавалось права на следующий церковный брак, и в последующие столетия, когда светский закон стал потихоньку передавать все дела, связанные с браком, под эгиду церковного закона, Церковь все тверже начинает отстаивать доктрину, что брак — это договор на всю жизнь, благословляемый Богом, и на этом основании не может быть «передуман» человеком.

Женщина в бане. Ганс Себальд Бехам, первая пол. XVI в.

Право на развод

Так что же могло стать официальной законной причиной для развода?

Ничего. То есть в период раннего Средневековья были вполне разумные и логичные поводы для расторжения брака, в основном оставшиеся еще с античных времен. По большей части все они актуальны и сейчас. Но уже к Высокому Средневековью, когда Церковь окончательно взяла брачное законодательство в свои руки, в большинстве стран браки стали абсолютно нерасторжимы.

И в то же время люди все равно разводились.

Как это было? На удивление просто. Развестись было нельзя, но можно было найти причину, по которой брак признавался недействительным. И список этих причин был довольно длинный: двоеженство или двоемужие (когда один из супругов уже состоит в браке), генетическое родство, родственные связи через браки родственников (нельзя было жениться на сестрах прежней жены, на крестной своего ребенка, на вдове брата и т. п.), принуждение к браку силой или запугиванием, несовершеннолетие, имеющийся в наличии официальный обет безбрачия, ситуация, когда один из супругов не состоит в христианской вере.

Если удавалось доказать, что существует одна из этих причин, брак аннулировался и бывшие супруги считались как бы никогда не состоявшими в браке. При этом дети, родившиеся в то время, что они были женаты, оставались законными.

Именно так и развелись Генрих VII и Алиенора — они вдруг «вспомнили», что состоят в довольно близком родстве. Так же развелся и Карл IV: то, что его жена была поймана на прелюбодеянии, поводом для расторжения брака не являлось, пришлось тоже «вспомнить», что она была его крестной матерью, а это в глазах Церкви значило не меньше кровного родства.

Дело случая или расчет?

Ответ на возможный вопрос — естественно, когда заключались браки между родственниками, все знали об этом родстве. В знатных семьях своих предков и родню знали наизусть. И Церковь знала, но либо закрывала глаза, либо, когда родство было уж совсем вопиюще близкое, выдавала разрешение на брак. То есть документ, что люди вроде как и не родня и их брак вроде как не кровосмесительный в глазах Бога. Лицемерие, конечно, но политика и деньги значили слишком много. К тому же, учитывая, как невелик был круг высшей европейской знати, короли и аристократы все были друг другу какими-нибудь да родственниками.

С одной стороны, это было очень удобно — всегда оставлялась лазейка для развода, мало ли — вдруг наследников не будет (у Алиеноры и Людовика не было сыновей), или политические соображения потребуют расстаться. Но с другой — Папа тоже мог передумать, сначала дать разрешение на брак, а потом забрать его обратно. Или его преемник мог объявить решение прежнего Папы недействительным. Так что в тех случаях, когда король хотел найти себе такую жену, чтобы точно потом не было проблем с законностью, ее приходилось привозить издалека — как ту же Анну Ярославну. Но Анна с Генрихом жили вполне неплохо, а вот Филиппу Августу не повезло, и то, что он привез Ингеборгу из Дании, сыграло против него — ему не удалось доказать родство с ней, и в аннулировании брака ему было отказано.

Импотенция

Но все-таки одно исключение из правил существовало — была одна ситуация, которая могла проявиться только после заключения брака и послужить поводом для его расторжения. Речь об импотенции супруга.

В рукописи Томаса Чобхемского, английского профессора-богослова XII века, есть, к примеру, такая рекомендация: «После того как новобрачные возлягут на кровать, знахарка должна находиться неподалеку много ночей. И если мужские члены всегда будут бесполезны и мертвы, пара имеет право быть разведена».

Строго говоря, при том подходе к браку, который существовал в Средневековье, эта причина тоже была добрачной, и она тоже аннулировала заключенный союз, как будто его и не было. Потому что брак в то время должен был быть не только освящен в церкви (кое-где это даже и не требовалось), но и подтвержден физически. А если консумации, то есть закрепления его сексом, не произошло, то люди вроде как и не совсем женаты. Поэтому, кстати, браки, заключенные с детьми, расторгались достаточно легко — если жених и/или невеста не вошли в разрешенный Церковью брачный возраст, там и доказывать ничего не надо было.

Собственно, из этой причины и росли некоторые традиции, вроде крови на простыне, которую демонстрировали гостям после брачной ночи. В XIX веке распространилось мнение, что это было свидетельством девственности невесты, причем до сих пор многие так и считают. Но в Средневековье, несмотря на декларирование важности чистоты и непорочности, большинству было глубоко наплевать на девственность (вспомним Генриха VIII), да и вообще мужчины, особенно в аристократических кругах, женились не на девственности, а на приданом и связях. Кровь на простыне подтверждала, что брак состоялся и лишала родню невесты возможности в будущем аннулировать брак по причине несостоятельности супруга.

Развод с импотентом — процедура

Надо сказать, эта причина для развода использовалась крайне редко. Все-таки в основном люди старались расстаться полюбовно, а такой способ приводил к вражде не на жизнь, а на смерть.

Самый известный развод из-за несостоятельности супруга — расторжение брака Лукреции Борджиа и Джованни Сфорца. Несмотря на то, что никто не сомневался в реальности их супружеских отношений (и ходили слухи даже, что Лукреция беременна), брак все же расторгли, заставив Джованни признать себя импотентом. Не помогло даже то, что у него был ребенок от первого брака — генетической экспертизы не существовало, поэтому доказать, что покойная супруга родила его не от любовника, было невозможно. Опозоренный и униженный Джованни, которого не поддержала даже родня (потому что договорилась с Папой о финансовой компенсации), отомстил тем, что стал источником сплетни, будто Лукреция — любовница собственных братьев и отца.

Дама, принимающая ванну. Миниатюра первой трети XV в.

Был ли у него способ доказать свою состоятельность и выиграть дело? Формально — да. Для этого необходимо было продемонстрировать супружеский секс при свидетелях. То есть суд назначал экспертизу, приглашалось несколько немолодых уважаемых женщин, обычно повитух, и ответчик должен был в их присутствии показать свою способность «удовлетворить жену». Джованни Сфорца от такой экспертизы отказался — то ли под давлением родственников, то ли опасался, что при свидетелях у него действительно не получится и он будет опозорен еще больше.

Выражение «удовлетворить жену» в данном случае используется не просто так: как уже упоминалось, секс предназначался для зачатия детей, а медики считали, что, не получив удовольствия, женщина не может забеременеть. Поэтому были даже такие (крайне редкие) случаи, когда жены подавали на развод именно с формулировкой, что муж не может их удовлетворить.

В Англии с ее огромными судебными архивами сохранилось несколько любопытных описаний экспертиз на мужскую состоятельность. Например, в Кентербери в 1292 году двенадцать

«порядочных и заслуживающих уважение» знахарок поклялись перед судом, что «животворные члены» Вальтера де Фонте были безжизненны. А в 1433 году слушалось дело обиженной жены некого Джона, и на радость исследователям в деле приведено довольно подробное описание того, как «свидетельница обнажила груди и руками, согретыми у очага, осторожно и нежно массировала пенис и тестикулы означенного Джона. И она обнимала и целовала его, и заходила как угодно далеко, чтобы он показал свою потенцию. Как и показала свидетельница, обследование означенного Джона подтвердило, что его пенис в любом состоянии поднятия не превышал длиной трех дюймов». Повитухи, присутствовавшие при этом эксперименте, затем призвали на голову Джона всяческие проклятия за то, что тот женился, будучи не в состоянии «служить своей жене и удовлетворять ее».

Но в целом все случаи подобных экспертиз можно по пальцам пересчитать. Как я уже говорила, люди старались так далеко не заходить и в основном находили менее скандальные причины для развода.

Право «разъехаться»

ИЗ КНИГИ МИЛЛЫ КОСКИНЕН

«О ПРЕКРАСНЫХ ДАМАХ И БЛАГОРОДНЫХ РЫЦАРЯХ»

Жестокое обращение было поводом для развода «a mensa et thoro», который давался обижаемой стороне. Собственно, аналог современного «разъезда», когда супруги хоть и числятся супругами, но не живут вместе и не имеют общего хозяйства. Интересным явлением в средневековой Англии было то, что часть бракоразводных дел никогда и не попадала в церковные суды, а решалась чисто юридически. Даже такие видные персоны, как Эдмунд, граф Корнуэльский, и его жена, Маргарет де Клэр, договорились в 1294 году о том, что Маргарет получит финансовую компенсацию и не будет обращаться в церковный суд с требованием восстановить себя в супружеских правах. Излишне говорить, что такие «саморазводы» Церковь осуждала, но на практике они были самым обыденным делом, о котором Церковь могла узнать только в случае, если кто-то внезапно обращался в церковный суд и выяснялось, что брак этот изначально был заключен с человеком, разведенным через договор, а не решением церковного суда.

«Разъезжались» не только англичане, такая практика существовала во всех странах. Например, в Брюсселе (в те времена это была Фландрия) с 1448 по 1459 год зафиксировано 89 официальных «разъездов» — то есть произведенных не в частном порядке, а через

церковный суд, с разделом имущества и подтверждением такого положения дел светскими властями. Причины были традиционные — жестокое обращение, измена, импотенция. Но в 14 случаях в качестве причины была указана просто несовместимость, аналог современному «не сошлись характером».

Неудачная сделка

Кстати, можно обратить внимание, что самыми передовыми в брачно-семейных вопросах (на современный взгляд) были «городские» и «торговые» страны. То есть те, где была очень сильна торговая верхушка и было развито городское самоуправление. Англия, Фландрия, итальянские города-государства... Прямую связь тут так просто не проследить, это тема для отдельного большого исследования, но нетрудно догадаться, что дело в гибкости и практичности, ну, или, грубо говоря, торгашеском подходе к браку.

Для знати брачный союз был чаще всего делом почти политическим — объединением семей и земель, стратегическим партнерством — и его участники сами часто были только пешками в этой большой игре. А для богатых горожан брак был торговой сделкой. У нас товар, у вас — купец. Потому и отношение было другое — неудачную сделку любой деловой человек постарается расторгнуть.

Английское брачно-семейное право

В некоторых странах национальные традиции и древнее право сохранили свои позиции. Даже в Высокое Средневековье законы о браке и разводе были не везде одинаковые. Об Ирландии, например, Ансельм Кентерберийский вообще с негодованием писал, что там разводы постоянны, и мужчины «свободно и публично» меняются своими женами, как в других местах меняются конями.

Что же касается Англии, то уникальность английских законов о разводе была в том, что они рассматривали не только аннулирование брака по каким-то существовавшим изначально обстоятельствам, но и реальный развод по причинам чего-то, произошедшего уже после свадьбы. Церковь, конечно, возражала, но в Англии светская, то есть королевская, власть крепко держалась за свои права — не зря и английская Реформация пошла потом своим собственным путем, не таким как на континенте, и вывела на объединение религиозной и светской власти и сосредоточение ее в руках короля.

Брачные законы и традиции в Англии, кстати, тоже были очень своеобразные и тоже не слишком нравились Церкви.

«Средневековые англичане подходили к вопросам брака не менее основательно и трепетно, чем это делаем мы, — пишет Милла Коскинен, — но как люди верующие, более занятые и более практичные, излишними церемониями они себя не обременяли. Дело в том, что никаких бумажных сертификатов, подтверждающих факт регистрации брака, в Англии Средних веков просто не существовало, хотя в приходских церковных записях брачующиеся иногда регистрировались — если те сочетались браком в церкви. Бюрократизироваться бракосочетание начало только в шестнадцатом веке с подачи незабвенного Томаса Кромвеля, привыкшего в своей предыдущей деятельности ростовщика к тому, что после каждой сделки на руках сторон должна оставаться какая-то расписка. Впрочем, процесс шел с переменным успехом и еще в елизаветинские времена далеко не был завершен.

Так что долго еще пара считалась совершенно официально женатой, просто изъявив устно друг другу желание быть мужем и женой. Где угодно, хоть в церкви, хоть в лесу. И подтвердив факт актом

физической близости, хотя иногда обходились, за малолетством или по другим обстоятельствам, и без этого. Правда, в случае ситуаций спорных церковный суд по-разному рассматривал обещания, за которыми утверждающая стадия вступления в интимные отношения следовала, и те, где этих отношений не было, и пара обменялась только устными обещаниями.

„Present Vows“ (sponsalia per verba de praesenti) считались законным, нерушимым браком, если за стадией взаимных клятв быть мужем и женой пара закрепляла духовную связь через физическую близость. Такой брак мог быть в дальнейшем расторгнут только в случае, если один из супругов решал вдруг вступить в монашество или по специальному разрешению Папы, по каким-то веским причинам.

Сложнее было с другим видом брачных обещаний, „Future Vows“ (sponsalia per verba de futuro), содержащих условие. Скажем, супруги обещали завершить клятвы фактической близостью в какой-то определенный срок в будущем или при условии, если один из приносящих клятву должен для завершения обряда что-то исполнить („я буду твоей через год, на Михайлов день, если к тому времени ты сделаешь то-то и то-то“, к примеру). Такой „отложенный“ брак расторгался легче. Например, если обе стороны по согласию решали, что они вовсе не хотят становиться парой через год, на Михайлов день. Или если один из давших обещание за этот год вступил в уже действующий, подкрепленный близостью, брак. От такого отложенного брачного обещания можно было считать себя свободным, если вторая сторона навсегда покидала Англию. Физическая неверность, заболевание проказой или отказ от христианской веры одной стороны тоже освобождали другую сторону от всех обязанностей. Правда, в конце XII века папа Александр III настаивал, что и завершенные, и отложенные браки должны рассматриваться как нерушимые, но большого успеха его точка зрения не имела...

Придворные у фонтана. Роман „Рено де Монтобан, или Сыновья Аймона“. Миниатюра 1467–1469 гг.

Свидетели обмена клятвами могли быть, но можно было и без них. Церемония вступления в брак могла иметь место в какой-то форме, но можно было обойтись и без церемонии. Как ни парадоксально это звучит, сегодня мы вернулись в этом вопросе к той свободе, которая была свойственна английскому Средневековью: каждый вступает в брачный союз на свой, подходящей именно данной паре, лад. Правда, в Средние века и без слов подразумевалось, что этот союз будет союзом длиной в жизнь, так что имущественные соглашения на каждую

возможную жизненную ситуацию рассматривались тщательно и серьезно. И Церковь признавала такие браки действительными и нерушимыми.

Откуда подобная неформальность в эпоху, которая, как принято считать, параноидально относилась к сексуальности вообще и женской сексуальности в особенности? Грацианский кодекс это объясняет, рассматривая процесс вступления в брак состоящим из двух стадий: стадии изъявления намерения, во время которой между будущими супругами устанавливалась духовная связь, и стадии завершения, когда связь духовная подкреплялась связью физической. Ни к чему были свидетели, если при церемонии обмена клятвами присутствовал сам Бог, который, как известно, всегда и повсюду».

Церковный суд

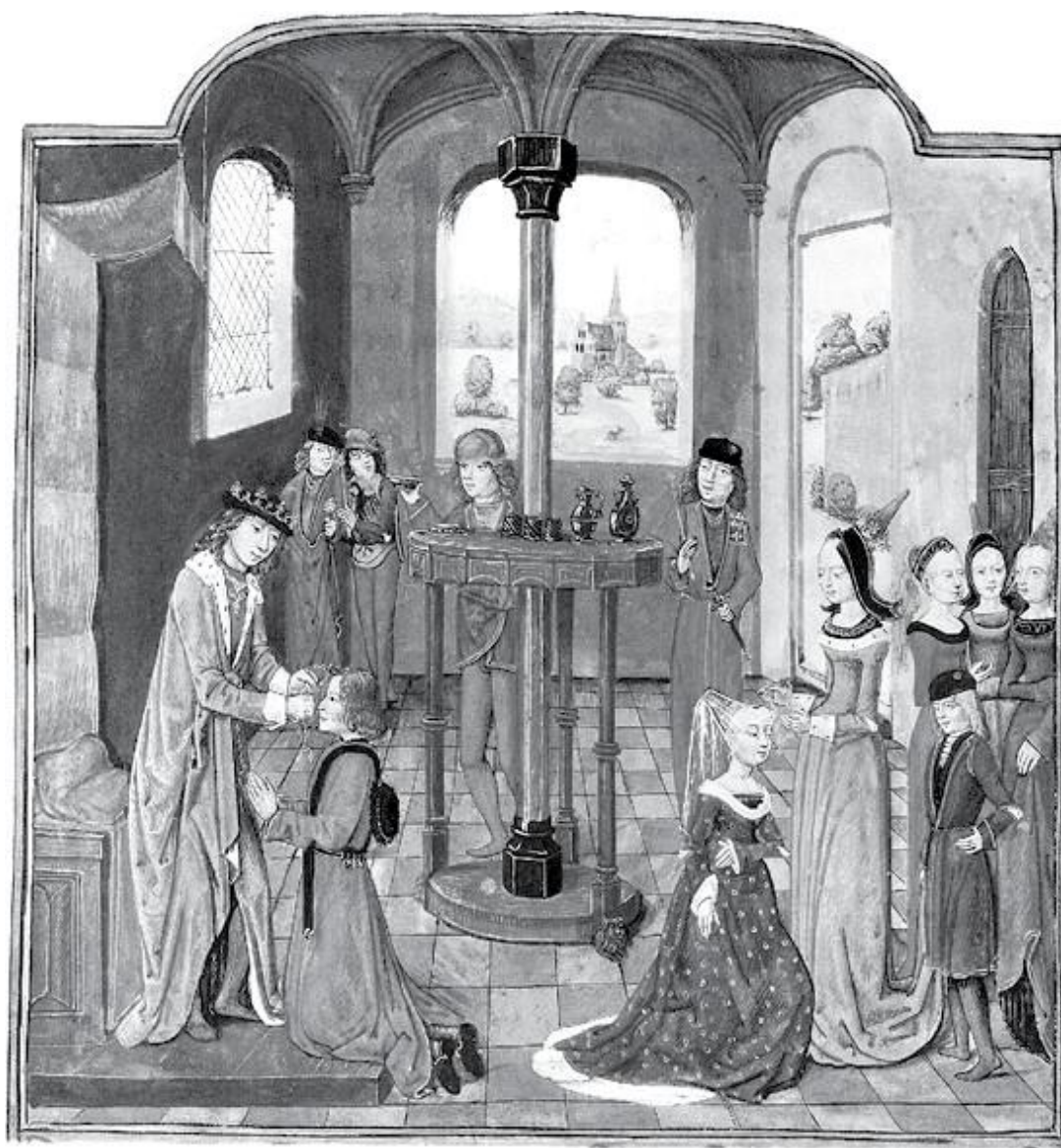
Как правило, дела о разводе были в ведении Церкви, то есть церковного суда. Как пишет Мортимер, в средневековой Англии было несколько видов церковных судов. Самые важные из них — архидьяконские суды и епископские суды. В них рассматривались самые разнообразные дела, в основном имеющие морально-нравственную подоплеку. Если человек хотел обвинить кого-то в преступлении против нравственности, например, клевете или избиении жены, и они оба жили в одном архидьяконстве, обратиться нужно было в местный архидьяконский суд. В епископских судах рассматривались в основном апелляции и особо серьезные преступления.

Причем судиться было в принципе недешево. Заявление в суд стоило три пенса, иск — два шиллинга и один пенс, расследование — еще шиллинг, и т. д. С одной стороны это давало неоспоримое преимущество людям состоятельным, но с другой — отсекало любителей совать нос в чужие дела и доносить на соседей. Обличать чью-либо безнравственность получалось слишком накладно.

Мортимер перечисляет такие рассматриваемые церковными судами преступления, как клевета, пьянство, сквернословие, работа по воскресеньям (что было строго запрещено, в том числе и чтобы защитить права работников), непосещение церкви по воскресеньям, ересь, лжесвидетельство, незаконное получение милостыни, поедание мяса в постный день, нападение на священника, неуплата десятины, ростовщичество, плохое обращение с женами. Кроме того Церковь занималась делами о разводах (как уже говорилось — на основе кровного родства или невыполнения супружеских обязанностей), а также всеми судебными делами против священников, потому что те были подсудны только Церкви, но ни в коем случае не светским властям.

«Больше всего дел (от трети до двух третей) было посвящено различного рода преступлениям, связанным с сексом: в основном — прелюбодеянию, двоеженству и адюльтеру, а также проституции, рождению детей вне брака, гомосексуализму и инцесту. Все подобные дела рассматривались в епископских судах». Представитель епископа, рассматривающий дело, мог назначить в качестве наказания штраф,

порку и всевозможные покаяния, начиная с простой обязанности нести свечи на воскресном шествии в церкви и заканчивая таким самоунижением, как стоять в белой простыне у дверей церкви три воскресенья подряд, признаваясь каждому в преступлении. Не явиться в церковный суд было нельзя — это фактически ставило человека вне общества, потому что в таком случае ему запрещалось посещать церковь до окончания судебного разбирательства, а если он и дальше не повиновался, ему грозило даже отлучение, то есть в буквальном смысле — социальная смерть.

Оммаж. Миниатюра. 1485 г.

Здесь надо немного пояснить, ведь раньше я уже упоминала, как Папа отлучал от Церкви королей и герцогов, но те продолжали жить как жили. Почему же для всех остальных отлучение было таким страшным наказанием?

Прежде всего дело в том, что королей отлучали в основном в раннее Средневековье, причем сразу вместе со всем их королевством. А это был период феодальной раздробленности, сеньор в своих землях был практически всесилен, и многие священники предпочитали подчиняться ему, а не Папе. Потому что Папа далеко, он может еще передумать, если политика поменяется, а король или герцог — вот он, рядом, не послушаешься, так и казнить может. При этом все равно некоторым королям и другим знатым сеньорам приходилось все же идти на поклон к Папе (как Филиппу Августу или императору Генриху IV). Потому что отлучение предполагало разрыв всех вассальных обязательств — никто из тех, кто приносил отлученному монарху клятву верности, больше не был обязан ему повиноваться.

Что уж говорить о частных лицах. Отлучение от Церкви означало, что человека не будут причащать, венчать, крестить его детей. Он не мог быть свидетелем в суде или занимать какую-либо должность, потому что его присяга больше ничего не стоила. Он не мог заключать сделки — по той же причине. А в случае смерти он не мог быть даже похоронен на кладбище. Человек отвергался обществом как при жизни, так и после смерти. Думаю, не нужно объяснять, что угроза отлучения действовала намного сильнее, чем любое, даже самое тяжелое и унижительное покаяние, которое могло грозить в качестве наказания за совершенное прегрешение.

Брачное обязательство

Нетрудно догадаться, что подобный подход — заключение брака без священника и даже без свидетелей — приводил к большому количеству путаницы, злоупотреблений, обманов и, как следствие — к судебным тяжбам. Причем в суд активно подавали как мужчины, так и женщины. Кто-то требовал соблюсти брачное обязательство, кто-то, наоборот, пытался расторгнуть неудачный брак под предлогом того, что обещал что-то кому-то еще до свадьбы, кто-то требовал компенсацию за моральный ущерб.

Расплывчатость законов и традиций приводила к тому, что иногда ответчик, пока на него не подали в суд, и не догадывался, что кому-то что-то обещал. К примеру, молодой человек мог подать в суд на девушку и потребовать, чтобы ее признали его женой, потому что она приняла от него подарок. И девушке приходилось доказывать, что этот подарок был не ей, а всей семье, или что она его вовсе не принимала, а сразу отослала обратно. Приводили свидетелей, приносили клятвы, судились и пересуживались...

Генриетта Лейзер приводит несколько интересных примеров судебных дел XIII–XV веков. Так, к примеру, в 1337 году некая Элис Палмер решила развестись со своим мужем Джеффри Брауном. Для этого она заплатила своему знакомому Ральфу Фолеру 5 шиллингов, чтобы он поклялся, будто между ними существовал предварительный обмен брачными клятвами. Ральф Фолер деньги взял, свое обещание честно выполнил, и Элис с Джеффри развели. Однако на этом дело не закончилось. Джеффри женился снова, но Элис к тому времени уже передумала и заявила в епископальный суд, что они с Ральфом солгали и поэтому развод недействителен.

В 1422 году купец Джон Астлотт, перед тем как поехать за границу по своим торговым делам, сделал предложение некой Агнес Лот, причем инициатором этого была именно она. Ее отец дал согласие, была объявлена официальная помолвка, и Джон уехал. Увы, его поездка оказалась неудачной, он потерял много денег, и когда он вернулся, Агнес пожелала расторгнуть помолвку. Но Джон считал, что после обмена клятвами они уже все равно что муж и жена, поэтому подал в

епископальный суд за нарушение брачного обязательства. К сожалению, сведений о решении суда не сохранилось.

Рождение Цезаря. Миниатюра. 1479 г.

Тяжбы, кстати, могли разбираться подолгу, так, например, дело Изабеллы Ролл против Джона Буллока в Йорке тянулось с 1351 по 1355 год. Джон пообещал Изабелле: «Если я вообще женюсь, то моей женой будешь только ты», — потом подкрепил это сексуальными отношениями, а в итоге все же женился на другой. Увы, данных о том, кто же выиграл, тоже не сохранилось.

Зато известно, чем закончилась тяжба Джона Толлера против Агнес Смит. Джон преподнес Агнес 24 шиллинга в качестве подарка на помолвку. Она их приняла, но вскоре узнала, что у него роман с ее родственницей, и отказалась выходить за него замуж. Джон потребовал тогда вернуть деньги, даже подал в суд, но Агнес ответила, что он первый нарушил их договор, поэтому она ему ничего не обязана. Суд встал на ее сторону и отказал Джону в удовлетворении иска.

Были и хитрецы, которые пытались интриговать и играть с законом. Например, некий бедный авантюрист Эдмунд де Насток в 1290 году тайно женился на такой же не слишком обремененной совестью Элизабет де Людхэйл, после чего попросил у состоятельного джентльмена Ричарда де Брука руку его дочери Агнес. Предложение было принято, Эдмунд с Агнес сыграли свадьбу, и Ричард де Брук передал ему приданое своей дочери, составлявшее шесть лошадей, десять быков, двенадцать коров с телятами, двенадцать волов с упряжью, восемьдесят овец с ягнятами, двенадцать баранов, тринадцать свиней, десять четвертей пшеницы, одиннадцать четвертей ржи, двадцать четвертей ячменя, три четверти соли, посуда, два плаща, четыре накидки, восемнадцать простыней, другую одежду, текстиль и полотенца, а также 100 шиллингов деньгами.

А затем объявилась Элизабет и предъявила доказательства, что они с Эдмундом состоят в законном браке. Какова была их цель? Деньги — они почему-то считали, что после расторжения брака с Агнес Эдмунду останется часть ее приданого. Или, возможно, рассчитывали, что Ричард де Брук откупится, чтобы не доводить дело до суда и не позорить дочь. Но у них ничего не вышло, дело решалось в суде, и тот мало того что приказал все вернуть, но еще и оштрафовал Эдмунда на 16 фунтов (очень крупную сумму) в пользу Агнес.

Ну и в заключение еще одна история, произошедшая в середине XIV века, чтобы было ясно — брачные законы были едины для всех и аристократы вынуждены были точно так же соблюдать их или нарушать и судиться, как и простые горожане. Речь об уже упоминавшейся Джоанне Плантагенет, Прекрасной Деве Кента. Джоанна относилась к самым бесправным в вопросах брака женщинам Средневековья: внучка короля Эдуарда I и дочь графа Кента, она представляла собой слишком выгодный товар на брачном рынке, чтобы ей позволили хоть как-то распоряжаться собственной жизнью. В юности она влюбилась в

мелкого дворянина Томаса Холланда, но ее, разумеется, с детства обручили с равным ей по положению графом Солсбери.

Однако, несмотря ни на что, Джоанна тайно обвенчалась с Холландом, к тому времени успешно делавшим военную карьеру — шла Столетняя война, на которой он добыл себе и славу, и деньги, захватив в плен коннетабля Франции и камергера Нормандии. Тем не менее дочери графа Кентского он был по-прежнему неровней. После того как Холланд вновь отбыл на войну, Джоанну по приказу короля все же обвенчали с графом Солсбери. Было им обоим тогда примерно по 20 лет.

Джоанна послушно вышла замуж и помалкивала, благо и второй ее муж тоже отправился на Столетнюю войну. Но через год вернулся Томас Холланд, к тому времени уже рыцарь ордена Подвязки, и заявил на нее свои права. Причем, учитывая участие короля в этом деле, Холланд не постеснялся подать жалобу сразу Папе Римскому. Джоанна его претензии подтвердила, разразился страшный скандал, граф Солсбери попытался запереть ее, чтобы помешать дать показания, но в итоге ему пришлось смириться — Папа объявил единственно законным мужем Джоанны Томаса Холланда.

Несмотря на то, что они так грубо нарушили королевскую волю, вызвали целую бурю в высших кругах английской знати и обвели всех вокруг пальца, Томас и Джоанна вполне счастливо прожили вместе 12 лет и имели пятерых детей. Потом Томас умер, а Джоанне, несмотря на ее скандальное прошлое, предложил руку и сердце самый значительный жених страны — Эдуард, Черный Принц, старший сын короля. Она вышла за него замуж и стала матерью следующего короля Англии — Ричарда II.

Средневековая женщина

Ну и наконец, самое время перейти к уже не раз затронутой теме — к положению женщин. Что же представляла из себя средневековая женщина? «Сосуд греха» по мнению Церкви; Прекрасная дама для трубадуров; выгодный товар на брачном рынке для аристократов; кухарка, уборщица и прачка при отсутствии прислуги, а иногда и при ее наличии; еще одни рабочие руки в крестьянском хозяйстве; всегда потенциальная блудница; недееспособная и бесправная собственность мужа...

Да так ли это? Или это все опять нагромождение мифов?

Сосуд греха

Марбод Реннский, французский поэт и епископ XII века, писал: «Женщина — это искусительница, колдунья, змея, чума, хищница, сыпь на теле, яд, палящее пламя, опьяняющий туман».

Аквитанский святой X века аббат Одо Ключонийский напоминал своим монахам предостережение Иоанна Златоуста касательно женщин: «Телесная красота ограничивается кожей. Если бы мужчины могли заглянуть под кожу, вид женщин вызвал бы у них отвращение... Если нам не нравится прикасаться к плевкам или испражнениям даже кончиками пальцев, как можем желать заключить в объятия мешок навоза?»

Жоффруа Вандомский, французский кардинал и богослов, предупреждал Хильдеберта Лаварденского (Турского архиепископа, поэта и богослова), что женский пол «ввел во искушение первого мужчину и сбил с пути истинного апостола Петра. Первого это привело к греху, второго — к отречению. Женский пол исполняет свое предназначение, как раба придверница: тех, кого он соблазняет, отлучаются от жизни, как апостол Петр, или допускают смерть в свою жизнь, как Адам в Эдеме».

Пряхи. Деяния и речи Римлян. Миниатюра. 1473 г.

Хильдеберт, впрочем, был в основном с ним согласен: «Женщина — создание хрупкое, она постоянна лишь в преступлении и всегда несет с собой вред. Женщина — это ненасытное пламя, высшая мера безрассудства, враг, который всегда поблизости, который учится сам и наставляет других всевозможным способом совершать дурное. Женщина — отвратительный *forum*, общедоступный предмет, существо, рожденное для обмана, успех для нее — это возможность совершить преступление. Всеядная во грехе, она позволяет любому пользоваться собой. Хищница, охотящаяся на мужчин, она в свою очередь становится их добычей».

И этот список цитат можно продолжать и продолжать. Да, именно такой была позиция церкви по отношению к женщинам. И то, что Жоффруа так негодовал из-за того, что вполне конкретная вдова графа Вандомского сумела одолеть его в тяжбе за землю, а Хильдеберт знал, о чем говорил, потому что имел несколько бастардов от разных женщин, на самом деле никакой роли не играло. Это действительно была

официальная позиция, которой придерживались как лицемерные грешники, так и праведные добродетельные мужи. По крайней мере так дело обстояло к началу Высокого Средневековья.

Есть ли у женщины душа?

Существует распространенный миф о том, что на одном из соборов Католической церкви было обсуждение и голосование по вопросу, есть ли у женщин душа. Но несмотря на все приведенные мною цитаты (которых при желании можно набрать на несколько томов), эта история все же является именно мифом. Настолько далеко Христианская церковь никогда не заходила.

«На этом же соборе поднялся кто-то из епископов и сказал, что нельзя называть женщину человеком. Однако после того как он получил от епископов разъяснение, он успокоился. Ибо Священное Писание Ветхого Завета это поясняет: вначале, где речь шла о сотворении Богом человека, сказано: „...мужчину и женщину сотворил их, и нарек им имя Адам“, что значит — „человек, сделанный из земли“, называя так и женщину и мужчину; таким образом, Он обоих назвал человеком. Но и Господь Иисус Христос потому называется Сыном человеческим, что Он является Сыном Девы, то есть женщины. И Ей Он сказал, когда готовился претворить воду в вино: „Что Мне и Тебе, Жено?“ — и прочее. Этим и многими другими свидетельствами этот вопрос был окончательно разрешен»

Св. Григорий Турский. «История франков». Рассказ о Втором Маконском соборе (585 г.), созванном королем Бургундии.

Наоборот, можно сказать даже, что при всем безусловном и ярко выраженном антифеминизме Христианская церковь ставила женщину гораздо выше, чем кто-либо прежде. Потому что именно она официально признала женщину человеком. Не равным мужчине,

конечно, но как бы ухудшенным его вариантом. Об этом уже шла речь в главе о браке, поэтому повторяться нет смысла.

Дамы за туалетом. Миниатюра. Франция. 1440–1460-е гг.

Добавлю, что именно отсюда, из признания того, что женщина — человек, и выросла церковная позиция по поводу браков и разводов. Всегда и во все времена мужчины и женщины в этом вопросе были абсолютно неравны. Женщина была вещью, передававшейся отцом мужу, и даже в тех случаях, когда у нее были какие-то права в браке, они все равно были гораздо меньше, чем у мужчины. В раннем Средневековье, до установления христианского брака, светские законы позволяли развод, но список возможных поводов для мужчин был намного больше такого списка для женщин. И только христианство формально их уравнило — и требованием, чтобы при заключении брака обоих спрашивали о согласии, и тем, что лишило права на развод обе стороны. Да, это не соблюдалось, но хотя бы декларировалось, что уже было огромным шагом вперед.

Дева Мария

А кому женщины были обязаны таким своеобразным к себе отношением? Это нетрудно понять уже из приведенного выше рассказа Григория Турского. Дело в том, что в христианстве, причем особенно в западном, католическом, есть два непререкаемых авторитета — сам Христос и его мать, Дева Мария. А она, как ни крути, — женщина.

Поэтому богословы все время находились в раздумьях, как совместить в одной системе ценностей ненавистную им Еву — женщину грешную, сбивающую мужчин с пути истинного, и Марию — символ святости и чистоты. Постепенно это вылилось в идею, что Ева принесла в мир грех, но потом Мария этот грех как бы искупила. Не зря у Данте в раю Ева сидит у ног Девы Марии — в самом центре рая.

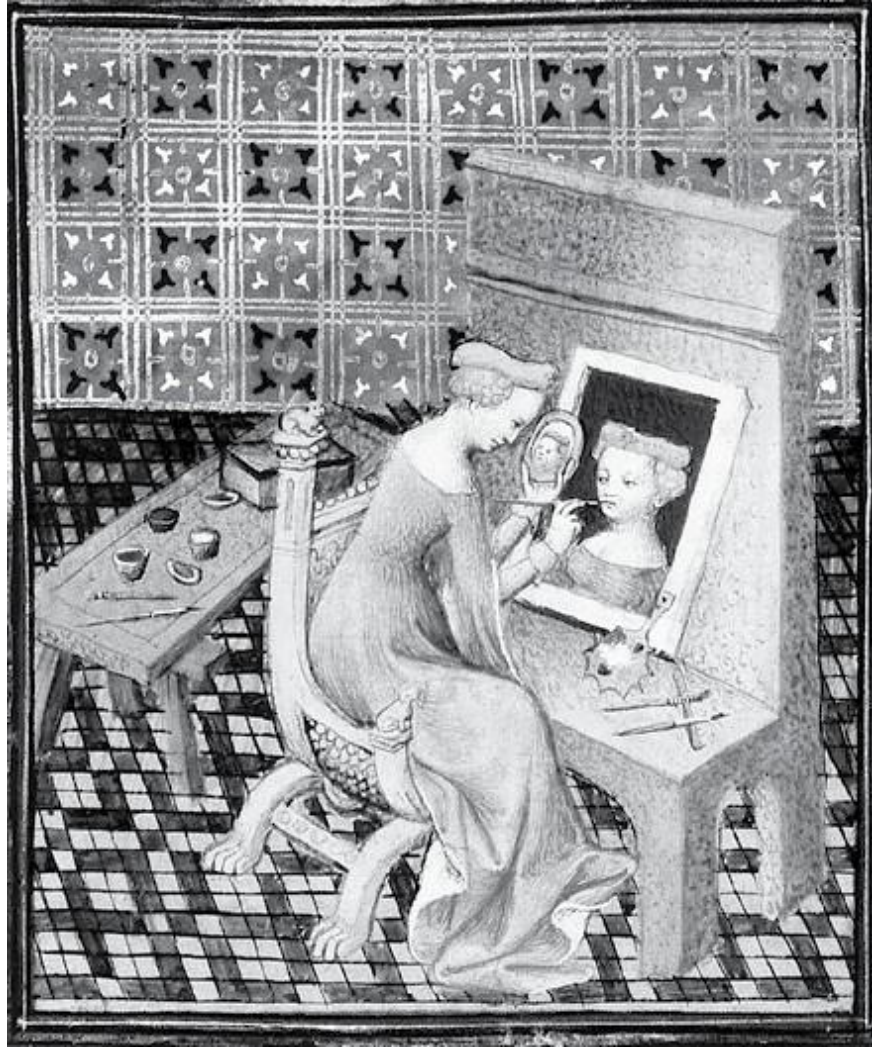
Августин Блаженный писал: «Через женщину — смерть и через женщину — жизнь». Ансельм Кентерберийский заявил еще конкретнее: «Таким образом, женщине не нужно терять надежды на обретение вечного блаженства, памятуя о том, что хотя женщина и стала причиной столь ужасного зла, необходимо было, дабы возратить им надежду, сделать женщину причиной столь же великого блага».

Кстати, раннесредневековых теологов очень смущало то, что Дева Мария была матерью. То есть с одной стороны, это и есть ее главное достоинство — что она родила Спасителя, но с другой — а как же грустные размышления того же Августина, что «мы рождаемся между мочой и калом»? Хочешь или нет, а Христос родился из того же презираемого богословами места. В конце концов своеобразный компромисс был найден — Дева Мария была и осталась девственной. Она зачала от Святого Духа, а потом и родила как-то так же (в физиологические подробности богословы старались не вдаваться), сохранив при этом девственность.

Девственность

Можно опять вспомнить о том, что раннесредневековая Христианская церковь единственно возможным путем для истинно верующего считала девственность. Поэтому неудивительно, что женщина для богословов того времени была исключительно раздражающим элементом. Ведь как просто было бы остаться добродетельным, если бы не было женщин, этих адских созданий, порождающих у мужчин греховные мысли. Разумеется, в этих мыслях были виноваты не сами мужчины, искренне мечтавшие о чистоте, а дьявольская женская натура.

Конечно, даже тогда церкви приходилось признавать существование добродетельных женщин, ведь кроме Девы Марии были и ветхозаветные праведницы, и раннехристианские святые. Но если почитать жизнеописания этих святых (точнее, варианты, написанные в тот период) и вообще любые поучительные истории о добродетельных женщинах, легко можно заметить одну особенность — все эти женщины либо девственницы, либо раскаявшиеся грешницы, занявшиеся умерщвлением плоти (как Мария Магдалина и Мария Египетская), либо хотя бы просто питают отвращение к браку. Так о замужних святых обязательно писалось, что они не хотели замуж, питали к супругу отвращение, и вообще их просто заставили.

Художница, рисующая автопортрет при помощи зеркала. Джованни Боккаччо «О знаменитых женщинах». Миниатюра. XIV в.

А вот тут надо немного остановиться на культуре Марии Магдалины. Конечно, его нельзя и близко поставить рядом с поклонением Деве Марии, но тем не менее Магдалина — одна из самых популярных святых средневековой Католической церкви. История прекрасной блудницы, видимо, будила в богословах какие-то греховные мысли, которые им самим очень сильно хотелось оправдать. Поэтому уже к XI веку Мария Магдалина стала рассматриваться как символ и образец спасения для грешниц: «Совершилось так, что женщина, впусившая смерть в мир, не должна пребывать в немилости. Смерть пришла в мир руками женщины, однако весть о Воскресении исходила из ее уст.

Также как Мария, Приснодева, открывает нам двери Рая, откуда мы были изгнаны проклятием Евы, так женский пол спасается от осуждения благодаря Магдалине».

Девственность или материнство?

Когда Церковь пересмотрела свои взгляды и согласилась, что добрым христианам позволено плодиться и размножаться, смягчился не только взгляд на женщину, но, естественно, и на сексуальные отношения. В общих чертах концепция стала выглядеть так: девственность — это идеально, быть добродетельной женой — тоже хорошо, вдовой — хуже чем девственницей, но лучше, чем женой. Сходила замуж, выполнила свое предназначение по воспроизводству рода человеческого, и хватит, дальше надо хранить добродетель. Тем более вдовами женщины оставались часто, особенно в южных странах, где разница в возрасте между мужчинами и женщинами, вступающими в первый брак, была особенно большой.

Немного цифр

В своем труде «Город в средневековой цивилизации Западной Европы» А. Сванидзе приводит такие статистические данные: в европейских городах XIV–XV веков женщин было в среднем на 20 % больше чем мужчин. Так, во Франкфурте по данным 1385 года на 1000 мужчин приходилось 1100 женщин, а в Нюрнберге 1449 года на 1000 мужчин — даже 1168 женщин. Флоренция с ее куда более подробной статистикой дает на XV век еще более точную картину: в возрастной группе от 13 до 17 лет больше девушек, после 23 лет мужчин становится больше чем женщин, а после 40 лет женщин снова больше, чем мужчин.

Из этих данных можно извлечь на удивление много информации о жизни средневековых женщин. Почему среди молодежи больше девушек? Потому что это город. Если посмотреть на деревню, картина будет совсем другая. В Средние века молодежь, как, в общем-то, и в любые времена, активно уходила из деревни в город в поисках лучшей доли. И по большей части это были девушки. Сельская жизнь была не только трудной, в ней еще и не всем хватало места — если у тебя нет своего участка земли, тебе там делать нечего. Мужчина мог податься в батраки, тяжелой работы всегда хватало, для девушек же рынок труда был очень мал. Другое дело — город. Там и платят больше, и прислуга всегда нужна, а если повезет, можно даже замуж выйти и забыть о деревне навсегда.

Маргарита де Роан, герцогиня Ангулемская. Миниатюра. Конец XV в.

Годам к 20 перекося выправлялся, частично за счет того, что некоторые девушки, заработав на приданое, возвращались домой. Но главной причиной того, что количество женщин падало, была, увы, смертность при родах. Это была вообще основная причина ранней женской смертности в Средневековье. А поскольку умирали чаще всего именно от первых родов, численность женщин уменьшалась именно в возрастной группе 20 лет, плюс-минус.

Но та же статистика показывает, что если женщине удалось благополучно пережить первые роды, ее шансы дожить до старости резко возрастали. И после 40 лет перекося снова смещался в пользу женщин — кроме того, что мужчины гибли в различных военных

конфликтах, женщины, как и в наше время, вели более здоровый образ жизни и меньше предавались различным излишествами.

Изменения в положении женщин в высокое средневековье — теории специалистов

В последние десятилетия XX века эта тема достаточно бурно обсуждалась историками, пишет Ю. Л. Бессмертный, а началось все с гипотезы американской исследовательницы Э. Коулмен о том, что «рост сельскохозяйственного производства в XI в. именно потому обеспечил рост населения, что, сняв проблему „лишних ртов“, покончил с искусственным ограничением численности лиц женского пола и тем обеспечил увеличение рождаемости». То есть, грубо говоря, еды стало больше, поэтому о девочках начали заботиться так же, как о мальчиках (что в раннем Средневековье девочек могли просто оставлять на произвол судьбы — известный факт).

По мнению другого американского специалиста Д. Херлихи, социальное положение женщин постепенно улучшалось с VIII по XII век: «Эта тенденция сказывалась во всех социальных классах и затрагивала многие социальные сферы; в основе ее лежала повсеместная численная нехватка женщин, вызванная меньшей продолжительностью их жизни; но лишь в XIII–XV вв. по мере сокращения частных войн и разбоя (особенно губительных для женщин) и вследствие развития в городе и деревне хозяйственных отраслей, в которых женщины могли участвовать, не подвергая себя физическому перенапряжению, уменьшается риск ранней смерти для женщин, увеличивается продолжительность их жизни и возрастает их общая численность». Однако, по мнению Херлихи, новое ухудшение правового положения женщин к XVI веку связано как раз с тем, что их стало слишком много. Многие специалисты, впрочем, его мнения не разделяют и считают, что это связано с целым комплексом причин, начиная от серьезного роста населения в целом и заканчивая общеевропейской тенденцией возвращения к консервативным ценностям после потрясений позднего Средневековья (все те же эпидемии и длившиеся десятилетиями войны).

Р. Фоссье выдвинул другую идею. По его мнению, «укрепление социального престижа женщины начинается лишь с феодальной (сеньориальной) революции XI в. и усиливается по мере роста населения и обособления малой семьи в XII — первой половине XIII в.

Исчезновение в то время остатков полукочевого быта, прочное оседание на землю и главное — становление и укрепление таких социальных и хозяйственных ячеек, как „дом“, „деревня“, „приход“, „община“ (так называемое *rencelullement*), предполагало закрепление за женщиной ряда ключевых хозяйственных и культурных функций — как у знати, так и у крестьян; в числе этих функций: „ведение дома“, непосредственное распоряжение питанием семьи и обеспечение ее одеждой, воспитание малых детей, культ умерших предков, сохранение родовых реликвий, поддержание в семье необходимого морально-психологического континуума... Все это, вместе взятое, повышало престиж женщины, позволяло ей играть главную роль в цементировании супружеской семьи, обуславливало ее важное значение в формировании цивилизации XI–XII вв. в целом».

Историки-урбанисты, в свою очередь, считают, что серьезное улучшение общественного положения женщины в Западной Европе началось только к концу XIII в. и «объяснялось оно тем, что в быстро растущих городах того времени заметно расширилась правоспособность женщин; им предоставлялись права наследования недвижимости, права свидетельствования, возможность быть членами цехов и магистратов».

Женщина высокого средневековья

В книге «Жизнь и смерть в Средние века» Ю. Л. Бессмертный выстраивает довольно стройную систему того, как и в каких сферах произошли изменения в положении женщин (на примере французского общества). Так, он тоже пишет, что еще в XI веке дискриминация женщины была очень явной, причем у всех сословий. «В сочинениях богословов безраздельно господствовали антифеминистские суждения, подчеркивалась особая приверженность женщин к греху, отмечалась необходимость мужской опеки над ними; непричастность клириков к повседневному общению с женщинами рассматривалась как одно из свидетельств их превосходства над всеми мирянами.

В светской модели мира приниженность женщины в XI в. также не вызывает сомнений. И в рыцарской, и в крестьянской среде почти повсеместно победил тогда агнатический счет родства, земля наследовалась преимущественно по отцовской линии. Для социокультурной оценки женщин поучительно, что с появлением второго имени (*prenom*) и жена, и дети нарекаются „фамилией“ мужа и отца; в грамотах, касающихся крестьян, имя жены все чаще вовсе опускается». По поводу аристократических кругов он указывает также, что младшим сыновьям нередко, чтобы не дробить земельные владения, запрещали жениться, что приводило к сильному перевесу числа женщин на брачном рынке, а следовательно, обесценивало их. Чтобы как-то устроить свою жизнь, девушки, даже из благородных семей, соглашались на нецерковный брак по старому датскому праву, а то и вовсе на конкубинат.

«Подобные оценки женщины в рыцарской среде начали уступать место более позитивным лишь в следующем, XII в., в частности в связи с резким ростом числа церковных браков рыцарей. Этому способствовало, с одной стороны, более широкое использование при обзаведении семьей рентных фьефов, а с другой — укрепление престижа церковного брака, обеспечивавшее женщине большую надежность семейного союза. Не случайно, в лэ Марии Французской превозносится именно эта форма брака, которая открыто противопоставляется „бесстыдному“ конкубинату или куртуазной любви... Все большее распространение формально нерасторжимого

церковного брака и связанной с ним моногамной семьи, несомненно, стабилизировало положение женщины. Особенно это касалось ее положения внутри семьи. Обширные права хозяйки дома, справедливо подчеркивавшиеся Р. Фоссье, приобретали отныне особую важность и стабильность, которые, конечно же, повышали престиж женщины...»

Встреча. Роман «Рено де Монтобан, или Сыновья Аймона». Миниатюра 1467–1469 гг.

В крестьянской среде тенденции были похожие, только они обуславливались не разрешением жениться, с этим у крестьян проблем не было, а отменой крепостного права. Ну и, конечно, нерасторжимый церковный брак укрепил положение женщин — хозяек дома — и в низшем сословии тоже.

Служанка у колодца. Роман «Рено де Монтобан, или Сыновья Аймона». Миниатюра 1467–1469 гг.

«Сакрализация брака и общепризнанность воспитательных функций женщины в семье сказались и на суждениях авторов дидактических сочинений XII в. Несмотря на сохранение в них антифеминистских высказываний, появляются, например, попытки рассматривать самые недостатки женщины как ниспосланное Богом средство нравственного совершенствования мужчины. Эта идея центральная в доктрине созданного в начале XII в. во Франции ордена Фонтевро. Основатель ордена Робер д'Арбрисель предписывал совместное существование мужских и женских монашеских общин и подчинение первых вторым. По мысли д'Арбриселя, это должно было стать для мужчины школой подавления плоти, школой аскезы и искупления греховности. В этой доктрине исходным мотивом оставалась забота о душевном спасении мужчины, но и оценка социально-культурной роли женщины здесь имплицитно повышалась.

В еще большей мере то же самое можно сказать о куртуазном культе дамы в XII в. Как бы ни оценивать общекультурный подтекст куртуазной литературы XII в. — в плане ли свидетельства явного улучшения социального статуса благородной женщины, в плане ли

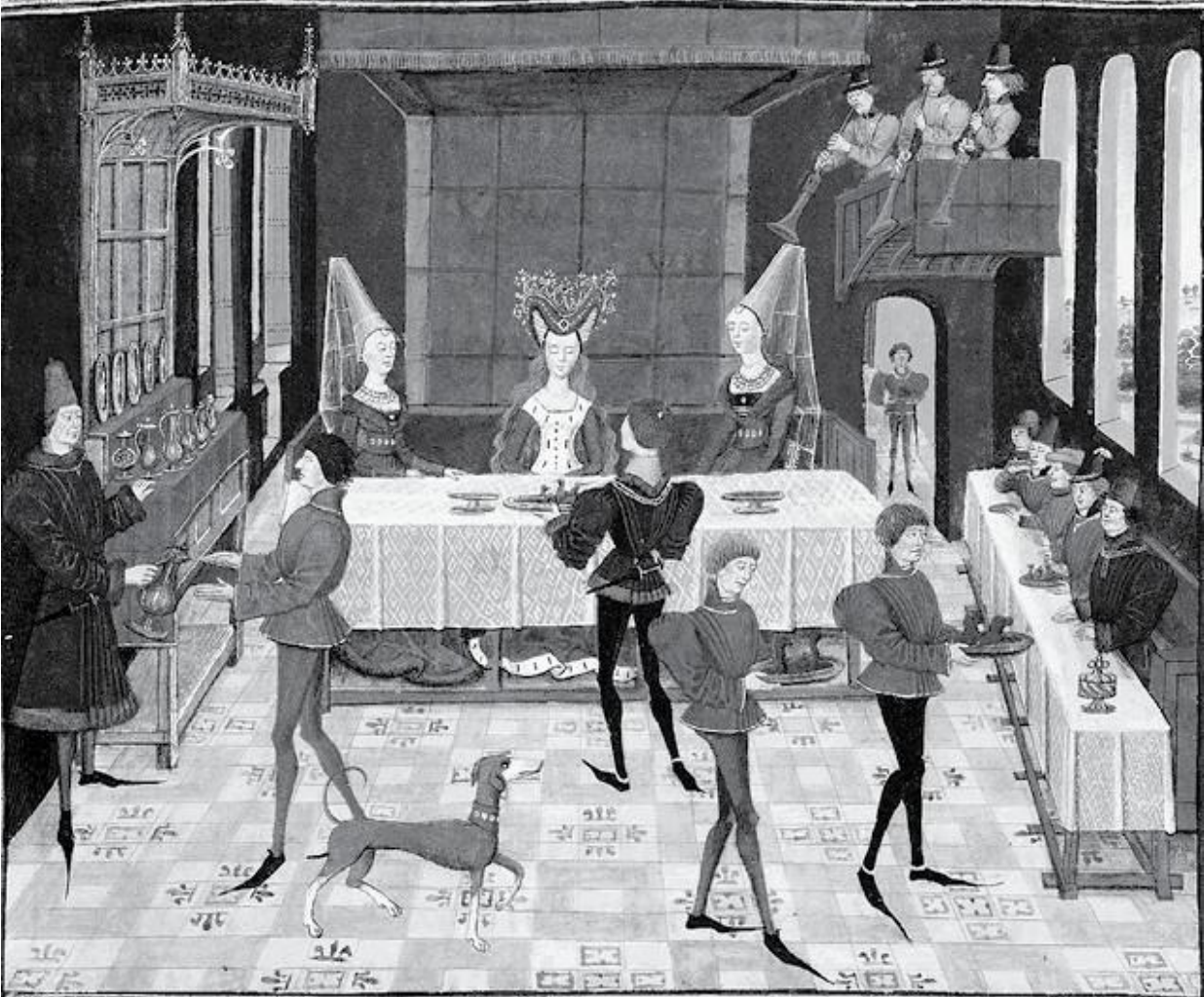
„сублимации мужского презрения“ к ней (как к объекту „завоевания“ мужчиной), — ведущей линией рыцарского поведения, отраженного в этой литературе, является нравственное самоусовершенствование рыцаря, измеряемое степенью благосклонности дамы. Но признание за женщиной роли формального судьи мужских деяний не могло не подразумевать утверждение ее авторитета, хотя бы в „мире воображения“, воплощавшемся в рыцарской литературе того времени. Впрочем, и за пределами „мира воображения“, в реальной действительности XII в. благородная дама могла порой выступать как сюзерен и даже посвящала иногда юных воинов в рыцари.

Констатируя отдельные благоприятные для женщины изменения, не следует терять общей перспективы; дальше отдельных, более или менее частных нововведений дело в XII в. не пошло. Ни в светской, ни тем более в церковной модели мира не было и речи об уравнивании мужчины и женщины. Несоввершенство женской природы и заложенное „от века“ верховенство мужчин над женщиной остаются общепризнанными во всех общественных слоях и подчеркиваются и церковными и светскими писателями. Именно общепринятость дискриминации женщины делала особенно заметными отдельные сдвиги. Почти все они касались сферы „частной жизни“ и потому могли оказать лишь небольшое влияние на оценки современниками общественного статуса женщины».

Бессмертному вторит и Мортимер, когда пишет, что в средневековой Англии «женщины постоянно становятся жертвами предрассудков. Дело даже не в том, что они „граждане второго сорта“ — высокопоставленных женщин уважают не меньше, чем мужчин, — а в том, что женщин обвиняют во всех физических, умственных и нравственных недостатках общества. Именно женщина убедила мужчину вкусить запретный плод, из-за чего человечество изгнали из рая — а такую вину трудно искупить. Сам факт, что в Библии написано, по словам Чосера, „что землю женщина чуть не сгубила“, служит прочной основой для всевозможных предрассудков (впрочем, к чести Чосера, сам он им не подвержен)».

Женщина позднего средневековья

А что по мнению Бессмертного изменилось в XIII–XIV веках? «Пожалуй, наиболее заметно усиливающееся столкновение противоположных тенденций в подходе к статусу женщины. С одной стороны, продолжаются выступления против крайностей в социально-культурной дискриминации женщин. Так, в нравоучительном диалоге отца и сына (середина XIII в.) констатируется: „Женщина не должна быть ни головой (*la teste*) для мужчины, ни его подножием (*ni des piez*); она должна быть наравне с ним; не надо превращать ее ни в госпожу над ним (*dame par desus lui*), ни в его подчиненную (*sa baasse*), которой можно помыкать“. Еще резче выражает эту мысль Рамон Лулий, подчеркивающий, что „муж должен служить (*scrvir*) своей жене, как жена служит (*serve*) мужу и как они оба служат Богу“. Правда, тут же оговаривается еще особая „служба“ жены своему супругу, для плоти которого она играет ту же роль, что и другие его органы. Сходным образом Робер де Блуа, писатель середины XIII в. в поэме, обращенной к благородным мужчинам, призывает их не говорить о женщинах плохо, не хулить их зря, не забывать, что все люди рождены и вскормлены ими и т. д. Даже если считать, что все благосклонные по отношению к женщинам высказывания писателей XIII в. представляют лишь „исключение“, сам факт их существования вряд ли может быть сброшен со счетов. Это же касается и усиления в XIII в. мариинских культов и появления пародийных текстов, в которых мужчины рожают, а женщины воют. Полностью признается трудовая деятельность женщины...

Королевский банкет. Роман „Рено де Монтобан, или Сыновья Аймона“. Миниатюра 1467–1469 гг.

С другой стороны, тенденция противопоставлять мужчин и женщин по их общественным правам и функциям в XIII в. сказывается еще резче, чем в предыдущем столетии. Тот же Робер де Блуа рассматривает приниженность и несовершенство женщины как непреложный факт, влияние которого можно уменьшить, но не устранить...»

Мортимер в свою очередь подтверждает эту же тенденцию и в Англии: «В одной книге XIII века, переведенной на английский язык в XIV веке женщины меньше, смиреннее, сдержаннее, добрее, покладистее и нежнее мужчин, но вместе с тем „более завистливы, более смешливы и влюбчивы, и злобу в душе чаще таят женщины, чем мужчины“. Затем автор добавляет, что „природа женщины слаба, она

говорит больше лжи... хуже работает и медленнее двигается, чем мужчина“. Он явно ценит хорошие качества женщин, но в целом его рассказ не слишком-то доброжелателен...

Прошу вас, скажите, разве недостаточно я вам покорна и во всем, и всегда послушна? Круглый год я только и выхожу из дома, что в церковь, да и то только после того, как смиренно испрошу у вас на то разрешения. Вам же, напротив, позволено по собственной воле днем и ночью разгуливать где вздумается и проводить время за игрой в кости или шахматы. Дай-то Бог, чтобы вы, против собственной совести, не наделали еще большего зла (я думаю о том, чему вы вполне достаточно и более чем достаточно, — мне стыдно об этом говорить, но я все таки скажу, — платите дань, и что прекрасно показывает ваше равнодушие и ваше презрение...). Что сказать о доме и о расходах на него? Если бы я их не ограничивала, тогда как вы отличаетесь, если не сказать большего, столь великой щедростью, все шло бы совсем по-другому...

Вот так, вот так мы, ни в чем не повинные женщины, всегда будем проклинаемы этими мужчинами, которые думают, будто им все дозволено, и нет на них законов, тогда как нам ничего не полагается. Они пускаются в разгул и разврат, а нас-то, стоит нам только чуть повести глазами в сторону, обвиняют в супружеской измене. Мы — не жены и не подруги, но пленницы, захваченные у врага, или купленные рабыни. В своем доме эти сеньоры не довольствуются заботливо приготовленным завтраком с утра и обедом вечером; ночью им требуется роскошная постель, они всегда должны иметь под рукой такую одежду и белье, какие им нравятся, не то в тавернах, на перекрестках и в позорных местах, о коих умолчу, они грызут и оскорбляют нас, терзают нас, обвиняют нас, то и дело требуя от нас того, чего сами нам не

дают. Они строги к другим, снисходительны к себе: это несправедливые судьи...

„Жалоба жены“, Жан де Монтрей, философ рубежа XIV–XV вв., секретарь герцога Бургундского.

Амазонки. Миниатюра. Англия. Середина XV в.

Несмотря на все эти пугающие предрассудки, что-то быстро изменить было практически невозможно. Дело даже не в женоненавистничестве в обществе: люди слишком доверяли законам и социальным нормам. Мужчины исполняли законы, но это не значит, что они могли в любой момент их изменить — в конце концов, законы вырабатывались долго, в течение многих поколений. К тому же законы не сильно помогли бы справиться с предрассудками против женщин. Трудно сказать, как много народу считало, что проблема вообще

существует. Многие женщины просто принимали доминирование мужчин в обществе как должное, считая, что Бог замыслил мир именно таким в наказание женщинам. Ибо если кто-то и пытался изучить подобные вопросы, то за информацией обращался скорее всего к Библии, а Книга Бытия — не единственная, в которой есть сильный сексистский перекося. Кроме того, философия XIII века, на основе которой по большей части формируются мнения века XIV следует аристотелевской максиме „женщины — это изуродованные мужчины“. Некоторые образованные женщины жестко критиковали такой сексизм, но они мало что могли с этим сделать — разве что писать остроумные полемические трактаты и делиться ими с друзьями и знакомыми».

Добродетельная женщина

Так какой же должна была быть женщина, чтобы удовлетворить самых взыскательных богословов и философов Средневековья? Высокого и Позднего, разумеется, — большинство раннесредневековых христианских теологов в принципе не признавали за женщинами никаких достоинств и со скрипом делали исключение разве что для монахинь.

Итак, вот список женских добродетелей: целомудрие, смирение, скромность, умеренность, молчаливость, трудолюбие, милосердие, послушание.

С целомудрием понятно, об этом я уже писала: идеальная женщина должна была быть девственной монахиней, отличная — просто девственницей, хорошая — верной женой (а лучше — добродетельной вдовой). А вот об остальных добродетелях поговорим более подробно.

Смирение, скромность и умеренность

Смирение, скромность и умеренность — это некое триединое качество. Авторы поучительных книг для женщин, как, впрочем, и серьезные богословы, любили рассказывать страшные истории о том, как некая девушка нарядилась, вышла из дома погулять, а на улице ее приняли за проститутку и изнасиловали. Такие истории, по правде говоря, имели под собой основание — бродить в одиночестве в вызывающем наряде по темным улицам и сейчас небезопасно, а уж в Средние века это было просто безумием. Но в идеале женщина вообще не должна была никуда выходить, кроме церкви (да и то с сопровождающими). Потому что натура она слабая и подверженная соблазнам. Истинно добродетельной женщине даже к окнам не стоило подходить — чтобы не впасть в соблазн и не захотеть от жизни чего-то большего, того, что есть у мужчин или хотя бы у других женщин. Свободы, нарядов, развлечений. Все это — от лукавого.

«Иди в сопровождении благородных женщин одного с тобой положения и избегай подозрительных компаний, — наставлял свою жену парижский горожанин XIV века, — и никогда не позволяй, чтобы тебя видели с женщиной, пользующейся дурной славой. Иди подняв голову и опустив веки, но так, чтобы они не дрожали, и смотри прямо перед собой метров на сорок вперед, не глядя по сторонам ни на мужчин, ни на женщин слева или справа от тебя, не глядя вверх, не перебегая взглядом с одного предмета на другой и не останавливайся на дороге, чтобы поболтать с кем-нибудь».

Молчаливость

Молчаливость — что ж, эта добродетель, наверное, не слишком нуждается в пояснениях. Миф о болтливости женщин живет и поныне, хотя научно уже давно доказано, что разговаривают и сплетничают представители обоих полов одинаково. Единственное отличие женщин состоит в том, что они чаще предпочитают проговаривать ход своих мыслей вслух. В Средние века это мужчин тоже сильно смущало — идеальная женщина вообще не должна была иметь собственных мыслей, для того, чтобы думать, у нее был отец или муж. «Проповедники и моралисты, — пишет Карла Казагранде, — были сильно обеспокоены тем, что женщины говорили слишком много и говорили ужасные вещи: они были опытными лгуньями, злобными сплетницами, постоянно спорили, непрерывно ныли и болтали. За века клише женоненавистнической литературы отложились в проповедях и нравственных сочинениях для женщин, дав современным читателям искаженный образ сварливых и болтливых женщин, извращенно злоупотребляющих прекраснейшим из даров человеку — даром речи».

Трудолюбие

Как ни странно это на современный взгляд, но трудолюбивой средневековая женщина по мнению богословов и философов должна была быть вовсе не для того, чтобы зарабатывать на хлеб насущный или помогать мужу. Просто труд отвлекал ее от праздности, а следовательно от лишних размышлений. Франческо да Барберино, например, писал, что не будет вреда, если даже дочери рыцарей, судей и врачей научатся ткать и шить, чтобы быть готовыми к любым превратностям судьбы. «Даже при том, что в их положении не было нужды зарабатывать на жизнь, — замечал он, — постоянная работа иглой и веретеном поможет им развлечься в часы меланхолии и удалит их от пути праздности».

Художница. Миниатюра. Франция. Середина XV в.

Житие Людовика Святого. Франция. Конец XV в.

«При этом производительность и экономическая ценность женского труда, — подчеркивает Карла Казагранде, — были для Франческо вторичны, как и для большинства проповедников и моралистов. В первую очередь они думали о том, что женщин никогда нельзя оставлять без дела настолько долго, чтобы они затаили желания и фантазии, потенциально опасные для устойчивости их умов и чистоты их тел».

Милосердие

В какой-то степени радуется, что хоть одну добродетель за женщинами признавали почти все средневековые философы. Милосердие считалось естественным женским качеством и всячески поощрялось. Эгидий Римский, видный теолог XIII века и епископ Буржа, например, писал, что та же мягкосердечность, которая сделала женщин капризными и нелогичными, сделала их неспособными терпеть страдания других людей и породила у них желание немедленно облегчать их.

Поэтому именно благотворительность в Средние века стала основным занятием, позволяющим женщинам всех сословий коммуницировать с окружающим миром. Причем для женщин высшего и среднего класса такое положение вещей сохранялось вплоть до XX века. Уже давно закончилось Средневековье, блеснул Ренессанс, прошло Новое время, а жены и дочери дворян и состоятельных буржуа по-прежнему выходили из дома, не опасаясь косых взглядов, только когда шли навестить бедняков.

Милосердие было основной добродетелью для любой женщины, причем чем выше был ее статус, тем выше были к ней и требования. Идеальная королева, например, должна была посвящать делам благотворительности большую часть своего времени, заботиться о бедных и нуждающихся, в том числе прокаженных, посещать женские монастыри и следить, чтобы ее пожертвования достигали отдаленнейших уголков королевства. Фактически королева (герцогиня, графиня) была руководителем социальной службы во владениях своего мужа, и положение бедняков, больных, калек, сирот, стариков и т. д. напрямую зависело от того, насколько серьезно она этим занималась.

Послушание

Ну и наконец, послушание. Главное, что всегда требовали мужчины от женщин (а многие требуют и поныне). Идеальная женщина обязана быть послушной, причем это послушание должно быть не вынужденным, а естественным, добровольным и проистекающим от безмерной любви к мужу.

Впрочем, лучше Шекспира здесь никто не скажет:

Муж — повелитель твой, защитник, жизнь,
Глава твоя. В заботах о тебе
Он трудится на суше и на море,
Не спит ночами в шторм, выносит стужу,
Пока ты дома нежишься в тепле,
Опасностей не зная и лишений.
А от тебя он хочет лишь любви,
Приветливого взгляда, послушанья —
Ничтожной платы за его труды.
Как подданный обязан государю,
Так женщина — супругу своему.
Когда ж она строптива, зла, упряма
И непокорна честной воле мужа,
Ну чем она не дерзостный мятежник,
Предатель властелина своего?

*У. Шекспир, «Укрощение
строптивой».*

Любовь к мужу

Как написал Жан Буридан, французский философ, по иронии судьбы запомнившийся потомкам благодаря притче-анекдоту про своего осла: «Муж любит больше, чем жена, и более благородной любовью, поскольку находится к жене в таком отношении, как начальник к подчиненному, как прекрасное к несовершенному, как дающий к просящему и как благодетель к облагодетельствованному. Муж дает жене ребенка, и она получает ребенка от него».

Как я уже говорила, при том, что браки заключались по деловым соображениям, любовь между супругами считалась некой обязательной добродетелью. Если вы хорошие христиане, то просто обязаны полюбить того, с кем вас связало церковное благословение. Причем это одинаково относилось и к мужчинам, и к женщинам.

Но женщина как существо несовершенное и волнуемое страстями, должна была любить мужа всепоглощающей любовью, почти как Бога, чтобы у нее не оставалось других интересов. Муж же не мог и не должен был позволять себе такой же страстной любви, потому что у него и кроме жены много дел и забот. То есть супруги считались партнерами, но имеющими разные права и разные обязанности.

Равноправие

В средневековом обществе равенства полов не существовало в принципе, и даже самые передовые люди той эпохи крайне удивились бы самому предположению, что мужчина и женщина могут иметь равные права. Причем, говоря о передовых людях, я имею в виду и женщин тоже.

В Средневековье равенства не было и быть не могло. Но был в некотором роде паритет.

Вернемся к приведенному выше отрывку из «Укрощения строптивой». Финальный монолог «укрощенной» Катарины у многих современных женщин вызывает негодование. Как это так — «муж господин твой»? С какой стати? При этом к остальным фразам из монолога словно и не прислушиваются.

Миниатюра. Франция. 1440–1460-е гг.

Шекспировская женщина, так же как и средневековая женщина в идеале, не работала. Работал только мужчина. То есть речь в монологе о том, что долг мужчины — заботиться о жене, защищать ее, содержать, пахать ради этого изо всех сил, а долг женщины — окружать вернувшегося с работы мужчину нежностью и комфортом. Это и есть средневековый паритет в отношениях между полами. У женщины нет мужских прав, но у нее нет и мужских обязанностей.

Определенная логика в этом, согласитесь, была. Многие женщины и сейчас хотели бы отношения по такому же принципу — муж работает, чтобы содержать семью, а жена обеспечивает ему «надежный тыл». Увы, современные «домостроевцы» все время забывают, что в обмен на женское послушание мужчина обязан был принимать на себя всю ответственность за свое и ее благополучие. Не говоря уж о том, что — вспоминаем — брак был нерасторжим и заботу о жене приходилось брать на себя пожизненно.

Юридическое бесправие

Но, нет, средневековым женщинам завидовать не стоит, не хочу, чтобы сложилось впечатление, будто я пытаюсь приукрасить их жизнь. Юридически большинство женщин на протяжении всего Средневековья и Нового времени имели очень мало прав, а в каких-то случаях и вовсе были недееспособны, словно несовершеннолетние дети.

Кристина Пизанская. Бургундский манускрипт. Начало XV в.

Все права у мужчин, а женщина по большей части лишь приложение к мужчине. Как пишет Мортимер, мужчин обычно характеризовали по роду занятий — то есть мужчина мог быть рыцарем, монахом, купцом, ремесленником и т. д. А женщина могла быть девушкой, женой, вдовой или монахиней. То есть ее место в обществе определялось прежде всего ее семейным положением. «Положение девы или жены зависит от мужчины, который ее обеспечивает. У девушек это отец или отчим. После замужества —

муж. Выйдя замуж, женщина оказывается в полной власти мужа. Она не может отказать ему в сексе, взять деньги в долг без его согласия, избавиться от какого-либо имущества... Монахини находятся примерно в такой же зависимости от монастыря — их считают невестами Христа. Только вдовы и старые девы более-менее независимы, и то вдов обычно оценивают по общественному положению последнего мужа. Это самый главный и неотъемлемый аспект жизни женщин. С рождения до вдовства они живут под чьим-либо (обычно мужским) контролем, по крайней мере номинальным».

Женщина-ребенок

Мортимер пишет об Англии XIV века, но как раз это было характерно для любой страны и для всего Высокого и позднего Средневековья. Юридически женщина полностью зависела от мужчины, а из этого вытекали, соответственно, экономическая и даже физическая зависимость. Муж был хозяином жены, но не ее владельцем, она обязана была подчиняться ему, но не как вещь или рабыня.

Сложно? Думаю, понятнее всего будет, если провести аналогию между положением средневековой женщины и положением современного ребенка. Точнее, не совсем современного — сейчас с детьми стало принято носиться, как с «растением мимоза в Ботаническом саду» (как писал когда-то Сергей Михалков об очень опекаемых детях), а ребенка второй половины XX века.

Итак, представьте себе обычные отношения отцов и детей. Ребенок. Он обязан подчиняться родителям — те имеют право ограничивать его свободу, могут давать ему деньги или не давать, сами решают, что ему надевать, чем питаться, куда ходить, покупают ему тоже то, что сами считают нужным. Родители выбирают круг общения своего ребенка, принимают за него решение, чем ему заниматься — музыкой или футболом, решают, в какой вере его воспитывать. За проступки родители наказывают ребенка по своему разумению: кто-то ставит в угол, кто-то лишает сладкого, кто-то читает нотацию, кто-то не пускает в кино, а кто-то и порет ремнем.

В то же время родители несут за ребенка полную ответственность, содержат его, воспитывают, следят за его здоровьем, платят за него штрафы в случае какого-то нарушения общественного порядка. Если с ребенком что-то не так, именно родители подвергаются общественному осуждению, а в особых случаях могут быть лишены родительских прав и даже привлечены к административной или уголовной ответственности.

Ребенок может бунтовать или договариваться с родителями, он может убежать из дома (но его поймают и в большинстве случаев вернут родителям), он может добиваться своего просьбами, лаской, скандалами и прочим эмоциональным давлением. И тут по сути все

зависит исключительно от личных качеств людей. Кому-то повезло с умными, добрыми и справедливыми родителями, а из кого-то «дурь» выбивают ремнем. И никакой закон не защитит ребенка, если родители из идейных соображений кормят его одной травой или, наоборот перекармливают его до третьей стадии ожирения, и он к совершеннолетию получает целый букет заболеваний.

А теперь замените в этой системе ребенка на женщину, а родителей на мужчину (отца, а потом мужа), и вы примерно поймете, каким было юридическое положение средневековой женщины. Принципиальное отличие только одно — достигнув совершеннолетия, ребенок имеет право уйти в «свободное плавание», а у средневековых женщин такая возможность была далеко не всегда. В основном они могли освободиться от зависимости только в трех случаях — овдовев, приняв обет безбрачия или официально разъехавшись, о чем я уже писала.

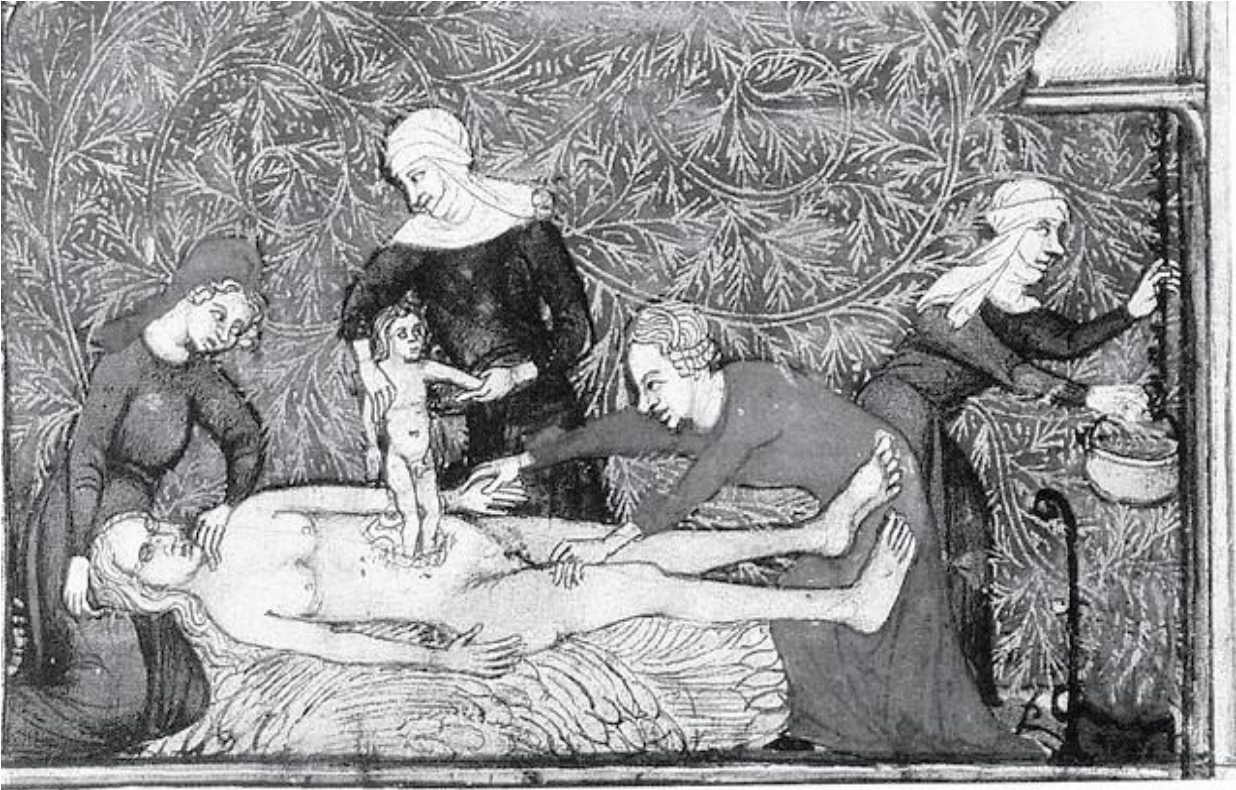

Плюсы женского юридического бесправия

Трудно поверить, но и такие тоже были, причем немалые. Да, у женщины формально не было прав как-то участвовать в общественной и экономической жизни. Но во-первых, они все равно участвовали, просто прикрываясь именем своих мужей, а во-вторых — они и ответственности никакой не несли. Им были положены все привилегии их отцов и мужей, в соответствии со статусом и должностью последних, но отрабатывали эти привилегии только мужчины.

«Когда король рассылает своим шерифам повестки о сборе армии, рисковать жизнью в бою должны мужчины, а не женщины, — пишет Мортимер. — Тем не менее высокопоставленные женщины пользуются всеми привилегиями, положенными „тем, кто сражается“. Они могут получать в наследство землю — даже если условием ее получения является военная служба. Кроме того, высокопоставленные женщины пользуются и всей полнотой власти своих мужей. Многие вдовы даже радуются, когда люди вспоминают их покойных супругов — в конце концов, какая вдовствующая графиня хотела бы, чтобы все забыли, что когда-то она была замужем за графом?»

Повитухи. Кесарево сечение было сложной и опасной операцией, в ходе которой мать часто погибала. Миниатюра. Франция. Начало XV в.

В других странах ситуация была немного другой, учитывая специфику английского феодализма быстро покончившего с континентальной системой «вассал моего вассала — не мой вассал». В Англии все были вассалами короля. Но тем не менее в отношении женщин ситуация была примерно одинаковой по всей Европе. Потеряв мужа, дама не теряла свой статус. Была графиней — осталась графиней. А отработывает свой титул пусть новый граф мужского пола.

Более того, если женщина подчинена мужу, это не значит, что она подчинена мужчинам вообще. Наоборот, это значит, что она подчинена только мужу, хоть королева, хоть простая крестьянка. А кто-либо еще может ею командовать только в судебном порядке.

Что из всего этого получалось на практике

От имени своих мужей женщины могли рулить делами, управлять замками и даже командовать армиями — в отсутствие мужей женам королей и знатных сеньоров приходилось брать на себя и защиту земель от врагов, и усмирение восстаний, а женам купцов и ремесленников руководить «бизнесом» своих супругов. При этом, если они совершали какие-то ошибки, ответственность несли мужья, потому что сами женщины отвечали только перед ними, а не перед законом или сеньором.

Женщина подчинялась мужу, но при этом по статусу была ему равней, то есть все, кто ниже него, были и ниже нее, не важно, какого они были пола. Слуги мужа — слуги жены, вассалы мужа — вассалы жены. В большинстве случаев было именно так. Не юридически, конечно, но фактически.

Вы когда-нибудь задумывались, откуда в Европе пошла традиция давать в качестве оплаты не наличные, а чек, то есть долговую расписку, по которой потом можно получить деньги? Все оттуда же, из юридического положения женщин. Деньги принадлежали мужу, но за покупками-то ходила чаще всего жена. Конечно, ей можно было давать деньги, но попробуй проконтролируй, на что она на самом деле их потратит. Оплата по распискам позволяла намного надежнее контролировать расходы. К тому же носить с собой деньги могло быть опасно, а кое-где женщинам вообще запрещалось делать покупки — как сейчас детям запрещают продажу алкоголя.

Но у такой системы была и обратная сторона — ведь женщина не несла никакой финансовой ответственности. И уголовной часто, кстати, тоже. То есть можно было пройтись по лавкам, набрать всего, чего душа пожелает, а платить потом приходилось мужу. А если он не сможет заплатить, в долговую яму бросят его, а не жену. Он со своей стороны может жену за это побить, но ущерб-то понесут оба. А дальше что? Можно избить жену до полусмерти, но на это она имеет право пожаловаться в церковный суд, где его приструнят и будут наблюдать за его поведением (чем не ювенальная юстиция). Можно сказать всем лавочникам, чтобы ничего ей больше не продавали, и стать посмешищем в глазах всей округи — с бабой не сумел справиться...

Сбор урожая. Гравюры XVI в.

ИЗ КНИГИ ЙЕНА МОРТИМЕРА

**«СРЕДНЕВЕКОВАЯ АНГЛИЯ. ГИД
ПУТЕШЕСТВЕННИКА ВО ВРЕМЕНИ»**

Еще следует помнить, что дискриминация женщин существует только в юридическом плане, а не в личном. Если женщина достаточно сильна духом, то может легко постоять за себя перед мужем — об этом вам с удовольствием расскажет чосеровская Батская Ткачиха. Мужу законом разрешается бить жену, но если он бьет ее слишком часто, она может подать на него в церковный суд за жестокость, и его там утихомирят. Но вот муж, избитый женой, в суд подать не может, потому что ни один суд не посочувствует мужчине, который настолько слаб, что не способен справиться с собственной женой. Точно так же мужу, который хочет подать в суд на жену за неверность, приходится признаться, что он рогоносец, и это неизбежно вызовет насмешки. Если муж и жена вместе вступили на преступный путь — многие семьи действительно так поступают — и совершили преступление, которое карается смертной казнью, то вешают только мужа. Жене достаточно сказать в суде, что она лишь исполняла его приказы. Благодаря подобным нюансам неравенство, которое на пергаменте выглядит жутким, в реальной жизни (по крайней мере, для большинства) довольно терпимо. По выражению Батской Ткачихи, «любая жена способна убедить мужа, что черное — это белое, да еще и служанку позвать в свидетельницы». Так что, в конечном счете большинство людей как-то договаривались и строили семейные отношения на основе взаимных обязательств и уступок.

Кстати, многие из этих законов, появившихся в Средневековье, действовали до самого последнего времени. Еще в первой половине XX века в Англии за совместное преступление супругов вешали только мужа, да и сейчас в таких случаях жена автоматически считается только исполнительницей, а основная ответственность на муже. А знаменитые акции суфражисток рубежа XIX–XX веков, которые сейчас выглядят

безумно опасными, на деле мало чем грозили их участницам. Женщины могли устраивать пикеты, демонстрации и даже теракты, но их за это максимум могли подержать месяц в тюрьме, и то если родственники штраф не заплатят.

Можно ли бить жену?

Такой вопрос обычно очень интересует всех, кто обсуждает положение средневековой женщины, поэтому его никак нельзя обойти вниманием.

Да, муж в Средние века мог бить жену. Имел право. Более того, что в художественной литературе того времени, что в нравоучительных трактатах это вменяется мужьям чуть ли не в обязанность.

Франко Саккетти, флорентийский писатель XIV века в нескольких своих новеллах расписывал, как муж, решивший проучить жену за непочтительное отношение, избивал ее до полусмерти. Причем в этих новеллах жены после нескольких таких поучительных наказаний становились послушными, ласковыми и заботливыми. Не отставал от него и Боккаччо — у него мужья тоже «выбивали дурь» из строптивых и неверных жен палкой.

Взглянула косо — врежь ей в глаз,
Чтоб впредь коситься зареклась,
Поднимет шум и тарарам —
Ты ей, злодейке, по губам!
А кто не поступает так,
Тот сам себе заклятый враг.

*Совет, как обращаться с женой,
из фавлио «Стриженный луг», XIII
век*

Церковь также признавала право мужа бить жену, но настаивала на том, что это должно происходить исключительно по необходимости, в воспитательных целях, а не из жестокости. Иаков Ворагинский, знаменитый итальянский богослов XIII века, писал, что мужья не должны быть слишком строги с женами. Чрезвычайная серьезность — по его мнению — один из главных недостатков мужского пола, причина многих семейных разногласий. «Чтобы отучить жену от „плохих привычек“, мужчина должен последовать советам Иоанн Златоуста: во-первых, настаивать на изучении Писания; потом переходить к критике в

надежде, что обычная женская застенчивость одержит победу. Использовать палку только в крайнем случае». Причем Иаков Ворагинский рассматривал побои не как способ причинить боль, а как некое позорное и унижительное наказание.

Саккетти, кстати, тоже не был сторонником жестокости и писал, что себя он относит к тем людям, «кто думает, что для дурной женщины нужна палка, но для хорошей в ней нет нужды, так как если побои наносятся с целью превратить дурные нравы в хорошие, то их нужно наносить дурной женщине, дабы она изменила свои дурные нравы, но не хорошей, ибо если она изменит добрые нравы, то может усвоить дурные, как это часто бывает с лошадьми: когда хороших лошадей бьют и изводят, то они становятся упрямыми».

В завершение еще раз напомним о том, о чем уже говорила. Во-первых, несмотря на то, что женщина была юридически подчинена мужу, физическое воздействие часто было единственным способом действительно добиться подчинения. Я не говорю, что в этом есть что-то хорошее, я вообще очень критически смотрю на телесные наказания кого бы то ни было, просто констатирую факт. Таковы были средневековые реалии.

Во-вторых, снова сравним с детьми. Давно ли в школах отменили розги? Россия в этом смысле на удивление передовая, в гимназиях официально запретили сечь детей еще в 1864 году. В Англии — в 1987 году (в государственных школах, в частных — в 2003 году), в Германии — в 1983 году. А в Австралии и некоторых штатах США телесные наказания разрешены до сих пор. И это на государственном уровне.

А что в частной жизни? Из 324 опрошенных в 1908 году московских студенток 75 сказали, что дома их секли розгами, а к 85 применяли другие физические наказания — порка мокрой веревкой или вожжами, удары по лицу, долговременное стояние голыми коленками в углу на горохе. Причем речь о девочках, которых всегда били меньше, чем мальчиков, и о девочках из очень интеллигентных передовых семей, раз им позволили получать образование. Но ни одна из опрошенных не осудила родителей за излишнюю строгость, а пятеро даже сказали, «что их надо было драть сильнее». 80 лет спустя, в 1988 году, советский журналист Н. Н. Филиппов провел анонимное анкетирование семи с половиной тысяч детей от 9 до 15 лет в 15

городах СССР и выяснил, что 60 % родителей применяли телесные наказания.

Не буду здесь писать никаких выводов, думаю, каждый их сделает сам, в меру своего понимания темы и отношения к ней.

А вот теперь, пожалуй, стоит прислушаться к гласу народа.

НОВОБРАЧНЫЙ, ЧТО НЕ СУМЕЛ УГОДИТЬ МОЛОДОЙ СУПРУГЕ (ФРАГМЕНТЫ)

Французский фарс примерно 1455 года,
перевод М. З. Квятковской

Мать:

Да что ты странная какая?
Уж не прибил ли муженек?

Молодая:

Вы мне нашли такого мужа,
Что невозможно выбрать хуже.
Да поразит господь того,
Кто первый к нам привел его!
В девицах мне жилось привольно,
Теперь я чахну в цвете лет.

Мать:

Но отчего? Мне видеть больно,
Как исхудала ты, мой свет!
Еще и месяца-то нет,
Как вы произнесли обет.

...

Отец:

А ты б, коль муж вернулся злой,
Ушла на время с глаз долой,
А ночью жарче приласкала,
И враз бы гнев его остыл.

Молодая:

Он, батюшка, меня не бил —
Не оттого мои мученья.

...

Какою я от вас ушла,
Такой пришла, без измененья!
Ему не боле я мила,
Чем мерзостные нечистоты.

Отец:

Да где же стыд твой, дочка? Что ты!
Спешить ты с этим не должна;
Вот погоди — придет весна,
И он куда резвее станет.

Мать:

Пусть лихоманка к вам пристанет!
Кой черт вас дернул за язык?
Не вам соваться в это дело.
А я скажу вам напрямик:
Уж коли дочка уцелела,
Так нечем, знать, ему играть.

Отец:

Когда бы ты могла сказать
Ему об этом осторожно,
Обиняками, если можно,
То лучше было бы, жена.

Мать:

Совсем истаяла она.
Увы, не тронута бедняжка!
Клянусь, ему придется тяжело —
Его стащу я завтра в суд.
Уж судьи живо разберут,
Где что и все ли там на месте.
...
Злодей! Пропала дочь моя!
Мой гнев не выразить словами.

Молодой:

Да вот она — здесь, рядом с вами!
В чем дело? — знать хотел бы я.

Мать:

Не избежал бы ты битья,
Будь я тебя, наглец, сильнее.
Каков обманщик! Не краснея,
Вступаешь ты в фальшивый брак
И надуваешь нас, да как!
Сколь подло поступил ты с нею!
Она в поре, с ней спать да спать,
Но нет в тебе, я вижу, рвенья...

Отец:

Ох, лопнуло мое терпенье.
Придется перцу вам задать.

Мать:

Нет, я не потерплю обмана.
Угодно ль, нет ли будет вам,
Поверю лишь своим глазам,
Что он — мужчина без изъяна
Сам черт меня не убедит!

...

Великим Карлом я клянусь,
Что если ты к концу недели —
Нет! И трех дней я не дождусь! —
Не станешь мужем ей на деле
И не загладишь впрямь вину,
Я дочь свою домой верну.

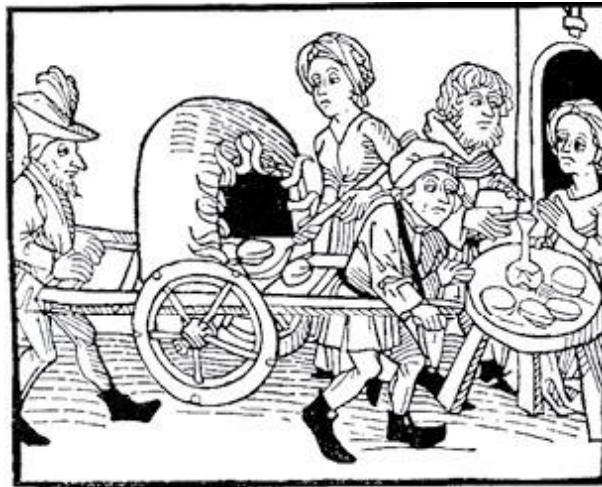
Отец:

Давайте ужинать! Ну, словом,
Теперь исправится зятек!

...

Мать:

Ну ладно, дочка, ты вернешься
И мне расскажешь, что и как,
Чтоб снова не попасть впросак,
И — вот те крест! — ты разведешься,
Коль неисправен муженек.
Храни нас, Боже, от тревог!

Что это было? Фарс. Маленькая пьеска, типичная для средневековой городской культуры. Я просто не могла не привести ее здесь, хоть и в сокращении, уж очень яркую семейную картину она дает. Кого мы видим? Две супружеские пары, по-видимому вполне

обеспеченных горожан. Одна — муж и жена средних лет, давно живущие в браке, выдавшие дочь замуж. Другая — молодожены. И кто в них рулит? В старшей паре однозначно женщина. Она много говорит, расспрашивает дочь об интимных подробностях, без стеснения обрушивается на зятя, грозит ему судом, а от увещаний мужа немного поостыть — просто отмахивается. Его угрозу побить ее она вообще пропускает мимо ушей.

Муж в основном пассивен, он только слегка удерживает жену, чтобы она с ее бурным темпераментом не наломала дров. А когда она, наконец, высказывает все, что хотела, он спокойно подводит итог и напоминает, что пора ужинать. При этом из его совета дочери насчет рукоприкладства мужа можно догадаться, что бывали случаи, когда и они с женой решали проблемы именно так — он мог наподдать за что-то, а она подольститься и все равно получить желаемое.

Я не буду сейчас анализировать это с точки зрения современной морали, она к Средневековью все равно не применима. Просто хочу заострить внимание на фактах. Муж имел право бить жену — да. Но руководит в их семье все равно жена и мужа она нисколько не боится. И о суде она говорит достаточно уверенно, чтобы можно было не сомневаться — она знает свои права, и, возможно, даже ей уже приходилось их там отстаивать.

У молодоженов проблема в интимной жизни, и отчего она возникла, не уточняется. Но сразу на поверхности лежит тот факт, что к рукоприкладству родители жены собирались отнестись философски, дело житейское, надо учиться манипулировать мужем. А вот неудовлетворение ее сексуальных потребностей вызвало у них сильное негодование — а для чего она тогда вообще замуж выходила? Хороший штрих к тому, о чем шла речь в предыдущей главе.

Средневековый фарс

Немного еще скажем о средневековых фарсах и о том, как они отражают социальные отношения, существовавшие в Высоком и позднем Средневековье.

Французское слово *farce* происходит от латинского *farsus* — начинка, фарш. Название пошло предположительно от того, что фарсы часто использовали как вставные сценки в мистериях (длинных религиозных представлениях по случаю праздников).

Что вообще такое фарс? Если говорить коротко и по сути — это постановка анекдота. Иногда короткая сценка, иногда настоящая мини-пьеса, но суть не меняется — это сыгранная на сцене забавная бытовая история. Причем в ней могло что-то высмеиваться и даже иметься ненавязчивая мораль, а могло все строиться просто на игре слов. Правило у фарсов было всего одно — чтобы было смешно. И как и анекдоты, фарсы бывали остроумные и грубые, изящные и жестокие, гениальные и попросту тупые.

Герои фарсов — сами горожане. В какой-то степени это лучший источник, по которому можно понять, кто жил в средневековом городе, и какие между разными классами, профессиями и группами были отношения. Тем более, что фарсы, разумеется, показывали не конкретных людей, а сильно обобщенные образы. В современном анекдоте мы уже заранее представляем, чего ждать от типичных персонажей вроде блондинки, тещи, нового русского, поручика Ржевского или Чапаева (которые уже тоже давно не имеют почти никакого отношения к киногероям). Так и в средневековом фарсе были типичные купцы, буржуа, лекари, адвокаты, мошенники, ремесленники, крестьяне и т. д. Фарсы можно даже условно разделить на группы или циклы: о глупых мужьях, о сварливых женах, о мошенниках, о пройдохах-адвокатах, о псевдоученых и т. п.

Причем фарс, даже если в нем была мораль, существовал вовсе не ради этой морали. Цель фарса — не научить чему-то и даже не высмеять, а просто показать, как это смешно. Можно сказать, что фарсы искали позитив в любых ситуациях и предлагали не плакать над ними, а смеяться.

Появился фарс где-то на рубеже XII–XIII веков, но к сожалению, самые ранние фарсы до нас не дошли. Что поделать, они, как и большая часть народной литературы, существовали только в устном варианте. Записывать их начали только в XV веке. Но скорее всего менялись они мало.

Меня больше всего интересовали фарсы, касающиеся брачно-семейных отношений, поэтому кроме «Новобрачного, что не сумел угодить молодой супруге», отрывки из которого приведены выше, хочу упомянуть еще два очень знаменитых фарса на эту тему — «Лохань» и «Бедный Жуан».

«Лохань» — это история о покладистом Жакимо, которого жена и теща совсем заездили — свалили на него всю домашнюю работу. Уборка, стирка, готовка, покупки, уход за детьми и т. д. — это все его. Составили даже целый реестр дел, которые он обязан делать. Причем за то, что он послушно все это выполняет, от сварливых баб ему достаются не похвалы, а сплошные ругательства, попреки и даже рукоприкладство.

Но справедливость восстанавливается — сварливая жена падает в глубокую лохань с бельем, просит мужа помочь ей, но тот зачитывает ей список своих обязанностей и указывает, что среди них нет обязанности ее вытаскивать. В итоге он ее, конечно, вытаскивает, но только после того, как она дает обещание делать домашние дела сама.

Рассматривать эту историю можно как угодно. Можно вспомнить о том, что все эти тяжелые дела выполняли женщины и не жаловались. Но с другой стороны — герой взял на себя традиционно женские обязанности, но при этом мужские с него никто не снимал. И за свою двойную нагрузку он благодарности не получал. А главное — он вроде как мужчина, хозяин в доме, господин и повелитель супруги, однако она едет на нем как хочет, и выбраться из-под ее каблука ему удастся только благодаря случаю и хитрости.

«Бедный Жуан» — это довольно нетипичная для фарса история, потому что она о любви. Жена Жуана не злая или сварливая, она просто кокетливая, слегка ветреная и легкомысленная, капризная, но при этом чрезвычайно очаровательная. И Жуан «бедный» не потому, что его жена интересуется только собой и нарядами, а потому, что она недостаточно интересуется им, тогда как он в нее безумно влюблен. Он страдает от ее равнодушия, ревнует, обижается и при этом невероятно счастлив от каждого знака ее внимания. Все это обыгрывается с юмором и легкой насмешкой, но это именно история о любви.

Общее у этих двух таких разных фарсов то, что в них обыгрывается сходная ситуация — состоятельный горожанин попадает под каблук жены. Но насколько разные у них причины и насколько

интересную и разноплановую картину семейных отношений в средневековом городе они дают...

Я не собираюсь их анализировать, а просто предлагаю еще раз вспомнить страшные истории о «забитости» средневековой женщины, о ее рабском подчинении мужу, о приравнивании женщины к вещи. Вряд ли у супруги Жакимо и уж тем более у ветреной жены Жуана были какие-то особые рычаги давления на мужей. А с учетом того, что фарсы показывали не конкретных людей, а типажи, можно достаточно уверенно предположить, что такие отношения в семье были не исключением, а достаточно обычной ситуацией.

«ПЯТНАДЦАТЬ РАДОСТЕЙ БРАКА»

**(ФРАНЦУЗСКАЯ АНТИФЕМИНИСТСКАЯ
САТИРА РУБЕЖА XIV–XV вв.)**

Отрывки

...Рассуждая о браке, слушая и наблюдая тех, кто о нем более моего осведомлен, постиг я следующую истину: брак заключает в себе пятнадцать состояний, кои женатыми людьми почитаются за великое блаженство и сладчайшее утешение, мною же, из ума еще не выжившим, сочтены горчайшими и жестокими муками, тяжелее коих не видано на земле, ежели не поминать, конечно, о четвертовании и пыточном колесе. Но заметьте при том, я женатых отнюдь не осуждаю, напротив, хвалю и одобряю поступок их от всей души, ибо для чего же и рождаемся мы на свет, как не для того, чтобы каяться, страдать да смирять грешную нашу плоть, тем самым прокладывая себе дорогу в рай. И я так рассуждаю: нет на свете суровее епитимьи, чем пережить и снести те великие скорби и тяжкие страдания, кои ниже будут указаны и описаны. Одно лишь только смущает меня: ведь женатые мужчины свои муки и печали почитают радостью, они свыклись и сжились с ними и сносят с ликованием столь же легко, как вьючный осел тащит свою поклажу, так что заслуга их тут невелика...

...Может статься, жена его добросердечна и нрава незлого, но вот однажды довелось ей повстречать на празднике многих дам купеческого либо другого какого сословия, и все они были пышно разодеты по новой моде, — тут-то и взошло ей в голову, что по ее происхождению и состоянию ее родителей подобало бы и ей наряжаться не хуже других. И вот она, не будь проста, выжидает места и часа, дабы поговорить о том с мужем, а способнее всего толковать о сем предмете там, где мужья наиподатливее и более всего склонны к соглашению: то есть в постели, где супруг надеется на кое-какие удовольствия, полагая, что и жене его более желать нечего. Ан нет, вот тут-то дама и приступает к своему делу. «Оставьте меня, дружочек, — говорит

она, — нынче я в большой печали». — «Душенька, да отчего же бы это?» — «А оттого, что нечему радоваться, — вздыхает жена, — только напрасно я и разговор завела, ведь вам мои речи — звук пустой!» — «Да что вы, душенька моя, к чему вы эдакое говорите!» — «Ах, боже мой, сударь, видно, ни к чему; да и поделись я с вами, что толку, — вы и внимания на мои слова не обратите либо еще подумаете, будто у меня худое на уме». — «Ну уж теперь-то я непременно должен все узнать!» Тогда она говорит: «Будь по-вашему, друг мой, скажу, коли вы так ко мне приступились. Помните ли, намереди заставили вы меня пойти на праздник, хоть и не по душе мне праздники эти, но когда я, так уж и быть, туда явилась, то, поверьте, не нашлось женщины (хотя бы и самого низкого сословия), что была бы одета хуже меня. Не хочу хвастаться, но я, слава тебе Господи, не последнего рода среди тамошних дам и купчих, да и знатностью не обижена. Чем-чем, а этим я вас не посрамила, но вот что касается прочего, так тут уж натерпелась я стыда за вас перед всеми знакомыми нашими». — «Ох, душенька, — говорит он, — да что же это за прочее такое?» — «Господи боже мой, да неужто не видели вы всех этих дам, что знатных, что незнатных: на этой был наряд из эскарлата, на той — из малина, а третья щеголяла в платье зеленого бархату с длинными рукавами и меховой оторочкою, а к платью накидка у ней красного и зеленого сукна, да такая длинная, чуть не до пят. И все как есть сшито по самой новой моде. А я-то заявила в моем предсвадебном платьишке, и все-то оно истрепано и молью потрачено, ведь мне его сшили в бытность мою в девицах, а много ли с тех пор я радости видела? Одни лишь беды да напасти, от коих вся-то я истаяла, так что меня, верно, сочли матерью той, кому прихожусь я дочерью. Я прямо со стыда

сгорала, красуясь в эдаком тряпье промеж них, да и было чего устыдиться, хоть сквозь землю провались! Обиднее же всего то, что такая-то дама и жена такого-то во всеуслышанье объявили, что грешно мне ходить такой замарашкою, и громко насмехались надо мною, а что я их речи слышу, им и горя мало...»

...Утром встает простак-муж, измученный бессонницею и заботами, и, выйдя из дому, покупает сукно и бархат на платье — в кредит, на долговое обязательство либо занимает денег в обмен на десять-двадцать ливров 8 ренты, либо закладывает какую-нибудь золотую или серебряную драгоценность, доставшуюся ему от родителей...

...Тем временем подступает срок платить долги, а у бедняги-мужа ни гроша в кармане. Кредиторы тут как тут — они описывают у него дом, а самого тащат в суд, и вот на глазах у жены пропадает и супруг, и заложенные золотые вещи, на которые было куплено ей платье. Мужа, осудив, засаживают в тюрьму, а нашу даму выселяют из дома в трактир. И один только Бог знает, каково сладко приходится мужу, когда его половина, вопя и причитая, является к нему в каталажку с жалобами: «Будь проклят день, когда я родилась! Ах, почему не умерла я сразу после рождения! Увы мне! Случалось ли когда женщине столь высокого происхождения и благородного воспитания нести такой позор! Горе мне! Сколько я трудов положила на хозяйство, как усердно дом вела, и вот все, что мною накоплено и нажито, идет прахом! Отчего не выбрала я мужа среди двадцати других женихов — вот и жила бы теперь, поживала в богатстве да в почете, как и их жены! Бедная я, горемычная, хоть бы смерть обо мне вспомнила!» Так голосит жена и не поминает при этом ни о платьях, ни об украшениях, коих добивалась, хотя куда приличней ей было бы сидеть в то время дома

да приглядывать за хозяйством... Вот как попадают простаки в брачные сети, не ведая о том, что их там ждет, а кто еще не попался, рано или поздно тем же кончит: загубит в браке свою жизнь и в горестях окончит свои дни...

...Третья радость брака в том заключается, что когда молодой человек и жена его, столь же юная, вдоволь нарезвились и насладились друг другом, эта последняя оказывается в тягости, да еще не от мужа — и такое частенько случается. И вот одолевают злосчастного мужа заботы да мучения, ибо приходится ему теперь бегать да рыскать повсюду, разыскивая для своей половины то, что ей по вкусу; и ежели она упустит из рук булавку, он со всех ног кидается эту булавку поднимать, дабы не повредила она себе, нагибаясь; и хорошо еще, ежели повезет мужу отыскать для дамы такое яство, какое ей понравится, а то, бывает, измучится бедняга вконец, пока добудет подходящее. И часто бывает так, что, наскучив всевозможными яствами, ей доставленными, и баловством да уходом мужа, дама вовсе теряет аппетит и начинает брезговать обычною едой. И принимается блажить да капризничать, требуя вещей самых причудливых и невиданных: что ж делать, хочешь не хочешь, а надобно доставлять их ей, вот и хлопочет добряк-муж днем и ночью, пеши или верхами, усиливаясь раздобыть нужное. Таково мучится бедняга восемь, девять ли месяцев, пока дама ублажает да жалеет себя; на нем все домашние тяготы, ему ложиться за полночь, а вставать с зарей и хлопотать по хозяйству столько, сколько надобно, и не меньше...

...А иногда, бывает, повезет хозяину явиться в дом пораньше, и уж как он устал да натрутился, как на сердце у него тяжело и грустно от забот, вот и хочется ему, чтобы его приветили да приласкали — но куда там! Хозяйка сердится и бушует всю, хоть

святых выноси. И надобно вам знать, что вздумай хозяин приказать хоть какую-нибудь малость, слуги и не подумают выполнить распоряжение, ибо давно уже взяли сторону хозяйки и состоят у ней в полном подчинении, да и попробуй-ка они послушаться и пойти ей наперекор — им претлично известно, что сей же миг придется искать себе другое место; так что напрасно хозяин будет стараться: ежели хозяйке это не угодно, то ничего и не будет. И коли бедняжка-конюх, при нем состоящий, попросит что-либо для себя или для лошадей, с ним так обойдутся, что он больше и пикнуть не посмеет, А господин его, будучи благоразумным и добрым и не желая сеять раздор в своем семействе, все сносит с величайшим смирением, опасаясь даже к огню подсесть, хотя и промок, и намерзся, он уступает теплое место жене да детям и поглядывает на свою половину, которая, не заботясь о голодном муже, знай дуется и злится, язвит да бранится, осыпая попреками злосчастливого, который и рта раскрыть не смеет...

...Пятая радость брака в том заключается, что некий добрый человек, женившись, обрек себя на нескончаемые тяжкие труды и заботы и оттого по прошествии времени присмирел нравом да утомился силами и охладела в нем горячая прежде молодая кровь; случилось же так, что жену он взял знатнее себя родом или моложе годами, а несообразность сия многими несчастьями чревата. Ибо ничто так не портит дела, как различие в возрасте либо в сословии — ведь несходство сие противно и разуму, и природе человеческой...

...И случается, достойная наша дама видит, что супруг ее забыл и думать о любовных и прочих уладах, а помышляет лишь о прикупке имущества либо земли, — бывает, у такого человека и нету особо ценного добра, оттого-то он бережлив и даже скупенек, и свойство сие не по вкусу нашей даме,

ибо ей все хочется модных обновок, и платья, и поясов, и прочих украшений, какими щеголяют другие на веселых собраниях с танцами и музыкою, куда она частенько наведывается с подружками своими, кузинами, а то так и с кузенком, который ей ни с какого боку не родня.

И бывает иногда так, что за сладкими утехами да веселыми праздниками, куда даму нашу вечно тянет плясать да развлекаться, где видит она одни лишь приятности да слышит одни лишь комплименты, забывает она о муже, а заводит себе милого дружка, любезного ее сердцу. А когда так, то муж у ней и вовсе в забросе: ведь ему куда как далеко до ее милого, ибо он и скуп, и угрюм, а ей скупость сия претит, да и молодость берет свое и хочется провести ее в забавах да усладах...

...Вот, скажем, проведут муж с женою в своей спальне всю ночь и целое утро, лаская и забавляя друг друга всевозможно, а вслед за тем он встает, она же, оставшись одна в спальне, причесывается, принаряжается и выходит веселая да ко всем любезная; тут же спешит она распорядиться насчет обеда и прочих домашних дел; вот настает время садиться за стол, и муж зовет даму. Но какая-нибудь из служанок или кто-то из детей докладывает ему, что она обедать не намерена. «Да пойдите же и скажите ей, чтобы пришла», — велит муж. Вот приходят служанка или дочь к хозяйке и говорят: «Госпожа, хозяин приказал передать, что ждет вас к столу и не приступит к трапезе, пока вы не придете». — «Иди и скажи ему, — отвечает та, — что я обедать не буду». — «Иди и скажи ей, — опять говорит муж, — чтобы шла немедля». Получивши новый отказ, добрый супруг сам отправляется к своей половине и начинает расспрашивать ее, что приключилось, хотя и до того она не однажды ломала перед ним такую же комедию и расспросами

от нее ничего путного не добьешься, да и добиваться не стоит: просто-напросто вздумалось ей пожеманиться. И как он ее ни уговаривай, не пойдет она обедать, и дело с концом. Но иногда все-таки муж уломает ее и, обнявши за плечи, будто новобрачную, поведет к столу, а там уже и яства простыли, пока он ее обхаживал. Да и севши за стол, дама разведет кривляния и церемонии и крошки в рот не возьмет, также и супруг-простофиля куска не съест, на нее глядячи; и чем больше он будет о жене заботиться, тем печальнее она станет глядеть, дабы ввести его в беспокойство. И умно поступает: ибо женщине мало заручиться опекою того, кто ее любит и верно служит, но во что бы то ни стало надобно добиться расположения мужа, когда его одолевают горестные мысли. Ей кажется, будто она хорошо делает, вгоняя мужа своего в тоску да кручину...

Пастораль. Гравюра конца XV в.

Парижский горожанин

Нельзя обойти вниманием такой прекрасный источник, очень подробно иллюстрирующий и отношения между мужчиной и женщиной в средневековой Франции, и ведение богатого дома, и обязанности жены, и многое другое, касающееся брачно-семейной сферы.

Речь о книге, написанной богатым парижским горожанином конца XIV века в наставление юной супруге. Судя по всему (если это не литературный прием для оформления текста), ее автор — состоятельный образованный буржуа, вероятно при хорошей должности, который в возрасте 60 с лишним лет женился на пятнадцатилетней девушке. Из хорошей семьи, но сироте, провинциалке и вероятно бесприданнице.

Скорее всего, это не первая его жена, в том числе судя по тому, что он очень хорошо представляет все обязанности супруги приличного человека — настолько хорошо, что сумел написать об этом целое пособие. Что касается такой большой разницы в возрасте — горожанин и сам не раз упоминает в своей книге, что его жена слишком юна, а он уже стар. Одной из причин написания своего наставления он даже называет то, что считает себя обязанным научить ее быть хорошей женой, чтобы после его смерти она не уронила его доброго имени в глазах своего нового мужа. Одна из глав у него даже так и названа: «Что надо делать, чтобы быть любимой своим мужем (мною или другим) на примерах Сары, Ребекки и Рахили».

«Ты, будучи девочкой пятнадцати лет, — пишет он в прологе, — в первую неделю нашего супружества просила меня, чтобы я был снисходителен к твоей юности и твоим робким и неумелым услугам, пока ты не увидишь и не узнаешь побольше, после чего ты обещала заботиться обо мне со всем усердием и старанием... как я помню, ты робко просила меня во имя Божьей любви не делать тебе грубых замечаний при незнакомцах и слугах, а говорить тебе о твоих ошибках каждую ночь и каждый день в нашей спальне и указывать тебе на неподобающие и глупые вещи, которые ты совершала в течение прошедшего или прошедших дней, и подвергать тебя наказанию, если на то будет моя воля, и благодаря моим наставлениям и поучениям ты

сможешь исправиться и делать все, что в твоей власти, согласно моей воле. И я хорошо обдумал твои слова, и благодарю тебя за них, и с тех пор часто их вспоминал... Все, что ты делала с тех пор, как мы поженились, и до сегодняшнего дня, и все, что ты будешь делать потом, было сделано хорошо и с добрыми намерениями и всегда радовало, радует и будет радовать меня. Ибо твоя юность извиняет отсутствие у тебя мудрости и будет извинять все, что ты будешь делать с добрыми намерениями порадовать меня. И знай, что меня не сердит, а скорее радует то, что ты выращиваешь розы и фиалки и что ты плетешь венки, танцуешь и поешь, и я хотел бы, чтобы ты продолжала делать это в обществе наших друзей и арендаторов земель нашего поместья, ведь в твои годы совершенно естественно и пристойно проводить так время...»

Вот такое наполовину отеческое отношение... Ясно, что этот человек никогда не станет учить жену с помощью палки.

Повторные браки

Отвлекусь немного от парижского горожанина, чтобы сказать о повторных браках. Церковь, как уже говорилось, была не в восторге от этого, и большая часть богословов считала, что вдовцы и тем более вдовы не должны вступать в новый брак.

Но прямого запрета никогда не было, потому что отцы Церкви прекрасно знали, сколько женщин умирает при родах и сколько мужчин гибнет в вооруженных конфликтах. По статистике в период Высокого и позднего Средневековья каждый третий заключенный брак был

повторным (то есть хотя бы для одного из супругов вторым, третьим, а то и четвертым).

О вдовах и их экономической ценности я уже упоминала, плюс об этом будет еще сказано ближе к концу этой главы. Но несмотря на то что вдова была выгодным товаром, распорядиться ею было гораздо сложнее, чем девушкой. Поэтому повторные браки гораздо чаще заключались по любви, чем первые.

ЭЛЕОНОРА ДЕ ВЕРМАНДУА (1152 — до 1222), графиня Вермандуа и Валуа, дочь Рауля I и Лоретты Лотарингской

1-й муж: Годфруа де Эно (ум. 1163), граф Остерванта

2-й муж: Гийом IV (ум. 1168), граф Неверский

3-й муж: с ок. 1170 Матье Эльзасский (ок. 1137–1173), граф Булонский

4-й муж: с ок. 1175 Матье III де Бомон-сюр-Уаз (ум. 1208)

5-й муж: с ок. 1210 Этьен II де Блуа (ум. 1252), сеньор де Шатийон-сюр-Луэн (разведены в 1192 г.)

В 1214 году Элеонора отказалась от своих владений в пользу французской короны и ушла в монастырь.

Пять раз выйти замуж, а потом еще и в монастырь удалиться — такое не каждой удавалось...

Впрочем, большую часть повторных браков, заключаемых по своему выбору, а не по воле родни или сеньора, можно разделить на две группы. Первая — это пожилые вдовцы, берущие в жены юных девушек (как парижский горожанин). Пресловутая «седина в бороду» и погоня за ушедшей молодостью существовали всегда. Вторая — это молодые вдовы, выходящие замуж по своему выбору за достаточно молодых мужчин. В основном эти вдовы были как раз теми самыми молодыми женами из первой группы.

Были, кстати, и повторные браки, где жены оказывались старше своих мужей. Такое нередко случалось в ремесленной среде, поскольку

в некоторых городах действовали законы, по которым вдове, чтобы продолжить дело ее покойного мужа, следовало выйти замуж за кого-нибудь из подмастерьев и поставить его мастером в унаследованной мастерской. Случались и браки «ради прописки» — пришлому человеку осесть и получить работу в городе было не всегда легко, средневековые законы о бродяжничестве были очень суровы, но женитьба на пожилой вдове решала эту проблему. Женщина получала поддержку в старости (все помнят, что пенсий не было, зато муж был обязан кормить и содержать жену), а мужчина — возможность закрепиться в городе.

Книга парижского горожанина

Возвращаемся к книге парижского горожанина. Состоит она из трех разделов. Первый, как пишет автор, «поможет тебе добиться любви Бога и спасения своей души, а также завоевать любовь своего мужа и дать тебе в этой жизни мир, который так необходим в браке. А поскольку две эти вещи, спасение души и обеспечение спокойной жизни для мужа, являются самыми необходимыми, то они и поставлены здесь первыми». Там в основном теория — грехи, добродетели, поучительные истории из Библии, популярной в XIV веке литературы и личного опыта, а также немного практических советов о том, как вести себя в церкви и правильно исповедоваться. Перечислены и обязанности жены — она должна быть любящей, скромной, послушной, заботливой и всегда думающей о благе своего мужа, хранящей его секреты, и терпеливой, если он по глупости своей позволит сердцу увлечься другими женщинами. Надо отметить, что, приводя в пример странные на современный взгляд истории женщин, которые терпели всяческие издевательства от желающих испытать их мужей, горожанин делает оговорку, что сам он таких испытаний не одобряет.

Сцена из новеллы Боккаччо. Миниатюра. Англия. Начало XV в.

«Я не глуп и не заносчив, — пишет он, — и обладаю здравым смыслом, который говорит мне, что я не должен так грубо обращаться с тобой и испытывать тебя подобным образом. Бог не позволит мне так измываться над тобой под каким-нибудь фальшивым предлогом... И прости меня за то, что в этой истории (по моему мнению) слишком много жестокости и мало разума. Я знаю, что в действительности этого не было, но таков рассказ, и я не могу исправить его или изменить в лучшую сторону. И мое желание заключается в том, что, раз уж другие читали эту историю, ты тоже должна знать ее, иметь возможность обсуждать ее, как и все другие люди».

Второй раздел посвящен практическим вопросам — ведению домашнего хозяйства. Он безумно интересный, но в этой книге у меня нет возможности уделить отдельную главу еще и устройству средневекового хозяйства — хаусхолдам вельмож, городским домам, усадьбам, крестьянским хозяйствам и т. д. поэтому скажу только, что это бесценный источник для историка, изучающего средневековый быт.

Горожанин вдаётся во всевозможные мелочи, пишет, как правильно нанимать слуг, выбирать лошадей, руководить помещьем, следить за садом, чинить одежду, хранить вино и т. п. Плюс он даёт массу практических советов — описывает кулинарные рецепты и лекарства для лошадей, способы выводить пятна и избавляться от мух и многое другое. Ясно, что хорошая хозяйка должна разбираться во всем — от борьбы с блохами до устройства пиров на сто персон. Но все-таки основная её задача — забота о муже.

«Поскольку мужчина должен заниматься делом, — объясняет горожанин, для чего нужны все эти советы, — поэтому муж обязан работать, уходить и приходить и ездить туда и сюда, в дождь и ветер, в снег и град, сегодня промокший до нитки, завтра сухой, сегодня вспотевший от жары, завтра — дрожащий от холода, голодный, ночующий в плохих домах, продрогший и невыспавшийся на неудобной постели, но ничто это не принесёт ему вреда, если его будет поддерживать надежда на то, что, вернувшись, он будет окружен заботой жены, и вера в то, что она успокоит его, развеселит и развлечёт его или прикажет другим сделать это в её присутствии. Она снимет у огня его сапоги, вымоет ему ноги и даст чистые носки, накормит и напоит его, уложит его спать на белые простыни и наденет на голову ночной колпак, укроет теплым одеялом и окружит весельем, нежностью, лаской и любовью и о чём-то важном поворкует с ним, о чем я умолчу, а на следующий день даст ему свежую рубашку и чистые одежды. Поистине, дорогая сестра, окруженный подобной заботой мужчина будет любить свой дом и желать поскорее туда вернуться, будет стремиться увидеть свою добрую женушку и держаться подальше от других женщин».

Третий раздел горожанин, к сожалению, не дописал до конца, поэтому из него до нас дошел только трактат о соколиной охоте, а о том, что он собирался описать в главах, посвященных настольным играм и арифметическим загадкам, остается только гадать. Ясно только, что этот раздел писался с целью дать жене еще и светское воспитание, чтобы она была не только хорошей хозяйкой дома, но и не ударила в грязь лицом перед гостями, смогла их развлечь и поддержать на высоте своей (и соответственно мужа) социальный статус.

Немного о правах женщин

Все-таки, несмотря на то что жена была во власти мужа, эта власть вовсе не была абсолютной. Что бы там ни говорили богословы и авторы нравоучительных книг о единстве телом и душой и безусловной любви супругов, все понимали, что это бывает только в идеале. Поэтому в реальности законы все же ограничивали возможность для самодурства.

Прежде всего жена, как я уже говорила, не была собственностью мужа. Он не мог ее убить, покалечить, продать (кстати, в Англии мог продать, но с ее согласия) — за это все была уголовная ответственность. Также он не мог принудить к сексуальному контакту с другим мужчиной, выгнать из дома, да и поселить в доме любовницу не мог. Он был обязан обеспечивать жену жильем, едой, одеждой, причем соответственно своему, а значит и ее общественному положению. Если

он нарушал эти правила, жена имела право жаловаться священнику, а в крайнем случае и вовсе подавать в суд.

Например, как пишет Милла Коскинен, в 1373 году в Кентербери Томас Варелтон был вынужден принести суду клятву обращаться со своей женой, Матильдой Трипплс, «с уважением в кровати и за столом, и обеспечить ее всем необходимым в пище и прочих материалах согласно своему достатку». Видимо, с точки зрения жены Томас был жадным и грубым мужем. А в 1466-м в Стаффордшире Хелен Хайдмен обратилась в суд за разрешением оставить своего мужа, потому что он проиграл в кости много денег. Суд заставил мужа принести клятву в том, что тот оставит азартные игры, и жена осталась решением довольна.

Правда, до суда в семейных спорах дело доходило редко. Но это не потому что женщины были такими запуганными, а потому что по большей части вопрос разрешался еще на стадии жалобы местному священнику. Другое дело — имущественные и уголовные дела.

«Система общих законов (common law) средневековой Англии абсолютно не делает различия между правами и обязанностями мужчин и „свободных“ женщин (femme sole) — то есть незамужних женщин и вдов. Такая женщина имела право владеть землей, даже в должности барона с военными обязанностями и представительством в парламенте. Она, в качестве феодала „в своем праве“, могла приносить вассальную клятву, заключать контракты, делать завещания, вызывать на суд. И, соответственно, сама могла быть вызвана в суд. Например, леди Маргарет Бьюфорт в 1470-х годах выставила только по поводу одного опекуинства около 28 исков, а несколько раньше, в 1440-х, леди Алис Чосер, графиня Саффолк, была судима за дебош, который она и еще двое джентльменов (сэр Томас Тадденхем и сэр Джон Хейдон), все переодетые простыми горожанами, учинили в Нориче».

Но, конечно, все равно основной защитой женщин был не закон, а обычай. «Есть в положении женщин и другие выгоды, — пишет Мортимер. — На удивление многие горожанки умеют читать. Женские монастыри, может быть, и бедны ресурсами, но богаты знаниями, и в их школах девочки учатся наравне с мальчиками... Если женщина переживет многочисленные роды, то у нее есть все шансы прожить дольше мужа. При этом она еще станет и респектабельнее. Мужчин старше шестидесяти лет часто считают обузой — они уже не

мужественны и неспособны исполнять доминирующую мужскую роль в обществе. С другой стороны, женщины, как считается, нисколько не утрачивают силу, но при этом лишь прибавляют в мудрости. Кроме того, женщинам не обязательно входить в „десятки“ — механизм общественного контроля в крестьянстве... Во многих богатых домах жена — связующее звено между слугами и мужем, который может надолго уехать по делам. В отсутствие мужа домом управляет она, а по его возвращении рассказывает, что нужно сделать и кого наказать — если, конечно, уже не позаботилась об этом сама...»

Брачный контракт

Нельзя забывать еще и о том, что каждая жена была чьей-то дочерью, сестрой, племянницей. Семья выдавала ее замуж и давала за ней приданое вовсе не для того, чтобы безвозвратно отдать эти деньги в руки какому-то постороннему мужчине.

И дело было даже не только в родственных чувствах, а, например, в таких практических соображениях, что приданое — это вообще-то средства на содержание женщины. Если она выходила замуж, приданое доставалось мужу, если становилась монахиней — монастырю. И если Церкви можно было доверять, то потенциальному мужу семья девушки обычно верила с оговоркой. Мало ли, может, он все растратит, а потом их постаревшая родственница вернется и сядет им на шею. Да еще и детей приведет. И придется взять, чтобы не позориться перед соседями.

Поэтому существовал такой важный обычай, как заключение брачного контракта. Они существовали и в римские времена, и в Раннее Средневековье, но долго были то устными, то базировались на древних местных обычаях. Но где-то с XI века составление такого договора стало нормой и при заключении христианского брака.

Причем в брачных контрактах прописывались не только имущественные отношения — там могло быть записано и обязательство хранить верность жене (жена такое обязательство давала всегда), и запрет бить ее, и обязанность выкупить попавшую в плен супругу (это было очень актуально для некоторых приграничных земель).

Вдовья доля

В Англии замужняя женщина согласно закону «передавала свое имущество мужу на период замужества. Или, если в браке рождался ребенок, на период жизни мужа. Если муж переживал свою жену, он имел право затребовать принадлежавшие ей земли по праву, именуемому „the curtesy of England“, при условии, что брак был легален и что в браке был рожден ребенок (неважно, выживший или умерший на момент заявления права). В свою очередь, при заключении брака в контракте оговаривалась обязательная „вдовья доля“ для новобрачной на случай смерти мужа. Плюс овдовевшая супруга имела права на те земли, которые ее муж приобрел или просто захватил во время их брака. Муж не мог исключить свою жену из завещания, закон гарантировал ей треть его имущества в любом случае».

Музыканты и танцоры. Гравюра начала XVI в.

В других странах ситуация была похожая, хотя доля жены сильно варьировалась. Во Флоренции, например, вдове гарантированно оставались ее приданое и так называемый «утренний дар», который она получила от мужа после первой брачной ночи. Но на практике мужа часто оставляли жене посуду, одежду, постельное белье, мебель, а то и все движимое имущество, какое было в их совместном доме. Сам дом обычно переходил к детям, но нередко с оговоркой, что вдова имеет право пользоваться им до своей смерти или до повторного замужества.

Кстати, интересный момент насчет разницы в восприятии. В английских (и не только) средневековых завещаниях периодически встречается пункт, что если вдова повторно выйдет замуж, она теряет большую часть наследства, кроме положенного ей по закону. Этот пункт обычно вызывает негодование современных комментаторов и воспринимается как признак мужского эгоизма.

На самом деле наоборот — в реалиях XI–XV веков это забота о жене. Богатая вдова — лакомый кусочек. Родственники или сеньор быстренько найдут человека, которого по их мнению надо наградить ее богатым приданым, и выдадут за него вдову, не спрашивая. А если она теряет деньги и остается только при своем гарантированном минимуме, то ее с большей вероятностью оставят в покое и дадут самой выбрать, выходить ли ей снова замуж и за кого.

Вдовы

Средневековая вдова — это настолько многогранная фигура, что в двух словах о ней и не расскажешь. С одной стороны, как уже говорилось, Церковь приветствовала вдовство. Замужняя женщина обязана выполнять супружеский долг, в том числе и в постели, это ее святая обязанность. Вдова же возвращается к целомудренной жизни, то есть почти к девичеству.

Но это все прекрасно, если вдова — старуха. Старая мудрая женщина, уже отрешившаяся от плотских страстей, матриарх большого семейства, окруженная детьми и внуками, пользующаяся всеобщим уважением, — это столп общества, признаваемый и церковью, и светскими традициями.

Но проблема в том, что подавляющее большинство вдов были вполне еще молоды. А иногда даже очень молоды. И в то, что они могут и готовы хранить целомудрие, никто не верил. Достаточно почитать Боккаччо и других новеллистов XIV–XV веков, чтобы понять, каков был типичный образ вдовушки в средневековой культуре. Молодая, горячая женщина, познавшая радость плотских утех и готовая на разные хитрости, чтобы снова их получить. Если девственница теоретически может быть безгрешной в мыслях, то вдова — вряд ли.

К этому добавлялось то, что вдова в большинстве случаев пользовалась куда большей свободой, чем девица или замужняя женщина. Ее больше не опекали ни отец, ни муж, к тому же по закону после смерти мужа ей полагалась вдовья доля. Относительно свободная и финансово независимая женщина настолько не соответствовала представлениям богословов о женском идеале, что вызывала у них вполне естественное негодование одним фактом своего существования. Впрочем, и светские мужи негодовали тоже, но поделать ничего не могли, потому что сложившаяся ситуация была результатом не каких-нибудь демонстраций, а сложившейся к позднему Средневековью социально-экономической обстановки.

ИЗ КНИГИ МИЛЛЫ КОСКИНЕН

***«О ПРЕКРАСНЫХ ДАМАХ И БЛАГОРОДНЫХ
РЫЦАРЯХ»***

Вдовы — эта довольно интересная для изучения часть населения в средневековой Англии. Для начала, их было очень много. Поскольку в этой книге рассматриваются судьбы дам высшего звена общества, поговорим о богатых вдовах. На 1436 год высшая аристократия страны состояла из трех герцогств и одиннадцати графств. Из них два герцогства и десять графств находились по разным обстоятельствам под контролем женщин...

Частично благосостояние вдов обеспечивалось их брачными договорами. Текст законов XII века под названием «Tractatus de legibus et consuetudinibus regni Angliae» («Третиз по законам и обычаям

королевства Англия», или просто «Гланвилл») говорит о том, что вдовство женщины должно быть предусмотрено уже в день свадьбы. Муж был обязан обеспечить свою жену ее «вдовой долей» — третьей частью своего состояния на день свадьбы. Обычно землей, которая ценности не теряла, но не только. Вдова получала полные и неоспоримые права на свою долю, которые оставались за ней и в том случае, если она снова выходила замуж... Считалось, что сам по себе брак — это, кроме прочего, и экономический союз тоже, в который жена вносит свой вклад работой. И любая женщина что-то приносила из семьи в виде приданого, так что обмен был только справедлив. Был один момент, по которому жена могла потерять право на свою вдовью часть имущества: доказанная ситуация, в которой брак, по сути, не вступил в силу. Но в таком случае, как правило, и приданое в руки мужа не переходило... В случае любого вида развода жена получала свою «вдовью часть», если только развод не случился из-за ее измены.

Хуже всего приходилось семьям тех, кто был казнен или приговорен к казни заочно по обвинению в государственной измене. Вот тогда ни о какой «вдовой доле» речь не шла. Там жене могли позволить, и обычно позволяли, оставить то имущество, которое она принесла в виде приданого, но имущество предателя полностью конфисковывалось короной...

Завещать свою треть вдова могла кому угодно. Однако законы, такие четкие сами по себе, никогда на практике не были простыми из-за всевозможных «в том случае, если», то есть дополнений. Более того, даже если «вдовья доля» невесты была совершенно однозначно оговорена при вступлении в брак, нигде не было запрета мужу делать что угодно с этой долей при его жизни. Он мог ее продать, у

него могли ее отобрать, и, в конце концов, он мог ее проиграть. Далее, поскольку законы писались на официальной латыни, которую зачастую каждый трактовал по-своему, шли там и тут ожесточенные дебаты о том, как нужно понимать термин *legitim*: имущество мужа на день его свадьбы или на день его смерти. Ну и приплюсуем сюда частные соглашения между составляющими договор сторонами, которые могли и букву, и дух закона перевернуть с ног на голову и с которыми повзрослевшая и поумневшая вдова могла оказаться совершенно не согласной, тем более что при заключении договора ее мнения никто не слушал. В таком случае дело о наследстве передавалось в суд...

Даже если вдовья доля сохранялась как положено, вдова должна была находиться в хороших отношениях с главным наследником, чтобы вступить во владение, если земля была свободна, или затребовать ее у арендатора, если земля была в аренде (переписать договор об аренде и пересмотреть условия аренды как минимум). Потому что вступление во владение имуществом не происходило автоматически, оно происходило в суде. Наследник должен был либо официально признать права вдовы на ее долю, либо опротестовать его. В случае протеста начиналось интересное. Женщина могла либо сама вызвать наследника на дуэль, либо найти свидетеля, который своими ушами слышал, как истице у дверей церкви была обещана ее доля, и был готов биться за нее. Такие битвы, разумеется, были огромной редкостью...

Только в 1227–1230 годах королевскому суду пришлось разбирать около пятисот тяжб по наследству! Ведь было столько всяких «но». Что, если у мужа права на подаренную жене землю были не совсем бесспорны? Умер ли муж действительно (если он пропал в битве)? А что, если он ушел в

монастырь? Даже если женщина была уличена в неверности и с ней был осуществлен развод, она могла на голубом глазу заявить на суде, что муж незадолго до смерти ее простил. Так оно, кстати, нередко и было. Мало кто хотел тащить на ту сторону груз земных обид и распрей.

Тем не менее, несмотря на трудности, женщины, как правило, свои тяжбы выигрывали, иногда действуя через представителей, но зачастую представляя себя самостоятельно. Например, в XIII веке Агнес, вдова Ральфа Фитц Хью, отсудила свою законную долю у собственного сына и еще одиннадцати мужчин, которые были кредиторами ее мужа! Реже женщины выигрывали, если им приходилось судиться с Церковью, потому что юристы Церкви знали и параграфы, и прецеденты закона куда как лучше самой грамотной мирянки. И да, некоторые женщины собирали настоящие состояния путем замужеств, как это сделала Изольда, дочь и наследница Уильяма Пентольфа: мало того что дама унаследовала немало от отца, она ухитрилась пережить пятерых мужей за период с 1180 по 1223 год и наследовала свою часть за каждым из них. То же самое сделала в начале четырнадцатого века и Агнес Бересфорд, сменившая трех супругов за 15 лет и унаследовавшая за каждым вдовью долю. К тому моменту, когда прожившая очень длинную жизнь дама умерла в 1375 году, сын ее первого мужа стоял в очереди за наследством уже 57 лет! Мод Фитц Бернارد в XII веке выходила замуж восемь раз, но всю жизнь успешно судилась с родственниками своего первого покойного мужа за свою вдовью долю. Надо сказать, что в день смерти первого супруга, Джона де Бигуна, ей было 10 лет, то есть фактически женой она ему не стала, но юридически все было честь по чести, и на вдовью долю она право имела. Для Мод эта тяжба-марафон

была, возможно, своего рода развлечением, но ее противников она чуть не разорила (леди прожила более 70 лет, то есть 60 долгих лет родня ее покойного первого супруга скрежетала зубами). А Маргарет из Бротерстона просто прожила слишком долго, пережив двух мужей, четверых детей и одного внука. Со вторым внуком, единственным оставшимся в живых наследником, она умерла в один год, в 1399-м.

Тем не менее жизнь богатых и благородных вдов отнюдь не была сахарной. Дело в том, что в глазах хозяйственных англо-норманнов, которые чуть ли не первым делом после завоевания Англии заботливо составили список «бесхозных» богатых вдов и наследниц (Register of Rich Widows and of Orphaned Heiresses), вдовы тоже были своего рода передаваемым имуществом. Они так же, как и наследницы, должны были появляться при дворе и принимать распоряжения короля о новом браке. Или не принимать, пока не подворачивался достойный с точки зрения вдовы кандидат, которого одобрил бы и король. Нет, норманны не обездоливали богатых вдов и наследниц, они просто передавали их вместе с их имуществом в качестве награды тем, кого отдельно взятый король хотел наградить. Уже Генрих Первый пытался как-то охранить вдов и наследниц от ущемления прав и принуждения к новому замужеству, но на практике получалось плохо. Женщина могла выкупить себе право не выходить замуж, но стоило это дорого. Иногда столько же, сколько все ее состояние. Дело было не в мужском шовинизме, дело все в той же королевской политике централизации власти и имущества в руках короны...

Распространившаяся с 1300 года практика совместного владения имуществом облегчила положение вдов: они стали наследовать

автоматически. На практике же это означало, что пока жива мать и хозяйка владений, ее наследники будут довольствоваться тем, что она им по доброй воле выделит. А ведь вдова могла выйти замуж и иметь сыновей от нового мужа. Так получилось, например, с состоянием, которое собрал епископ Бурнелл в бытность свою министром короля Эдварда I. Епископ по заведенной традиции оставил все племяннику, который вскоре неожиданно умер, оставив наследницей свою сестру, Мод. Мод вышла за Джона Ловелла, который был вскоре убит в битве при Бэннокберне.

Сын, тоже названный Джоном, родился уже после гибели отца и стал наследником состояния. Но Мод вышла замуж снова, и снова по договору о совместном владении имуществом. От второго брака у нее было два сына, которые и стали основными наследниками округлившегося состояния. И сын Джона Ловелла удовольствовался только малой частью того, что ему оставил отец.

Разумеется, многие мужчины были в курсе опасностей, ожидающих их кровных наследников, и принимали порой свои меры, чтобы этого не случилось, уже заключая брачные договоры. Некоторые завещания были составлены так, что замужество вдовы значительно уменьшало ее вдовью долю, или же определенная часть земель супруга вообще оставалась за пределами договора о совместном владении имуществом.

Вдовье право

Если бы можно было, я бы написала эти слова заглавными буквами, да еще и цветом выделила бы. Потому что вдовье право — это самое важное право в жизни средневековой женщины. Почти все, кто пишет романы и снимает фильмы о Средневековье, делают ошибку именно в этом — в непонимании разницы между правами женщины вообще и теми, которые она могла получить по вдовьему праву.

Жена, как я уже говорила, была как бы частью мужа, она пользовалась всеми привилегиями в соответствии с его статусом и отдавала приказы от его имени. Но сама она была практически во всем недееспособна, большая часть ее прав на какую-то социальную и экономическую деятельность сводились к тому, чтобы действовать от имени мужа. То есть общее право гласило, что «муж и жена являются единым правомочным субъектом, как являются единым телом, и этим единым субъектом (телом) является не жена, а муж».

Но вот муж умирает, и что за этим следует? Как ни странно, но вдова наследовала не только положенную ей часть имущества, в большинстве случаев она наследовала так же и права мужа. Вдова лорда получала право сама управлять поместьем, вдова ремесленника — руководить его мастерской и заниматься его ремеслом, вдова купца — самостоятельно заключать торговые сделки, вдова фермера продолжала арендовать полученную им землю и обрабатывать ее.

Как пишет Мортимер: «Жена портного может сама стать портнихой, или, если смотреть шире, женщина может заниматься любым из более сотни известных ремесел — даже стать оружейником или купцом. Маргарет Расселл из Ковентри — главный пример очень богатой провинциальной женщины-купца. Из одной только экспедиции в Испанию она привезла товаров на 800 фунтов. Женщину, которая распоряжается таким капиталом и организует международные торговые экспедиции из Ковентри, трудно назвать угнетенной».

Даже единственная в истории женщина-шериф была таковой по вдовьему праву. Там вообще была любопытная ситуация: должность была наследственной в семье дамы, но сама она, будучи женщиной, не имела права ее занимать, поэтому шерифом был ее муж — по

наследственному праву жены. Но, овдовев, она получила возможность сама занимать эту должность — по праву покойного мужа.

Конечно, в большинстве случаев продолжать занятие мужа самостоятельно было довольно сложно, и женщинам приходилось прибегать к мужской помощи — нанимать работников, а иногда и вовсе спешно выходить замуж, чтобы дело не простаивало. Но эти решения они могли принимать самостоятельно, не говоря уж о том, что брачные контракты состоятельных вдов, естественно, составлялись в их пользу, и во втором браке женщины нередко имели намного больше прав и свобод, чем в первом.

Кстати, статистика говорит о том, что в Англии большинство вдов либо выходили замуж в течение первых двух лет после смерти мужа, либо уже не выходили вообще. Подозреваю, что оставшееся меньшинство — это как раз в основном те, кто заключал второй брак по любви. А большинству все же диктовали условия практические соображения. Если муж был необходим по экономическим причинам (допустим, долго тащить крестьянское хозяйство без мужчины было точно невозможно) или если вдова была слишком богата, поэтому на ее следующем браке настаивали родня или сеньор — тогда приходилось искать нового мужа и побыстрее. А если такой необходимости не было, женщины предпочитали сохранить свою свободу и независимость. И свои вдовьи права.

Завещания

Как же закончить главу о средневековых женщинах? Рассмотрением вопроса, где, как и на каких условиях работали женщины в Средневековье. Но как ни неожиданно это выглядит на первый взгляд, переход от вдов к работающим женщинам нужно обязательно делать через анализ завещаний.

Для начала несколько слов о том, могли ли женщины оставлять завещания? Да, могли. В. Л. Филаретова в статье «Внутрисемейные имущественные отношения в Лондоне второй половины XIII — первой половины XIV в.: опыт гендерного анализа завещательных актов» приводит такие данные: «Во второй половине XIII века женщины оставили 54 завещания, а в первой половине XIV века — 233». В дальнейшем количество оставленных женщинами завещаний все росло, как, кстати, и число выигранных вдовами дел по поводу наследства их мужей — женщинам нередко приходилось судиться то с родственниками покойного мужа, то с Церковью. Чаще всего это происходило из-за того, что покойный урезал чью-то долю, а чью-то, наоборот, сильно увеличил, и в результате разбираться приходилось через суд.

Однако большая часть сохранившихся женских завещаний написана вдовами. Замужняя женщина без разрешения мужа ничем распорядиться не могла. Правда, не забываем о брачном контракте — там обычно прописывалось, кому переходит ее приданое, если женщина умрет раньше мужа. Чаще всего оно передавалось ее дочери или дочерям. А поскольку другого личного имущества у замужней женщины обычно не было, то и в завещании не было нужды.

ЗАВЕЩАНИЕ УИЛЬЯМА БЕРДА

(ФРАГМЕНТЫ)

Во имя Господа, Аминь. Год от Рождества Христова 1484, 20-й день апреля. Я, Уильям Берд, находясь в полной памяти, составил мою волю и завещание в этом виде. Во-первых, я завещаю мою душу Всемогущему Богу, мое тело [должно] быть похоронено в [церкви] Св. Николая в Бристоле, рядом с женой мастера Спенсера.

[Далее следует перечисление сумм и вещей, прежде всего предметов одежды, оставленных церкви, на благотворительность и на поминовение души усопшего].

Также я завещаю моей жене мой дом на набережной Бристоля со всей мебелью на срок ее

жизни при том условии, что она до конца жизни останется вдовой и не иначе. И после ее смерти или нарушения названного условия я завещаю его моему сыну Генри и его законнорожденным наследникам по крови; и если он или они умрут без потомства, тогда я завещаю названный дом старшей из моих дочерей и ее наследникам, за неимением их — следующему родственнику. Также я завещаю моей названной жене 10 бочек вайды; также 2 мои лучшие позолоченные солонки, 2 дюжины ложек. Также 2 лучшие чаши на подставках с крышками. Также плоскую чашу с крышкой. Также одно блюдо для пряностей с крышкой и две плоские чаши без крышек. Также третью часть всей моей домашней утвари, исключая посуду, которую я завещал здесь. Также я завещаю моему сыну Генри помимо доходов от моего дома, указанного выше, 2 огороженных участка... Также названному Генри, моему сыну, я завещаю 2 дома, расположенные на набережной Св. Августина. Также я даю и завещаю названному Генри 3 моих склада на набережной на срок моей аренды. Также названному Генри я завещаю 5 бочек вайды; также я завещаю ему 2 позолоченные колоколообразные чаши. Также две белые чаши на подставках и с крышками.

Также я завещаю моей дочери Элизабет 5 бочек вайды и 2 позолоченные чаши на подставках. Также полдюжины ложек и солонку, покрытую серебром. Также 2 бочки железа. Также я завещаю ей 4 пары простыней. Также я завещаю моей дочери Джоанне 4 бочки вайды. Также я завещаю моей дочери Кэтрин 1 бочку вайды, а ее мужу мое лучшее алое платье, отделанное мехом. Также я завещаю Джону Уидингтону мое льняное алое платье и 1 блюдо для пряностей. Также я завещаю моему сыну Ричарду 2 бочки вайды, чтобы помочь ему стать священником, и мое лучшее льняное голубое платье. Также я

завещаю мой сад... моей жене, и после ее смерти моей названной дочери Элизабет в течение оставшегося срока аренды. Также я завещаю Роберту, моему брату, 1 бочку вайды и темно-зеленое платье.

Также священнику of Barthylmewys я завещаю льняное алое платье. Также я завещаю церкви Св. Лаврентия мой серебряный таз с 1 кувшином к нему. Также я завещаю 6 шиллингов 8 пенсов на флаг названной церкви Св. Николая. Все другие мои незавещанные вещи я передаю полностью в распоряжение мастера Эдмунда Уэскота и моей названной жены, которых я назначаю моими душеприказчиками, надеясь, что они должным образом будут исполнять эту мою волю, удовлетворят и уплатят все мои долги. И мое тело по милости Господа и города Бристоля должно быть похоронено, как завещано, и названному мастеру Эдмунду Уэскоту за его усердную работу — 5 марок. В подтверждение этого и всего здесь содержащегося я распорядился это записать и прочесть в присутствии мастера Уильяма Спенсера, которого я просил быть наблюдателем, и в присутствии мастера Джона Бертона, моего священника, в день и год выше указанные.

Утверждено 25 июня 1484 г.

Оглашено в сотенном суде в Гилдхолле Бристоля 27 сентября 1485 г.

Завещание Уильяма Берда

Так много всего интересного можно почерпнуть из завещания Уильяма Берда — и состав семьи, и данные об имуществе средневекового торговца и красильщика, и сведения о религиозно-благотворительных вопросах, и многое другое. Но поскольку мы продолжаем говорить о женщинах, остановимся на трех моментах завещания.

Во-первых, Уильям Берд оставляет жене 10 бочек вайды. Вайда — это дорогой синий краситель для ткани, причем достаточно скоропортящийся. То есть предполагается, что жена будет его либо реализовывать, либо пустит в дело. Как, собственно, уже и говорилось — вдовы нередко продолжали дело своих покойных мужей. Кстати, бочка вайды стоила около 12 фунтов — это больше годового заработка пекаря, например. То есть нетрудно представить масштабы наследства.

Во-вторых, он назначает жену душеприказчиком, то есть доверяет ей контроль за исполнением своего завещания. Это практически максимальная степень доверия. Выше — только оставить большую часть имущества жене с тем, чтобы она сама распорядилась, кому что отдать. Причем и такие случаи тоже бывали. Татьяна Мосолкина в книге «Социальная история Англии XIV–XVII вв» приводит такие примеры: «Купец Джон Браун в 1476 году подробно расписал, кому и что он завещает, а затем распорядился, дабы оставшееся имущество передали его жене (свою долю она тоже получила по завещанию), и Кэтрин сама могла решать, как лучше употребить остаток на благо души завещателя, его родителей и благодетелей. Душеприказчицей также была назначена жена... Томас Джоунз не только назначил свою жену душеприказчицей, но и записал, что она может использовать оставшееся имущество „как сочтет подходящим“. Так же поступил Морис Хейл — остаток имущества нужно было передать жене, „чтобы распорядилась им, как она сочтет подобающим“. Она же назначена душеприказчицей. Джон Фланингем, имея брата и сына, доверяет распоряжение имуществом после своей смерти жене Анастасии. И Уильям Роули, имея братьев, назначил душеприказчицей жену Маргарет. Такое же отношение к жене продемонстрировали в XV в. Ричард Форстер, Уильям Сеймор, Лодовик Морс, Уильям Берд, Том Коуган».

И третье — Уильям Берд оставляет вайду не только жене и сыну, но и дочерям, причем из трех его дочерей, судя по завещанию, замужем только одна — Кэтрин. Но при этом он оставляет своей дочери Элизабет (видимо, своей любимице) пять бочек вайды и две бочки железа (железный купорос тоже использовали для окраски тканей). То есть предполагается, что Элизабет либо тоже продолжит отцовское дело, либо уже занимается торговлей (или покраской тканей). Незамужняя женщина. Разве такое возможно?

ЖЕНЩИНЫ-РЕМЕСЛЕННИКИ В АНГЛИИ

***(ПО МАТЕРИАЛАМ КНИГИ ТАТЬЯНЫ
МОСОЛКИНОЙ «СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ***

АНГЛИИ XIV–XVII вв.»)

Интересно, что среди красильщиков-торговцев мы встречаем и женщин. Алиса Ричардс торговала сукном в Лондоне вместе с Джоном Хенловом, а Маргарет Роули сама доставляла в Бристоль марену. Вероятно, это были вдовы красильщиков-купцов, продолжившие дело своих мужей. В этом отношении интересно завещание Джона Хенлова, который в 1498 г. оставил «все инструменты своего ремесла» жене, а вайду своей дочери, поэтому вполне допустимо ожидать, что они тоже будут организовывать производство сукна и торговать им... В документах того времени довольно часто встречаются сведения не только о работавших по найму прядильщицах или ткачихах, но и о женщинах-мастерах различных специальностей. Женщины начинают заниматься торговлей наравне с мужчинами.

Крупнейший купец и судовладелец Джон Бертон оставил своей жене Изабелле кроме недвижимости, наличных денег и утвари товаров на сумму в 200 ф., 8 мешков шерсти и $\frac{1}{4}$ часть собственности на корабль «*le Maria de Bristollia*».

Если купец умирал внезапно, то было вполне естественно, что жена заканчивала вместо него начатое дело. Так, Джоанна, вдова Уильяма Роули-старшего, в 1479 г. получила сахар, а в 1480 г. масло и воск из Лиссабона, а также вайду и вино из Испании. В этом же году на имя Маргарет, вдовы Томаса Роули, прибыло три груза вина из Бордо, один — масла из Севильи и из Фландрии марены на 82 фунта. Таможенные отчеты времен правления Эдуарда IV называют 7 женщин-торговцев, которые, вероятно, были вдовами купцов, и 8 других, участвовавших в импорте и экспорте товаров. Часто,

когда муж отсутствовал, жена получала товары или деньги, причитавшиеся ему...

В деловых письмах английских купцов часто упоминаются женщины, занимавшиеся торговыми и финансовыми операциями. И речь идет не только о вдовах. В 1476 г. Томас Кестен в своем письме Джорджу Сели сообщает: «Я написал, как Вы советовали, жене и попросил ее взять официальное прошение к Томасу Адаму-старшему о сроке уплаты 50 фламандских фунтов. Я прошу также передать ей 40 ш., которые пересылаю Вам». Суммы, которые указаны, довольно большие, если учесть, что годовой доход даже крупных купцов составлял около 100 фунтов. В ноябре того же года Уильям Марион писал из Лондона Джорджу Сели в Кале: «Передайте ему, что моя госпожа, Ваша мать, должна забрать у Джона Сели 8 сэрплей шерсти и 5 сэрплей он пошлет сверх этого». Делами занимается, как видим, не одинокая женщина — у нее есть муж и трое взрослых сыновей. То же самое можно сказать о жене купца Коулдейла или о тетке братьев Сели, которая самостоятельно вела финансовые дела. Она упоминается в нескольких письмах, в одном из которых сообщается: «Извещаю Вас, что моя сестра, Ваша тетя, заключила сделку с Джоном Мэтью, мерсером из Лондона, и должна получить от него в срок, о котором они договорились, 75 ф. 16 ш. 8 п.»...

В судебных разбирательствах по торговым и финансовым делам в XV в. также встречаются женщины. Например, в 50-е гг. XV в. Джордж Айрленд, олдермен Лондона, подал прошение о возмещении долга в бристольский Стапельный суд против Алисы Саттон. Алиса Честер не только вела торговлю с Испанией, Португалией и Фландрией, но и давала деньги взаймы. Известно, что она ссудила 20 ф. приору Тонтонна, когда он был в большой нужде

и не мог отремонтировать свой дом и уплатить долги...

В источниках иногда встречаются упоминания о женщинах-мастерах в разных отраслях производства. Например, в 1346/47 г. в постановлении портных Бристоля упоминаются мастера-мужчины и мастера-женщины, имевшие статус бюргеров. В 1407 г. среди красильщиков города были и мужчины, и женщины. В ордонансе красильщиков Йорка в 1380 г. среди 59 членов гильдии названы 4 женщины. Значительный процент пивоваров в английских городах всегда составляли женщины. В «Обычаях города Бристоля» 1344 г. подтверждено постановление 1331 г., в котором говорилось о женщинах-пивоварах, нарушавших ассизу о пиве — что «женщины-пивовары, которые продают эль вопреки ассизе, будут штрафоваться в соответствии с их проступком». К середине XIV в. значительный процент пивоваров в Винчестере составляли женщины — одинокие, вдовы и замужние. То же самое можно сказать и об Йорке. В конце XIV в. в Йорке в списке мастеров-изготовителей пергамента указаны 4 женщины, а Эннис Кипвик была мастером-перчаточником.

Иногда в источниках можно встретить женщин очень неожиданных профессий, например, в 1348 г. в Вестминстере была женщина-кузнец, изготавливавшая инструменты для каменщиков. В 1379 г. в Шеффилде числились 2 женщины-кузнеца; йоркский кузнец Хью Лейфилд в 1485 г. оставил жене Элис 2 наковальни.

Как видим, женский труд использовался практически во всех отраслях производства и, несомненно, женщины составляли значительный процент наемных рабочих. Не случайно в 1461 г. бристольские ткачи жаловались в городской совет, что «различные люди» гильдии нанимают на работу

их «жен, дочерей и девушек», вместо того чтобы предоставлять работу мужчинам.

Ловля рыбы. Гравюра. Начало XVI в.

Помолвка. Миниатюра. Франция. XV в.

Работающие женщины

В Англии женщины-ремесленники были, причем по мнению мужчин их было даже слишком много (кто бы сомневался), настолько, что они составляли серьезную конкуренцию на рынке труда. Конечно, Англия, как уже говорилось, была в этом смысле страной передовой, но тем не менее чуть дальше я приведу данные по Франции и Германии, чтобы стало ясно — женщины занимались ремеслом по всей Европе, это не было какой-то местной особенностью.

Здесь надо сделать важную оговорку — рассматривается именно позднее Средневековье, потому что именно тогда количество работающих женщин достигло своего пика. По идее, в соответствии со средневековым менталитетом женщина вообще не должна была работать. Ее дело — дом, семья, максимум — работа прислугой, то есть опять же домашнее хозяйство, только по найму. Но эпидемии чумы в XIV веке сильно проредили население, что привело к нехватке рабочих рук, а следовательно и к неохотному сдвигу общественного мнения в сторону признания женщины вполне приемлемой рабочей единицей.

Уже в XVI веке серьезный рост населения, подъем консервативных настроений, Реформация и вообще усиление религиозной нетерпимости привели к тому, что маятник качнулся в обратную сторону, и женщин постарались задвинуть обратно к «кухне, детям и церкви». В дальнейшем история не раз повторялась — крупные войны, эпидемии и революции приводили к повышению социальной роли женщин и увеличению ее прав и свобод, а в спокойные периоды главными вновь объявлялись дети и домашнее хозяйство. Попытки вернуть женщин на кухню были даже после Второй мировой войны.

Но, впрочем, я увлеклась. Возвращаясь к Средневековью, должна отметить, что работа прислугой, ремесло и торговля были основными занятиями горожанок (в деревне женщина, разумеется, занималась сельским хозяйством или батрачила), но не единственными. Работали они и в сфере услуг, причем иногда в такой, о которой современный человек на за что бы не подумал.

Женщины-ремесленники и женщины-купцы в Германии

Мехтильда из Бремена в апреле 1353 г. отказала наследникам 30 марок, включая драгоценности и другие предметы, другая купчиха по имени Альхейда из Бремена оставила мужу 400 марок, а также ценные украшения, серебряную посуду и дом.

Базельские документы начала XV века о разграбленном корабле свидетельствуют, что из 61 купца, снаряжавших корабль, 37 были женщины. Одна из них, Кристина Офлатерин, вложила 501 флорин, а другая, вдова аптекаря, 270 флоринов. Большинство других женщин вложили маленькие суммы, между 7½ и 9 флоринами.

Женщина-иконописец. Миниатюра. Италия. Конец XIV в.

В 1420 году купчиха по имени Цакманнина в немецком городе Гёрлице была записана как торгующая арбалетами, переметными

сумами, уздечками, упряжью, поводьями, шпорами и стремями, а также серой, купоросом, ярь-медянкой, колчанами, мылом, пергаментом, воском, бумагой и пряностями.

В Кельне существовало четыре женских цеха: бумагопрядильный, золотопрядильный, шелкопрядильный и ткачих шелковых изделий. Сверх того женщины входили как полноправные члены в ряд других цехов: ткачей полотна, ткачей шерстяных изделий, вышивальщиков гербов, кошелечников, поясников, заготовщиков кожи, золотых дел мастеров, золотобитов, игольщиков, бочаров, токарей, портных, скорнников, пекарей и пивоваров, рыботорговцев, мясников. И, наконец, почти во всех остальных цехах, не указанных здесь, женщина могла принять участие в производстве на основании так называемого вдовьего права, предоставлявшего вдове право продолжать дело покойного мужа. Полный запрет женского труда содержится лишь в уставе панцырников.

В приходе св. Себальда в Нюрнберге между 1439 и 1477 годами жили 9 женщин медников, 7 медеплавильщиц, 1 наперсточница, 1 волочильщица, 3 жестянщицы, 1 ободочница и 6 котельщиц. Похожая ситуация была и в других больших городах, таких, как Кельн и Франкфурт.

В Базеле в гильдиях каменщиков, штукатуров и плотников было много наемных работниц, которые помогали замешивать строительный раствор, крыть крыши и вставлять стекла. В конце XV века в Вюрцбурге на строительстве работало много женщин, однако членами гильдий они не являлись, а нанимались поденно. Причем, судя по документам, их было в три раза больше, чем работников-мужчин — потому что женщинам платили в полтора раза меньше и нанимать их было выгоднее.

ОТРЫВКИ ИЗ ЦЕХОВОГО УСТАВА ТКАЧИХ ШЕЛКОВЫХ ИЗДЕЛИЙ. КЕЛЬН, 1469 год.

1. ...Ни одна женщина, принадлежащая к этому цеху, не имеет права занять положение главной мастерицы по выделке шелка, не проучившись и не

прослужив три года в этом цехе. Учение она должна пройти у главных мастериц цеха... таким образом, что если она не уживется у одной мастерицы, то может продолжать учение у другой, не иначе, однако, как с ведома цеха.

2. Все прослужившие три года в этом цехе могут стать главными мастерицами по выделке шелка... независимо от того, законного ли они или незаконного происхождения. Главная мастерица имеет право обучать своих детей у себя дома в течение вышеуказанного времени; затем они могут вступить в цех, внося один рейнский гульден. Другие же ученицы, закончившие срок учения, могут вступить в цех лишь под условием взноса двух рейнских гульденов...

3. Главная мастерица имеет право держать у себя одновременно не больше 4, учениц... не считая ее собственных детей.

6. Девушка, желающая изучить ремесло, должна уплатить цеху 1 марку для осведомления властей о том, что она приступила к учению, чтобы ее могли записать... Окончив трехлетний срок учения, продолжает устав 1480 г., девушка должна в течение ближайшего года вновь явиться к старшинам мужского и женского пола и зарегистрироваться как прослужившая свое время...

7. Запрещается вышеупомянутым мастерицам и их мужьям производить шелковые изделия из пряжи, изготовленной не в Кельне, и отдавать их красить.

23. Каждый год главные мастерицы совместно выбирают двух мужчин из числа своих мужей, которые занимаются торговлей, и двух женщин, принадлежащих к этому цеху, в старшины; однако муж и жена не могут одновременно занимать должность старшин...

Женщины обычных и необычных профессий

Самая неожиданная для женщины профессия — это палач. Трудно представить, но бывало и такое. Нет, головы женщины не рубили, но исполнять другие, менее тяжелые наказания им доверяли. Так, в указе Людовика Святого от 1264 года сказано: «Тот, кто злословил или поступил противозаконно, по судейскому решению будет высечен розгами лицом его пола, а именно: мужчина — мужчиной, а женщина — женщиной, без присутствия мужчин».

Нетрудно догадаться, что здесь свое веское слово сказала Церковь. Наказание наказанием, а нельзя позорить пусть даже не очень порядочную женщину, заставляя ее предстать перед мужчиной-палачом в рубашке, а то и голой.

Другие нетипичные женские занятия, конечно, далеко не так эффектно. Так, например, в Париже существовала такая профессия, как «рекомендательница» — так назывались женщины, содержавшие то, что мы называем сейчас агентством по найму. В указе 1351 года (в котором фиксировалась оплата труда после эпидемии чумы) им разрешалось брать 1 шиллинг 6 пенни за трудоустройство горничной и 2 шиллинга — за устройство сиделки. Хорошая сумма, учитывая, что горничная получала в год около 30 шиллингов и обувь.

Как уже упоминалось в главе про образование, работали женщины и учительницами. В конце XIII века, в частности, в Париже больше двадцати женщин были зарегистрированы как содержательницы элементарных школ для девочек. Учителями в этих школах, естественно, тоже были в основном женщины. В крупных торговых городах Северной Италии школы для девочек тоже появились с XIII века, а вот в Германии их начали открывать только в XIV веке, когда распространилась традиция писать на немецком, а не только на латыни. Часть учительниц были бегинками (членами светско-духовного ордена, о котором надо говорить отдельно, но книги на это уже не хватит), часть — женами учителей-мужчин. Нередко супружеские пары открывали школу совместного обучения и занимались ею вместе, как в Бамберге, где городские власти постановили, что учитель и учительница должны состоять в браке друг с другом.

Еще одной на редкость распространенной женской профессией была работа каллиграфами и миниатюристами. Книг, как я уже говорила, писалось много, мастера требовались постоянно, а какое занятие может быть более подходящим и безопасным для женщины, чем работа в мастерской отца или мужа, да еще такая, которую можно делать, даже не выходя из дома?

Особенно много женщин, занимавшихся каллиграфией и миниатюрой, было, разумеется, в Болонье, где переписывание текстов поставили на поток. Большинство из них остались безымянными, есть только упоминания, что в мастерских переписчиков работали как мужчины, так и женщины. Но некоторые имена архивы все же сохранили. Так, в контракте о продаже дома в 1271 году упоминается некая Донателла, миниатюристка и жена миниатюриста. В 1271–1272 годах каллиграф Монтанария, жена Онесто, получила заказ от флорентийского книготорговца Бенчивенне. В 1275 году Родольфо дель фу Родольфо поручил переписывание рукописи своей дочери Антонии. В 1279 году некая Аллегра, жена Ивано, обещала кармелиту, что перепишет для него Библию. Каллиграф Фландина из Тебалдино занималась ремеслом в 1268 году, Улиана де Бенвенуто из Фаенцы подписала контракт в 1289 году. В 1329 году каллиграфией занималась чета Бранка и Анастасио.

В мастерской художницы. Миниатюра. Италия. Начало XV.

Есть примеры и из других стран. В XIII веке в Кельне работала вдова Тулла, специализировавшаяся на инициалах, а в XIV веке — некая художница Хильда, жена миниатюриста Йоана. В Париже в конце XIII века безымянная художница работала в школе миниатюристов со своим мужем, Ришаром из Вердена. Там же на Сенной улице в середине XIV века жила художница Томасе, а на улице Трусваш — художница Берго (в доме ее отца, Жана Черного, тоже миниатюриста). А вот от миниатюристки Кларисии сохранился даже автопортрет — в Псалтыри, датированной примерно 1200 годом, она изобразила себя в качестве «хвостика» буквы Q.

Ну и наконец, надо назвать женщину, о которой я не писала прежде в основном потому, что ей следовало бы уделить целую главу. Кристина Пизанская — писательница, защитница прав женщин, автор блестящих книг на социальные и политические темы, а также очень популярного руководства «Книга о военных деяниях и о рыцарстве» — одна из самых известных женщин Средневековья. Однако она также вынуждена была сама зарабатывать себе на жизнь и трудилась в том числе на ниве переписывания и миниатюры. Надеюсь, в какой-нибудь из следующих

книг мне удастся побольше рассказать о средневековых женщинах и в том числе о «первой феминистке» Кристине Пизанской.

Кристина Пизанская. Гравюра XIX в. с миниатюры XV в.

ЖЕНЩИНЫ-НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИЦЫ ВО ФРАНЦИИ

(НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАНИЙ СИМОНЫ РУ)

По парижской переписи 1297 года 1376 дворов, то есть 14,5 % находились под управлением женщин, причем не все из них значились вдовами. Что такое двор? Это группа налогоплательщиков, живущая под одной крышей — обычно семья, ну или семья плюс всякая прибившаяся к ней дальняя родня. Дворы, управляемые женщиной, чаще всего состояли из матери и сына, матери и дочери, матери и ее детей, а

также матери, детей и прочей родни. Ну то есть это фактически в большинстве своем неполные семьи, во главе которых стоит мать.

Эти 14,5 процентов показывают, что женщины могли пользоваться экономической, а значит, и социальной автономией и что такое случалось достаточно часто, раз они попали в налоговые записи, да еще и в таком количестве.

Интересно, что 85,5 % женщин-налогоплательщиц, возглавлявших дворы, даже не указали, замужем они, девицы или вдовы. И это при том, что именно семейный статус определял положение средневековой женщины. Чаще всего о своем семейном статусе сообщали богатые женщины («жена такого-то» или «жена покойного...»). Объяснялось это тем, что жены и вдовы буржуа жили на ренту, поэтому их положение в обществе определялось именно семейным статусом, тогда как работающие женщины считали более важным сообщить налоговым органам свою профессию.

Еще одна удивительная деталь — среди указавших свой статус налогоплательщиц больше замужних женщин чем вдов. Казалось бы, должно быть наоборот, ведь двор замужней женщины возглавляет муж. Симона Ру выдвигает предположение, что это женщины, которые обладают собственным имуществом или занимаются какой-либо деятельностью независимо от своего мужа и по этим причинам отдельно же платят налоги. Но нельзя исключать и то, что это женщины, «разъехавшиеся» с мужем через церковный суд. В любом случае ясно, что среди парижанок хватало женщин, имеющих определенную экономическую и социальную независимость.

«По числу записей самыми распространенными являются пять ремесел: перекупщицы, горничные (соответственно сорок четыре и сорок две записи),

шляпницы, швеи и прачки (примерно по двадцать пять записей).

Таким образом, мы видим, что в 1297 году парижанки работали в сфере питания: перекупщики и перекупщицы продавали в розницу всякого рода съестные припасы, как нынешние бакалейщики. Они также часто становились горничными, то есть прислугой в доме мещан, где занимались уборкой, ходили за покупками, обихаживали хозяина с хозяйкой... Такие женщины названы только по имени, данном при крещении, с пометкой „горничная такого-то“; одна женщина записана даже без имени, просто как „и его горничная“. Все эти указания подтверждают, что личность таких женщин определена посредством дома, в котором они служат (дом указан через его хозяина), а также их подчиненным положением, однако они получают жалованье, чем и объясняется их статус налогоплательщиц...

Три остальных ремесла говорят о производстве, связанном с текстилем (швеи), изготовлением предметов туалета и одежды (шляпницы) и со стиркой белья (прачки). Первый взгляд на женскую работу не приносит сюрпризов: он вписывается в старую схему распределения работ между полами в том виде, в каком ее представляли моралисты, проповедники и прочие традиционалисты среди мужчин. И все же есть нюансы: встречается много мужчин-швецов, некоторые даже занимались стиркой, а один назван горничным.

Группа ремесел, относящихся к обработке тканей, пошиву одежды и изготовлению украшений и предметов туалета, набрала двести двадцать пять записей. В их числе есть двадцать две прядильщицы шелка и ткачихи; в цеховых уставах XIII века ясно указано, что обработка шелка в Париже — женское дело... Девять ткачих, восемь „бахромщиц“, пряжи и

другие работницы, обрабатывавшие лен, шерсть или коноплю, четыре белошвейки, две вышивальщицы, три гобеленщицы также свидетельствуют о том, что этими ремеслами могли заниматься женщины, и это предусмотрено уставом. В швейной области встречаются двадцать пять швей и двадцать пять шляпниц плюс пять изготовительниц головных уборов... пять старьевщиц, три галантерейщицы (они занимались торговлей богатыми украшениями), три кошелечницы, две женщины, шившие штаны или торговавшие ими, одна продавщица павлиньих перьев, которыми украшали головные уборы. Порой ремесло указано не так, как оно обозначено в уставе, а по типу конкретной деятельности: так, встречаются: „торговка нитками“, женщина, „сматывающая пряжу в клубки“, еще одна, шьющая сумы для милостыни, и две, изготавливающие ночные колпаки.

Вторая группа объединяет ремесла, связанные с пищевым сектором; в ней сто десять записей. Больше всего перекупщиц, но есть еще десять булочниц и одна-две „вафельницы“, восемь „пирожниц“... восемь зеленщиц, восемь „птичниц“, торговавших яйцами и птицей, четыре торговки требухой, четыре торговки рыбой и три — селедкой, четыре торговки сыром, четыре молочницы, три торговки пивом; совершенно точно, что женщины могли заниматься любой деятельностью, связанной с питанием...

Третья группа более разношерстна... Здесь встречаются пять торговок воском; домашним освещением занимаются девять свечных торговок и одна торговка лампами; восемь торговок горшками трудятся для простого люда, а торговка хрусталем — только для состоятельной публики. Несколько „сыромятниц“, несколько изготовительниц ремней заняты в скорняжном и кожевенном производстве.

Упомянуты и женщины, запасавшие дрова, изготавливавшие веревки и различные чехлы и ножны. К этому надо добавить торговков пергаментом, бочками, стеклом.

За этими тремя группами идут еще три, в каждой из которых от семи до пятнадцати записей. Первая объединяет „сельскохозяйственные“ ремесла и транспорт, включая „грузчиц“. В ней две торговки сеном, одна — овсом, цветочница, две пастушки и одна коровница. Помимо „грузчиц“ есть одна лодочница...

Две остальные группы соответствуют видам деятельности, которыми чаще занимаются мужчины. Речь идет об обработке металлов и о строительстве. Обнаружились одна оружейница (которая продает или делает доспехи), одна торговка полосовым железом (жена торговца?), одна кольчужница (жена изготовителя кольчуг?), одна ножовщица, три „кузнечихи“, две изготовительницы гвоздей и три — булавок, одна женщина-слесарь... Наконец, три „знахарки“ и две повитухи напоминают о роли женщин в деятельности, связанной со здравоохранением, а „школьная учительница“ — о воспитании девочек...»

Налоговые источники первой половины XV века дают более печальную картину. Франция разорена Столетней войной, среди налогоплательщиков гораздо больше бедняков, а есть даже те, кто вообще освобожден от налогов, как оставшиеся без средств. Женских дворов в это время стало намного меньше. В перечне 1421 года их 9,6 %, в списке 1423 года — 4,5 %, в перечне 1438 года — 5,8 %. Что поделать, работы в это время не хватало даже мужчинам, понятно, что делиться ею с женщинами они тем более не хотели.

Работа над автопортретом. Миниатюра. Конец XIV в.

Женщины-медики

Еще одно женское занятие, о котором стоит поговорить, это медицина. И прежде всего речь об акушерстве и гинекологии — вот уж была область здравоохранения, от которой мужчины предпочитали держаться подальше. Как пишет Клавдия Опитц: «Традиционная и преобладающая мораль запрещала мужчинам обследовать женщин. Когда ученые и богословы озаботились предметом (главным образом в Италии, в медицинской школе в Салерно и других местах), он оставался большей частью теоретическим. И напротив, повитухи обучались на опыте, который передавали младшим женщинам, состоявшим при них ученицами, как в любом другом ремесле или торговле. Кажется, некоторый обмен информацией между этими двумя группами все же имел место к концу рассматриваемого периода, когда стали доступны переводы греческих и арабских текстов. Одним из указаний на это является появление в медицинской литературе XIII в. ссылок на кесарево сечение, прежде неизвестное в Европе. Другое указание — перевод и возрастающая частота использования фундаментальных гинекологических текстов, известных с XV в. как Liber Trotula...

Повитухи. Миниатюра. Италия. XIV в.

Практика родовспоможения становилась все более профессиональной и „научной“ в результате усилий, предпринятых городами для обеспечения хорошего акушерского обслуживания жителей. Множество городских документов показывает, что и врачи, и повитухи нанимались общиной для охранения здоровья горожан... В некоторых больших городах повитухи нанимались городским советом и получали регулярную плату... Нюрнберг платил им 1 гульден в квартал в 1381 г., а Брюгге — 12 грошей в день из расчета 270 дней в году... Законы определили условия деятельности и квалификацию практикующих родовспоможение. К концу Средних веков фактически каждый город в Европе имел такой свод правил, не только предписывая повитухам должное обучение и ограничения, но и делая их агентами общественной нравственности требованием от них отчета обо всех незаконных родах и подозрениях на детоубийство»

Другой медицинской практикой женщин заниматься особо не допускали. Но тем не менее и полностью запретить не удавалось — сохранилось немало свидетельств того, что женщины не только

принимали роды и ухаживали за больными, но и работали практикующими врачами. Я не буду подробно останавливаться здесь на том, что хирург и терапевт в Средневековье были не просто разными специалистами, они вообще учились в разных местах, состояли в разных цехах и почти никак не пересекались. Главное — женщины бывали и теми, и другими.

«Только очень немногие женщины были приняты в университетские медицинские школы, — пишет Клавдия Опитц, — Франческа Романо, которая получила диплом хирурга в 1321 г. от герцога Карла Калабрийского, была исключением, которое подтверждает правило... В Париже в 1322 г. Жаклин Фелисия де Алемания была незаконно отстранена от практики, поскольку она не получила университетскую степень. То же запрещение было наложено на Иоанну Белоту и Маргариту из Ипра, обе были хорошо известными хирургами.

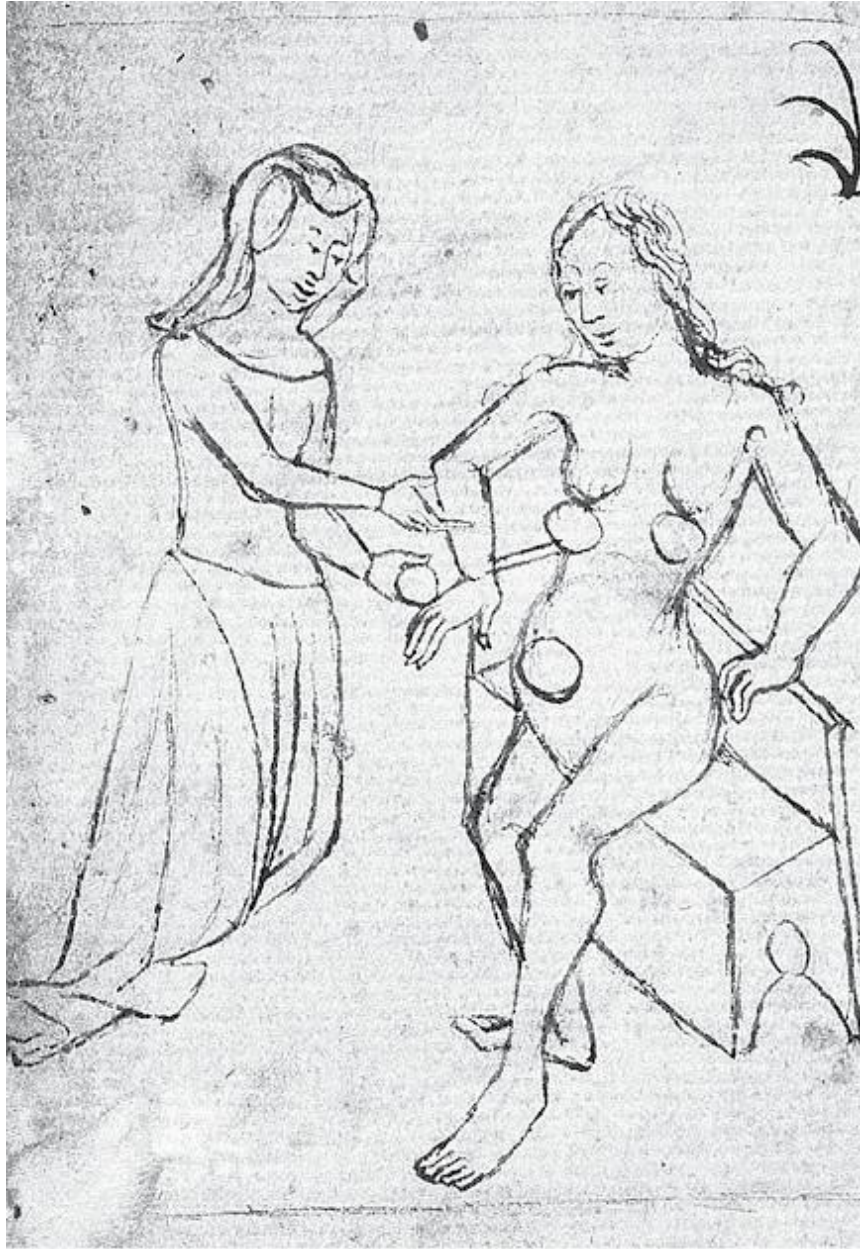

Помощь больному. Миниатюра. Англия. XIV в.

Однако в других странах Европы, где давление академических институтов было менее интенсивно, некоторые женщины-врачи имели

высокий престиж и процветающую практику. Во Франкфурте дочь городского врача продолжала вести его пациентов после его смерти; в 1394 г. она дважды получила плату городского совета за лечение наемных солдат. В следующем столетии городские документы показывают, что во Франкфурте было 16 практикующих женщин-врачей, некоторые из которых были еврейками; они, как кажется, в основном специализировались на заболеваниях глаз и глазной хирургии. Насколько много было женщин-врачей, целительниц и цирюльниц-хирургов, оценить невозможно, поскольку огромная часть их никогда официально не регистрировались. Записи касаются только врачей, нанятых городскими властями, изгнанных из города или подвергнутых запрещению практиковать...

Помощь пациентке. Миниатюра. Англия. XIV в.

Тем не менее официальные записи свидетельствуют о присутствии женщин во всех областях медицины в течение Средних веков и после, даже в качестве военных хирургов, лечащих раненых солдат — незначительное, но вездесущее меньшинство».

Женщины-врачи

Тротула Салернская (Тротула де Руджеро). XI–XII в, женщина-врач, работавшая в школе Салерно, автор текстов о женских болезнях и косметике: «Diseases of Women», «Treatments for Women» и «Women's Cosmetics». Была одной из семи врачей Салерно, которые внесли вклад в энциклопедию медицинских знаний «On the Treatment of Illnesses».

Абелла Салернская, середина XIV века, женщина-врач, работавшая в школе Салерно. Читала лекции по лечебному делу, женскому здоровью и о желчи, автор трактатов «De atrabile» (О меланхолии) и «De natura seminis humani» (О происхождении человеческой природы).

Алессандра Джилиани (1307 — 26 марта 1326), первая известная женщина-анатом, работала помощником Мондино де Лиуцци, известного в то время профессора в медицинской школе Университета Болоньи (который считается отцом современной анатомии, как автор основополагающего текста на эту тему, опубликованного в 1316 г.). Изучала систему кровообращения и создание анатомических моделей, умерла в 19 лет от септической раны.

Якобина Феличе (она же Жаклин Фелисия), родом из Флоренции, училась в Болонье, работала врачом в Париже в 1315–1322 годах. В 1322 году была осуждена за незаконную практику (у нее не было лицензии). По показаниям в суде, она успешно справлялась с лечением даже в тех случаях, когда другие признавали больного бесполезным по мнению одного из свидетелей, она была лучшим врачом и лучшим хирургом Парижа, но, несмотря на показания о ее компетентности, суд заявил, что, со всей очевидностью, мужчины благодаря своему полу лучше разбираются в медицине, чем женщины. Ей запретили работать под угрозой отлучения от Церкви.

Mercuriade — врач, хирург, итальянка и автор медицинских текстов XIV века, работала в школе Салерно, написала тексты «Кризис», «Губительная лихорадка» и «Излечение ран».

Констанс Календа, XIV век. Была хирургом, специализировавшимся на заболеваниях глаз и дочерью Сальватора Календы, который примерно в 1415 году стал деканом медицинского факультета школы Салерно, а после этого деканом факультета в Неаполе.

Клариче ди Дурисио — была итальянским терапевтом и хирургом в XV веке. Получила образование в Салернской школе, специализировалась на заболеваниях глаз.

Доротей Буччи (1360–1436), заведовала кафедрой медицины и философии в Болонском университете с 1390 года и на протяжении более чем сорока лет.

Мытая Европа

Мода ругать Средние века появилась еще в Возрождение, когда шло резкое отрицание всего, что имело отношение к недавнему прошлому (как нам это знакомо!). Но время шло, недавнее прошлое становилось все более отдаленным, окутывалось романтическим флером и обрастало мифами. И в XIX веке на почве роста интереса к истории сложилось такое отношение к Средневековью, которое живо и поныне: что есть средневековая романтика с рыцарями и прекрасными дамами, а есть средневековая реальность, грязная, грубая и жестокая. Причем с легкой руки некоторых историков этим самым грязным, жестоким и грубым временем стали считать практически весь период с падения античных государств и до самого XIX века, объявленного торжеством разума, культуры и справедливости. Тогда и развились мифы, которые теперь кочуют из статьи в статью, пугая поклонников не только рыцарства, но и Короля-солнца, пиратских романов и вообще всей исторической романтики.

О многих из этих мифов — всеобщей безграмотности, забитых женщинах, старости в тридцать лет и т. п. — я уже говорила. Но все они отступают перед самым ярким и популярным — о «грязном средневековье».

Грязное средневековье

Специально написала слово «средневековье» с маленькой буквы, поскольку по правилам русского языка Средневековье — это историческая эпоха, а средневековье — это нарицательное обозначение чего-то отсталого и устаревшего. И действительно, есть Средневековье — историческая эпоха, о которой я пишу, а есть средневековье — набор укоренившихся в массовом сознании стереотипов, что когда-то, в давние темные времена все было совсем ужасно и прежде всего с точки зрения гигиены.

Откуда пошли эти стереотипы? Из человеческой психологии. Жизнь всегда была нелегкой, и одним из способов легче относиться к существующим проблемам является сравнение своего времени с какими-то прежними, когда было еще хуже. По принципу — у нас стоматология дорожает, но зато она есть, а вот в Средневековье люди вообще все беззубые были. Или у нас горячую воду отключают на две недели, а вот в Средневековье вообще не мылись. И сразу жить становится легче и веселее.

Плюс — есть определенная категория людей, которая изо всех сил продвигает стереотипы об ужасном прошлом, чтобы справиться с комплексами. Если нечем гордиться, можно начать гордиться тем, что ты лучше средневекового рыцаря, ведь он был полтора метра ростом, не умел читать и никогда не мылся. Поэтому псевдоисторические статьи и книги, где в средневековых городах по улицам текут нечистоты, все больны сифилисом и жутко воняют, пользуются неизменной популярностью. И более того, многие им верят и на полном серьезе, говоря о средневековой гигиене, приводят в пример книгу Патрика Зюскинда «Парфюмер» и тому подобные менее знаменитые произведения. Хотя Зюскинд — наш современник, в прошлом никогда не был, писал сугубо художественное произведение, да и действие там происходит не в Средневековье, а в середине XVIII века.

Боюсь, я могу долго растекаться мыслью по древу — тема гигиены в Средние века одна из моих любимых. Может быть, когда-нибудь я напишу о ней отдельную книгу, а здесь постараюсь быть краткой и рассказать только о самых известных мифах и заблуждениях.

Изабеллы испанские: оболганная королева и забытая принцесса

Наверное, самой известной жертвой мифов о «грязном средневековье» стала испанская королева Изабелла. Именно под ее правлением была объединена Испания, мавры изгнаны с Пиренейского полуострова, а Христофор Колумб открыл Америку. Тем не менее набожная и рассудительная королева в глазах потомков имеет репутацию полоумной фанатички и замарашки. Вплоть до того, что рассказывают, будто она поддержала Колумба только за то, что он не обращал внимания, как она воняла.

Вот и получилось, что о самой великой из испанских королев обыватели первую очередь знают две вещи: во-первых, она дала обет не менять рубашку, пока мавры не будут изгнаны из Испании, и ей пришлось соблюдать этот обет двадцать лет. Во-вторых, королева якобы по ее собственным словам мылась всего дважды в своей жизни — при крещении и перед свадьбой.

Откуда же появились эти легенды? Дело в том, что имя Изабелла в Испании очень популярное и кроме королевы его носила еще дочь Филиппа II, жившая на рубеже XVI–XVII веков, то есть на сотню лет позже.

Изабелла Кастильская, королева Испании (1451–1504 г.)

Принцесса Изабелла тоже была набожной и решительной, поэтому по легенде дала обет не менять белье, пока ее муж Альбрехт VII не возьмет осажденный им в 1601 году Остенде. Соблюдать обет ей пришлось три года, и это настолько впечатлило ее современников, которые считали, что подобное подвижничество ушло в прошлое вместе с Крестовыми походами, что в честь принцессы даже был назван новый цвет — «изабеллин» или «изабелловый» (грязновато-белый с желтовато-розовым оттенком). Наряд такого цвета был даже в гардеробе престарелой английской королевы Елизаветы I.

Изабелла Клара Евгения, дочь Филиппа II (1566–1633 гг.)

Конечно, принцесса Изабелла оставила меньший след в истории, поэтому ее обет со временем начали приписывать знаменитой прапрабабушке, якобы давшей соответствующий обет до взятия Гранады. Однако Гранаду осаждали меньше года, и получается, что если королева и дала бы подобную клятву, то рекорда праправнучки ей бы побить не удалось. И постепенно богатое воображение сочинителей заменило осаду на длившееся двадцать лет изгнание мавров. Ну а потом при помощи с древности известного метода обобщения этот единичный случай стал объявляться обычным. И совершившая что-то вроде религиозного подвига принцесса Изабелла превратилась в «доказательство» немытости всей средневековой Европы.

Все дело в ванне

Со второй легендой дело несколько серьезнее, и касается оно религии. На самом деле фраза звучит «принимала ванну всего дважды», и слово «ванна» в ней ключевое. Изабелла ничего такого скорее всего и не говорила, но тут главное — суть вопроса о ваннах. Дело в том, что основным делом всей жизни Изабеллы и ее мужа Фердинанда было очищение Испании от мавров и еретиков. А в исламской религии омовения в ваннах играли большую роль, и в одной только Гранаде, по разным источникам, было от четырехсот до тысячи купален. Поэтому христианин, принимающий ванну, действительно мог попасть под подозрение как еретик. Именно в Испании и именно тогда — такие уж были реалии времени.

При этом, опять же благодаря близости исламской культуры, общий уровень гигиены в Испании был очень высокий. Ведь не принимать ванну и не мыться вообще — несколько разные вещи. Даже сейчас хватает людей, принимавших ванну всего несколько раз в жизни. Это и жители индустриальной Европы, где во многих квартирах есть только душевые кабины (я сама целый год прожила в Германии именно в такой квартире и за год ни разу ванну даже не видела, хотя мылась дважды в день), и большая часть населения деревень, где и сейчас моются не в ваннах, а в банях.

Так и средневековые жители посещали многочисленные общественные и частные бани и сауны, а дома пользовались тазиками и ковшиками. Ну и конечно летом к услугам как знати, так и просто народа были реки и озера.

Можно рассмотреть и еще один известный пример тотальной грязи Средневековья — популярную в Интернете легенду про некоего вельможу, который не мылся и так запаршивел, что слуги помыли его насильно. Но искать ее корни сложно, да и нет смысла. Лучше я вспомню виденного своими глазами жителя цивилизованного города Санкт-Петербурга — тоже не совсем вменяемого, поэтому не моющегося уже десять лет. К сожалению, у него нет слуг, которые могли бы его насильно отмыть.

Да здравствует мыло душистое

Кстати, именно во времена все той же ославленной как грязнуля королевы Изабеллы в Испании под патронажем короны стали производить и продавать в соседние страны знаменитое и сейчас кастильское мыло. Мыло в Европе варили в каждой стране, но использовали для этого животные жиры, поэтому оно получалось грубым и напоминало современное хозяйственное. Попытки производить туалетное мыло были, но оно получалось жидким и пользовались им только в той местности, где его делали.

РЕЦЕПТ КАСТИЛЬСКОГО МЫЛА

Для получения 58 фунтов мыла требуются:

1 арроба (18,25 литра) оливкового масла

$\frac{1}{3}$ груза дров (груз равнялся одному-полутора м³)

1 фанега (55,5 литра) золы

1 фанега извести

González Jiménez «Ordenanzas del concejo de Córdoba» (1435)

Ужин во время принятия ванны. Миниатюра. Франция. 1471 г.

Так что на кастильское твердое мыло из оливкового масла был огромный спрос, и в Кордове, например, оно стало одной из основных статей экспорта. Королевским указом даже был установлен максимум цены — 5 мараведи за фунт, чтобы избежать спекуляции. Для сравнения: мясо тогда стоило примерно 6 мараведи, а рыба в период подъема цен доходила до 9 мараведи за фунт. Чтобы был понятен порядок цен: судья в то время получал около 250 мараведи в день, а королевский чиновник до 400. Поэтому для людей состоятельных туалетное мыло было так же доступно, как и сейчас, ну а

простонародье пользовалось намного более дешевым хозяйственным из животных жиров.

Кстати, в XVI веке в Испании была издана книга под названием «Manual de mugeres en el qual se contienen muchas y diversas receutas muy buenas» — что-то вроде сборника по домоводству. В ней, в частности, были приведены не просто рецепты домашнего мыла, но еще и отдельные рецепты мыла для рук и лица. Видимо, настоящая дама уже тогда не могла мыть лицо мылом для рук. Вот такая «антисанитария».

История мыла в средневековой Англии

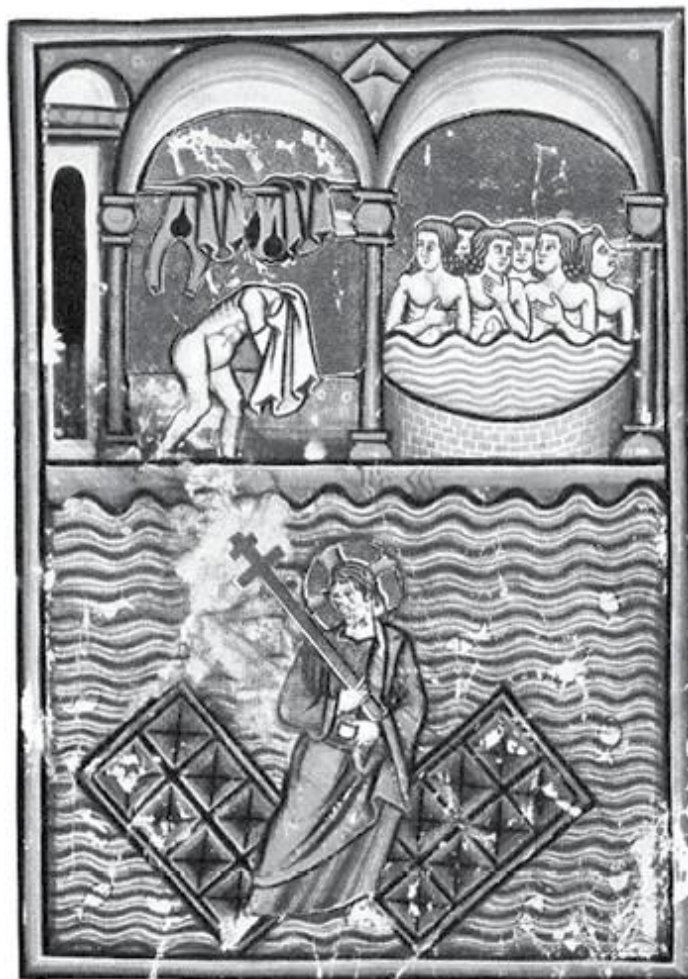
Вообще мыло в Европе стали производить в почти промышленных масштабах где-то годов с 900-х н. э. До того хватало домашнего изготовления и разных мылящихся трав, таких как мыльнянка, сапинус, гипсофил и так далее — наши предки знали много растений, которые хорошо мылятся в воде.

Однако население росло, мыла требовалось все больше, и первые мыловаренные центры появились в Марселе и Савоие. Оттуда производство постепенно распространилось в северные страны, и уже с 1000 года в деловых записях английских монастырей стали упоминаться закупки местного, английского мыла. А в 1192 году некий Ричард Девайзес прямо жаловался на ужасный запах от мыловаренных мастерских в Бристоле. К XIII веку в Англии мыловаренных центров стало как минимум четыре — добавились Йорк, Халл и Ковентри.

«В Англии доступно мыло нескольких разновидностей. Лучшее — кастильское, которое продают в брикетах (cakes)... Стоит оно 4 пенса за брусок. Более дешевое белое, серое и черное хозяйственное мыло производят в Англии. Этот вид мыла жидкий (одна бочка в 80-х годах XIV века стоила около 13 шиллингов 4 пенсов); для использования его сливают в миски. У прачек, склонившихся над тазами и стиральными досками либо утаптывающих одежду в ручье, на ногах от черного мыла серые пятна. Естественно, черным мылом белый лен стирать нельзя, так что приходится покупать более дорогое, белое. Жидким мылом нельзя мыть руки, оно тут же повредит кожу — достаточно взглянуть на волдыри, покрывающие руки и ноги прачек. Но зато его много где можно достать: Генрих Ланкастер обновил запасы мыла, отправляясь в Крестовый поход в Пруссию в 1391 году. В некоторых городах даже можно взять в аренду тазы и стиральные доски: Генрих поступил именно так, в 1396 году посетив Кале. Если у вас достаточно денег, то вы сможете быть чистыми где угодно».

Варили мыло на основе говяжьего или бараньего жира, но со временем практичные англичане стали искать способы самим производить и туалетное мыло, чтобы не зависеть от Испании. Поэтому, несмотря на то что рецепты считались строжайшей тайной и за их разглашение могли даже казнить, все равно к середине XVI века в

Англии делали уже пальмовое, кокосовое, оливковое, льняное и хлопковое мыло. А простое бристольтское серое мыло к этому времени стоило уже всего один пенни за фунт и было доступно любому бедняку.

Миниатюра. Конец XV в.

Теперь Англия уже не покупала, а сама продавала мыло всей Европе. Монополия на производство принадлежала короне, но короли, конечно, продавали ее крупным торговым компаниям. Так в XVII веке годовая монополия на производство одного только белого мыла стоила двести тысяч фунтов, что в десять раз превышало доходы самых богатых вельмож страны.

Блохи

Хочу продолжить главу о гигиене я такой грустной темой, как блохи. Увы, тут ничего не опровергнуть. Блохи в Средние века были. И они оставались настоящим бичом человечества вплоть до самого недавнего времени. Казалось бы в XX веке, когда в каждом европейском доме есть горячая вода, канализация, когда можно мыться и стирать одежду хоть несколько раз в день, с блохами, вшами и клещами стало возможно справиться... Да, вполне, но стоит сделать хоть небольшое послабление — и эти «милые насекомые» мгновенно расползаются по животным, людям, одежде и мебели, причем выводить их потом долго и сложно.

Мало кто представляет, какую тотальную войну с насекомыми вели в советское время и как много сил понадобилось, чтобы ее выиграть. Я не буду конкретизировать, чтобы не разжигать межнациональную рознь, но в некоторых европейских странах, где мне приходилось бывать и общаться с людьми несколько более близко, чем будучи туристкой, я сталкивалась с тем, что волосы некоторых детей и подростков из вполне нормальных семей кишат вшами. И никого кроме меня это там не смущало.

Сцена в бане. Франция. Третья четверть XV в.

В Средние века тоже постоянно шла непрекращающаяся война с блохами. Но в условиях отсутствия горячей воды и специальных средств, городской тесноты и скученности, присутствия в доме кошек и собак эта война в лучшем случае сводилась к ничьей. Блох и вшей травили, давили, ловили специальными ловушками, их вычесывали из волос, вытряхивали из постельного белья и одежды, но они все равно возвращались.

Молящая Мария. Гравюра. 1467 г.

Уже знакомый нам парижский горожанин приводит такие способы борьбы с блохами: «Летом следи, чтобы в твоей комнате и в постели не заводились блохи, чего можно добиться шестью способами, как мне говорили. Я слышал от нескольких человек, что если разбросать по комнате листья черной ольхи, блохи запутаются в них. Далее, я слышал, что если ночью поставить в комнате одну или две доски, на которых режут хлеб, смазанные птичьим клеем или скипидаром, и в центре каждой из них установить зажженную свечу, то блохи поспешат на свет и приклеются к доскам. Другой способ, который я сам изобрел и который помогает, — возьми грубую ткань и разложи ее по комнате, накрыв постель, и все блохи, запрыгнувшие на нее, будут пойманы, и ты сможешь вынести их вместе с тканью куда захочешь. Далее, овечьи шкуры. Я видел, как на кровать клали солому, а затем стелили простыни, и когда черные блохи прыгали на них, то на белом они были хорошо видны, и их легче было убить. Но самый лучший способ — это бороться с блохами, прячущимися в покрывалах, мехах и чехлах, которыми покрывают одежду. Ибо знай, что я пробовал этот способ, и когда покрывала, меха или одежды, в которых завелись блохи, складывают и плотно упаковывают в сундук, туго стянутый ремнями, или в мешок, хорошо завязанный и накрытый чем-нибудь тяжелым, то вышеназванные блохи оказываются без света и воздуха, и не могут вылезти наружу, и сразу же погибают».

Прощай, любовь, и вы, мои милашки,
Прощайте, бани, рынок, Большой мост,
Прощай, камзол, штаны, сорочки, пряжки,
Прощайте, зайцы, рыба, если пост.
Прощайте, седла, сбруя наборная,
Прощайте, танцы, ловкие прыжки,
Прощай, перина, пух и плоть живая,
Прощай, Париж, прощайте, пирожки.

*Эташ Дешан, французский поэт
XIV века.*

Как мылись в средневековом Париже

Симона Ру, исследуя средневековый Париж, разумеется, упоминает и о вопросе гигиены. Надо сказать, она, как и многие другие современные западные историки (а она не просто писательница, а профессор Парижского университета), не особо подробно останавливается на этой теме, в основном лишь мимоходом упоминая ванны и бани в городских домах или, объясняя, что при постройке Бурбонского дворца Карл VI разрешил отвести туда часть источников, снабжавших водой Лувр, потому что герцогу была нужна вода для бани. Во Франции тема гигиены достаточно хорошо изучена, поэтому подробно останавливаться на ней нет необходимости — то, что люди где-то мылись, для читателей Симоны Ру само собой разумеется.

Тем не менее она все же вкратце пишет, что «в описях домов названы чаны для купания, тазы для мытья головы или ног и умывальники на ножке, устанавливаемые в зале, чтобы всегда можно было помыть руки. Поскольку ели руками, используя только нож для разрезания мяса на тарелке, обычай требовал, чтобы в конце трапезы гостям подавали кувшин, наполненный благоуханной водой, и те могли сполоснуть руки. Умывались, наверное, каждый день. Ванну принимали дома, если там имелись соответствующие емкости и служанки, чтобы принести и нагреть воды. Самые бедные должны были довольствоваться купанием в Сене — летом. Для обеспеченных парижан в столице имелись публичные бани: там парились или

купались в горячей воде. В банях можно было заказать еду и вино, и, как говорили проповедники, там околачивались проститутки, предлагая свои услуги. Однако, по имеющимся сведениям, не похоже, чтобы бани были исключительно „борделями“, и в XIII–XIV веках ремесло банщика было признано наравне с другими; в бани пускали мужчин и женщин по очереди, но существовали и отдельные мужские и женские бани».

Каждый, кто хочет быть банщиком в городе Париже, может им быть свободно, лишь бы работал по обычаям и кутюмам цеха, установленным всем цехом. Любой человек своему банщику платит за мытье 2 денье, а если он еще и купается, платит 4 денье; и поскольку иногда дрова и уголь бывают дороже, чем в другое время, и кто-нибудь пожалуется, парижский прево устанавливает подходящую умеренную цену соответственно времени по донесению и клятве добрых людей этого цеха, каковые условия банщики и банщицы обещались и поклялись выполнять твердо и постоянно, без нарушений.

*Регистры ремёсел и торговли
города Парижа, статут LXXIII
(фрагмент)*

Добавить здесь особо нечего, разве что уточнить, что по данным все той же налоговой переписи в 1249 году в Париже работало 26 общественных бань. Работали эти бани, согласно городским правилам, 6 дней в неделю, а цены там были доступными для подавляющего большинства населения.

Ванны в средневековом Лондоне

В целом ситуация с гигиеной в Лондоне была примерно такая же, как и в Париже, но я все-таки остановлюсь на некоторых подробностях. В основном по двум причинам: во-первых, чтобы показать это сходство между гигиеническими традициями разных стран и потом уже не останавливаться отдельно на Вене, Гамбурге, Флоренции и других крупных средневековых городах. А во-вторых, именно об Англии я знаю больше всего, так что грех не поделиться некоторыми интересными фактами.

Римские бани. Миниатюра. Конец XV в.

Итак, мылись англичане, так же как французы, либо дома, либо в общественных банях. Богатые люди — от зажиточных буржуа до королей — имеют дома собственные купальни. Подготовка ванны —

дорогой и трудоемкий процесс, ведь нужны дрова, чтобы нагреть воду, и слуги, чтобы таскать ее в комнату и наполнять ванну. А вы знаете, сколько ведер воды в одной ванне? Два десятка — и это минимум. Поэтому в ванне сначала сидят, наслаждаясь теплом, а потом моются в той же воде. Хотя, конечно, никто не мешает после ванны ополоснуться водой из ведра.

«В ванной комнате короля Эдуарда I, — пишет Мортимер, — была даже проточная вода, которую открывали медными кранами. Эдуард III построил в своих дворцах несколько ванн; в некоторых из них была не только холодная, но и горячая проточная вода. В ванн, обычно обложенных плиткой, лорды ставят деревянные ванны. Их прокладывают тканью. Ванну наполняют из кранов (в королевских ванн) или из котлов с горячей водой. В воду добавляют лепестки роз, специи, травы и другие источники сильных запахов. Обычно над ванной вешают полог, чтобы сидящего в ванне не продуло и чтобы сохранить тепло. Лорду дают большую губку, на которую он садится, а слуги моют его тело теплой розовой водой. В некоторых случаях в больших ваннах могут одновременно купаться двое мужчин или муж и жена. Они попивают прохладительные напитки, слушают игру музыкантов и наслаждаются теплой ароматной водой. В такие моменты жизнь прекрасна».

Так что собственная ванна — это удовольствие только для богатых людей и одновременно символ статуса. Быть чистым — признак

богатства, ведь если человек принимает ванну, значит он может себе это позволить. Причем это было характерно не только для Англии — есть немало изобразительных и письменных свидетельств того, что ванны с собой возили даже в походе.

Как мылись небогатые англичане

Кому собственная ванна не по карману, остаются городские бани. В Лондоне их немало, но популярнее всего Саутуоркские бани, где можно не только помыться, но и поесть, выпить, принять ванну с ароматическими маслами и провести время в приятной женской компании. Так что многие обеспеченные, но небогатые горожане могли бы сказать о себе: «Каждый Новый год мы с друзьями ходим в баню...» В 1374 году таких бань было восемнадцать, и большинство из них располагалось в домах, принадлежавших епископу Винчестера, так что английская Церковь смотрела на купания и даже на сопутствующие им не всегда приличные развлечения вполне терпимо.

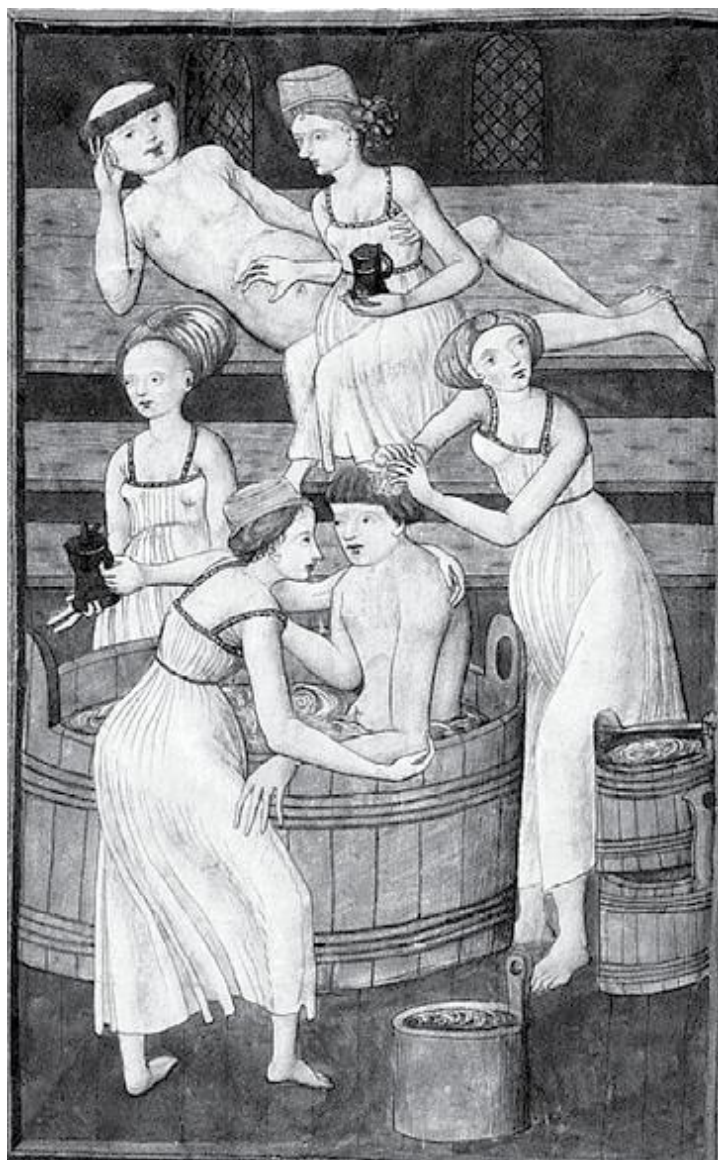
Но ходить в бани, даже в обычные, без дополнительных услуг — удовольствие тоже не на каждый день. Так что для ежедневной гигиены оставались тазики, кувшинчики и ковшики. Летом можно было купаться в реке, ну а в холодное время года оставались обтирания и омовения наиболее грязных частей тела в тазике. Ну а людям, занимавшимся грязной работой, приходилось купаться каждый день, невзирая на холод. Потому что — как уже было сказано — чистота была признаком статуса, символом респектабельности.

«Услышав, как современные люди походя называют Средневековые „грязным“, — пишет Мортимер, — представьте себе домохозяйку XIV века, которая, засучив рукава, подметает холл, протирает столешницу, чистит одежду всей семьи, вытирает столовые приборы и промывает посуду. Представьте, как она с беспокойством рассматривает приближающуюся тучу, выложив на просушку постельное белье. Естественно, не за всеми домами так же хорошо ухаживают, но плохо пахнущие дома считаются рассадником греха, порчи и гнили. Никому не хочется, чтобы на него повесили такой ярлык; все стремятся к прямо противоположному: чистоте и респектабельности. В деревнях и городках, где все друг друга знают, чистота дома — это даже не просто вопрос порядочности. Это может быть важной составляющей вашей репутации.

Сложные отношения между чистотой, самосознанием, гордостью и респектабельностью требуют от людей содержать в чистоте и себя лично. Наибольшее внимание привлекают лицо, зубы, кисти рук,

туловище, ногти, борода и волосы. Можете себе представить, чтобы аристократ явился ко двору невымытым, в грязной одежде, не задумываясь о том, что подумает о нем король и другие лорды? Чтобы король выбрал себе посла, который даже не может содержать себя в чистоте? Воняющий посол опозорит всё королевство. В реальной жизни мужчины и женщины являются представителями друг друга: иждивенцами, родственниками, союзниками, друзьями. Их внешний вид в том числе подчеркивает статус и достоинство их близких и уважение, которым пользуются они и их друзья. Если вы пахнете, словно миазм, то люди будут избегать вас, как чумы. Вас посчитают аморальными, грешными или даже сумасшедшими. Если вы пахнете хуже, чем простолудин, то не сможете ходить с гордо поднятой головой среди аристократов. Хотите, чтобы к вам относились серьезно? Хотите общаться с теми, кто стоит выше вас в обществе? Тогда постарайтесь пахнуть не как навозная куча во дворе, а как лаванда, рассыпанная по свежим камышам в вашей подстилке».

Вообще, запах в Средневековье был важным показателем статуса, не говоря уж о том, что в те времена считалось, будто через миазмы передаются многие болезни. Так что все, кто думает, будто от средневековых людей воняло, сильно ошибаются — именно с неприятным запахом тогда боролись изо всех сил. Если нельзя было мыться каждый день — чаще меняли белье. Оно было льняное, хорошо впитывало пот, а уж если его пересыпали солью и розовыми лепестками, и вовсе оказывало легкое дезодорирующее действие. А потом на помощь приходила парфюмерия — мускус, цибетин, лаванда и розовая вода создавали стойкие приятные ароматы.

Монах в бане. Миниатюра. Прага. XV в.

А чтобы не пахло изо рта, жевали кардамон, солодку, анисовое семя, кумин и фенхель. Это было тоже для борьбы с запахами, но оказывало благоприятное воздействие и на зубы. Кстати, уход за полостью рта находил отражение в том числе и в литературе. Кардамон жуют, к примеру, герои Чосера, а у его итальянского коллеги Боккаччо влюбленные трут зубы шалфеем.

Бани в разных странах европы

А теперь пробежимся немного по другим странам. В XIV веке в Вене имелось 29 общественных бань, в Нюрнберге — 9, в Эрфурте — 10. Во Франкфурте конца XIV века цех банщиков включал 25 специалистов, не считая подмастерьев и наемных работников.

В банях мылись даже монахи: несмотря на проповедь аскетизма, между физической чистотой и душевной слишком часто проводились параллели, чтобы это можно было игнорировать. Поэтому устав клюнийцев предполагал организованное посещение бань дважды в год, а устав бенедиктинцев — четырежды.

Фернан Бродель в книге «Структуры повседневности» пишет: «Бани были правилом во всей средневековой Европе — как частные, так и весьма многочисленные общественные. Люди встречались здесь столь же естественно, как и в церкви; и рассчитаны были эти купальные заведения на все классы, так что их облагали сеньориальными пошлинами наподобие мельниц, кузниц и заведений питейных. А что касается зажиточных домов, то все они располагали банями в подвалах; тут находились парильня и кадки: обычно деревянные, с набитыми, как на бочках, обручами».

Немного цитат из средневековых законов и статутков:

«САКСОНСКОЕ ЗЕРЦАЛО», старейший германский правовой сборник первой четверти XIII века, статья 89: «Если кто-либо возьмет из общественной бани чужой меч, или платье, или умывальный таз, или ножницы, которые по общему мнению похожи на его вещи, то эту вещь можно задержать и требовать ее возвращения».

ВАЛЕНСИЙСКИЙ КОДЕКС XIII века, статья 26: «Всякий, кто у женщины, которая будет мыться в бане, украдет одежду или отнимет, платит триста солидов».

VJARKOARATTEN, общегородской кодекс Швеции, 1345 год, статья 18: «Тот, кто убьет другого в бане, должен заплатить двойной штраф. Тот, кто совершил кражу в бане на сумму более половины марки, спасет свою жизнь, заплатив сорок марок, или будет повешен».

WESTGÖTALAG, еще один шведский кодекс XIII века, 6-й параграф раздела «Преступления, не искупаемые штрафом»: «...убьет в бане, убьет, когда он справляет нужду, выколет мужчине оба глаза, отрубит мужчине обе ноги, если кто убьет женщину, все это злодеяние».

EL FUERO DE SEPULVEDA — свод законов испанского города Сепульведа, примерно 1300 года: «Пусть мужчины идут сообща в баню во вторник, четверг и субботу. Женщины идут в понедельник и в среду. И евреи идут в пятницу и в воскресенье. Ни мужчина, ни женщина не дают больше одного меаха при входе в баню. Слуги мужчин и женщин ничего не дают, а также дети [не дают]. Также, если мужчина войдет в баню или в одно из помещений бани в женский день, платит десять мараведи. Также, если какая-либо женщина в мужской день войдет в баню или будет встречена там ночью и оскорбит ее кто-либо или возьмет силой, то не платит никакого штрафа и не становится врагом. Также мужчину, который в другой день возьмет силой женщину в бане или опозорит ее, должны сбросить. Пусть женщины свидетельствуют в бане, или в пекарне, или у источника, или у реки, или там, где прядут или ткут... Также, если христианин войдет в баню в день евреев или еврей в дни христиан и еврей ранят христианина или христианин еврея или убьют его, не платят никакого штрафа. Также хозяин бани обеспечивает тех, кто будет мыться, тем, во что набирают воду, и другими вещами; и если не сделает так, то платит он пять солидов истцу и судье. Также тому, кто украдет какую-либо вещь из [его] вещей или из тех, которые необходимы в бане, надлежит отрезать уши. Также, если [кто-либо] украдет какую-либо вещь, которой моются, платит десять менкалей и лишается ушей, а [если стоимость украденного] свыше двадцати [мараведи], должен быть сброшен»^[3]

Там же: «Любая работа, которую всякий в своем земельном владении сделает, пусть будет прочна и постоянна, чтобы никто не мог ни помешать, ни запретить делать любую работу, ни [построить] печь для выпечки хлеба, ни дом, ни баню, ни мельницу...»

Женщина, испытывающая сильные боли при месячных, должна взять пижму, столько же пиретрума девичьего и чуть побольше коровяка. Она

должна сварить их в воде, набранной из свободно текущего спокойного потока, прогретого солнцем и проветриваемого. Затем она должна положить камни в огонь и сделать сауну с указанной водой и травами. В сауне она должна положить теплые травы на скамью и сесть на них. Если они остыли, ей их нужно нагреть в такой же воде...

Тот, кто страдает от каменной болезни, должен взять петрушку, присоединить третью часть камнеломки и отварить их в вине. Процедить отвар через ткань и пить в сауне. Также отварить петрушку и третью часть камнеломки в воде и поливать ею горячие камни в сауне.

*Рекомендации святой
Хильдегарды Бингенской * (1098–
1179)*

Женщины в бане. «Библия Венцеслава». Англия. 1400 г.

Популярность общественных бань пошла на спад вместе с концом Средневековья. Колумб привез из Америки сифилис, одновременно в Европе начались религиозные брожения, и Церковь стала «закручивать гайки», а потом появились пуритане и вообще запретили мыться голыми на глазах у других людей, да и перенаселенность привела к новым эпидемиям. Уже в 1526 году Эразм Роттердамский писал: «Двадцать пять лет тому назад ничто не было так популярно в Брабанте, как общественные бани: сегодня их уже нет — чума научила нас обходиться без них».

Средневековая канализация

Мытье обсудили, теперь надо хотя бы вкратце упомянуть о таком важном деле, как отправление естественных надобностей. Люди ели, пили, а куда же они ходили в туалет? Прямо на улицы? Или дома в горшок, но потом выливали тоже на улицу? Надо сказать, средневековая литература действительно дала повод адептам «грязного средневековья» считать, что содержимое ночных горшков выливали из окна на головы прохожим. В комедиях и фарсах полно эпизодов, где на незадачливых поклонников, устраивающих серенаду под окном возлюбленной, выливали некую дурно пахнущую жидкость. Зрители животы надрывали от смеха, глядя на это зрелище.

На голову расшумевшимся музыкантам выливают ночной горшок. Гравюра. Начало XVI в.

Мне в связи с этим все время вспоминаются «Денискины рассказы», где мальчик вылил на прохожего кашу. Интересно, далекие потомки, читая эту книгу, тоже будут делать вывод, что в XX веке было принято выбрасывать еду из окна на улицу?

Если же говорить серьезно, то да, такая проблема в средневековых городах была, и с ней активно боролись, примерно так же как сейчас борются с несанкционированными свалками — то штрафами, то агитацией. В Средневековье с ними, кстати, тоже боролись, но об этом немного позже. А что касается содержимого ночных горшков, то его надо было выливать либо в выгребную яму, либо в городскую канализацию.

Здесь надо сказать, что централизованной канализации в средневековых городах в основном не было. Даже в Париже первая подземная клоака появилась только в XIV веке. Причина этого проста — не было нужды. Средневековый город по современным меркам — это всего лишь большая деревня, поэтому до поры до времени в качестве канализации прекрасно использовались реки.

Тем, кто придет в ужас, я сразу напомню, что стада коров до сих пор гоняют на реку, и там они справляют все свои надобности прямо в воду. Но вряд ли хоть один купальщик это замечает, даже если пляж находится всего в нескольких десятках метров. Просто любая, самая маленькая река — это огромная масса воды. Такая огромная, что даже сотне коровьих стад ее не загадить.

У протекающей через Париж Сены расход воды примерно 250 кубических метров в секунду. То есть если вы встанете на берегу, каждую секунду мимо вас будет проноситься 250 кубометров воды. Для того чтобы представить, сколько это... вообразите 1200–1500 полных ванн воды. И это каждую секунду. Поэтому неудивительно, что даже Парижу, самому крупному городу средневековой Европы, пришлось дорасти до 100 000 жителей, прежде чем он стал испытывать серьезные неудобства из-за отсутствия канализации. Так что там сначала построили ливневки и каналы для отвода дождевой воды и заодно нечистот несознательных граждан, потом подземную канаву и только в XVI веке занялись постройкой полноценной подземной канализации. Со временем к этому пришли и другие города, но все это было уже за пределами Средних веков.

Средневековые туалеты

С канализацией немного разобрались, но как же выглядели сами туалеты? Вариантов было несколько, в зависимости от места проживания и состоятельности человека.

Во-первых, всем знакомые деревянные (а иногда и каменные) будочки над выгребными ямами — это древнейшее изобретение человечества, не слишком меняющее свой облик с зари цивилизации и до наших дней. В Средние века они были примерно такими же, как и сейчас — круглые отверстия в полу или сиденьях, а внизу яма, которую либо через какое-то время засыпали, либо периодически чистили. Существовала даже специальная профессия — золотари, то есть люди, занимающиеся очисткой выгребных ям и вывозом отходов за пределы города.

Существовали не только частные, но и общественные туалеты. В целях экономии их часто размещали на мосту — чтобы отходы человеческой жизнедеятельности сразу падали прямо в воду.

По такому же принципу часто делались и замковые туалеты. На стенах средневековых замков нередко можно увидеть пристроенные выступы — обычно они бывали на каждом этаже, плюс личные туалеты для хозяев возле их покоев. Причем нередко они сконструированы так, чтобы все, что туда падает, можно было еще и смыть — самый ранний сохранившийся подобный туалет датируется 1405 годом.

«Вы, скорее всего, думаете, что в туалетах здесь сильно воняет, — пишет Мортимер про британские уборные XIV века. — Необязательно. Новые туалеты довольно изысканны. Дощатое сиденье в уборной покрыто зеленой тканью, а отверстие затыкают подушкой, чтобы не пропустить никаких неприятных запахов и сквозняка. В некоторых замках содержимое туалета сразу падает далеко вниз, в ров. В других — в расположенную в нужном месте бочку, которую потом опустошает замковый „гонгфермер“ (уборщик выгребных ям). А к концу века для аристократов изобрели даже стульчаки. Их делают из железа, со съемными медными сосудами и покрытыми бархатом сиденьями. Но куда бы вы ни пошли, чтобы справить нужду, вы найдете кучу шерсти или льна, чтобы „вытереть заднюю часть“. Некоторые великие лорды предпочитают хлопок, но его не всегда можно найти. Сделав свои дела, помойте руки — для этого вам дадут тазик и кувшин с водой».

Ну и конечно, всегда существовал такой простой понятный предмет, как ночной горшок. Собственный туалет имелся не в каждом доме (речь, конечно, не о домах богачей и знати), поэтому куда проще и удобнее было использовать горшок, а потом утром отправить слугу его опорожнить.

Грязь на улицах

Андрей Гордиенко, белорусский историк, пишет: «В 1280 г. король запретил горожанам мусорить на улицах Лондона. В 1347 г. королевским эдиктом лондонцам было снова запрещено выбрасывать отходы на улицу, в Темзу или городские ручьи. Однако это не касалось туалетов, которые по-прежнему могли быть расположены над этими водными артериями, однако теперь за право строить их здесь нужно было платить. К XVI в. туалеты над ручьями были окончательно запрещены, а вскоре они были убраны под землю.

Запрет казался как твердых, так и жидких ТБО. Это значит, что с конца XIII в. в Лондоне нельзя было просто так вылить из окна помой на улицу — за этим следили и штрафовали. Конечно, закон нарушали. В 1414 г. была создана специальная сеть информаторов, которая следила за соблюдением этих предписаний. Тем не менее на улицах было грязно.

По закону горожане должны были выливать помой и выбрасывать мусор в выгребные ямы и сточные колодцы. Выгребные ямы имелись при каждом доме, и ассенизаторы должны были очищать их раз в неделю. В 1427 г. была создана комиссия, которая должна была следить за работой ассенизаторов. В 1531 г. король Генрих VIII издал закон о канализации, по которому комиссия ассенизации была не только возрождена, но и получила общегосударственный статус. Под ее началом были созданы городские службы, в том числе и в Лондоне. И хотя выгребные ямы часто оставались переполненными, а улицы — грязными, этим вопросом занимались. Сохранилась жалоба лондонца на своего соседа, который не чистит свою выгребную яму, датируемая 20-ми годами XV в. Само наличие подобного документа свидетельствует о том, что такое положение вещей считалось ненормальным и порицалось общественностью.

В январе 1421 г. по инициативе новоизбранного мэра Ковентри городской совет принят новые санитарные правила. Остановимся на них подробнее. Итак: при приготовлении пищи отходы запрещалось кидать под стол или выбрасывать на улицу, выпас свиней разрешался только за городской стеной, там же должны были забивать скотину мясники. Горожанам запрещалось выбрасывать отходы у себя во дворе,

на улице или в реку, они должны были вывозить их за пределы города на одну из трех свалок. Кроме того, жители города были обязаны следить за чистотой улицы перед своим домом, магазином или мастерской и убирать ее каждую субботу. Те, кто жил на берегу реки, должны были периодически чистить его, чтобы по время наводнений вода беспрепятственно уходила в отводные каналы.

Первая парижская свалка появилась в начале XIII в. Она была расположена там же, где и знаменитая городская виселица Монфокон. Этот полигон ТБО существовал до XVIII в. В XV в. за городскими стенами было создано еще несколько свалок. Именно сюда свозили твердые отходы мусорщики. В 1348 г. парижанам под страхом тюремного заключения было запрещено выбрасывать свой мусор на улицу. В 1404 г. предприятиям, расположенным на берегу Сены, главным образом скотобойням и кожевенным мастерским, было запрещено выбрасывать отходы в реку.

Аналогично обстояло дело и в Германии. Еще в XIII в. бургомистр Мюнхена запретил жителям выбрасывать мусор на улицу и в городские ручьи».

Манеры и поведение за столом

Хочу привести, заканчивая главу о гигиене, еще отрывки из литературного источника по, так сказать, смежной теме — манерам и поведению. Это отдельная и тоже очень интересная тема, но здесь я могу уделить ей только несколько слов.

Представители знати, как я уже говорила, воспитывались в своем кругу, проходили ученичество как пажи или воспитанницы, потом как оруженосцы и фрейлины, там, при дворе более или менее знатного сеньора они и учились манерам. Но во-первых, такое воспитание, конечно, получали не все, а во-вторых, даже в Средневековье была довольно активная вертикальная миграция — в смысле переход из одного социального слоя в другой.

Для таких приехавших из глуши «деревенщин» или выбившихся в люди вчерашних простолюдинов писались специальные «Книги манер», самой известной из которых является работа Джона Рассела, отрывки из которой я привожу ниже.

Рассел вообще был большим специалистом по этикету на любом уровне. В оставленных им наставлениях можно почерпнуть информацию о том, в каком порядке рассаживать гостей, начиная с Папы Римского и императора, как к кому обращаться и кто выше по статусу — принцесса, вышедшая замуж за простого рыцаря, или дочь простого рыцаря, вышедшая замуж за принца. Но здесь я привожу отрывок всего лишь о том, как вести себя в гостях. С любезного разрешения переводчиков.

*Альбрехт Дюрер. Иллюстрация к книге «Рыцарь де ля Тур».
Конец XV в.*

**ДЖОН РАССЕЛ, «КНИГА МАНЕР» (ОТРЫВКИ). АНГЛИЯ, 1460–
1470 гг.**

Перевод и стихотворное переложение Ксении Галиловой и Юлии Давидовской

Коль хочешь о манерах ты узнать,
Изволь же эти строки прочитать.
Ведь если джентльмен ты, рыцарь или йомен,
То должен знать ты о хорошем тоне.
Когда к сеньору в дом его придёшь,
То знай: вооруженным не войдёшь.
Оставь оружие привратнику при входе,
И пусть доложат о твоём приходе.

...

Как в зал тебя к сеньору позовут,
То следует перчатки снять и худ.
Коль стол для первой трапезы накрыт,
Приветствуй тех, кто за столом сидит.

...

Коль стол разделишь с джентльменом ты,
Запомни правила, что так просты:
С соседом будь любезен и учтив,
О скромности своей не позабыв.

...

Свой тренчер положи перед собой.
Не горбись и сиди с прямой спиной.

...

Покуда перемену принесут,
Гостям вина иль эля подадут,
Не пей до срока, хлеб не пробуй также,
Хотя б страдал от голода иль жажды.
Иначе отощавшим нарекут
Или обжорой люди прозовут.
Следи за чистотой своих ногтей,
Чтоб от себя не отвратить друзей.

...

На тренчере ты хлеб не оставляй —
Так в городе не принято, ты знай,
Кусок, какой съесть сможешь, отлومي,
Остатки — беднякам прибереги.
В спокойствии трапезничай, мой друг,
Не ссорься с джентльменами вокруг,
Не спорь и не показывай гримас —
Невежей назовут тебя тотчас.
Не торопись едою рот набить,
Тогда не сможешь ты его закрыть.
И будешь походить на обезьяну,
Что снedyю щеки набивает рьяно.
Вдруг кто с тобой беседу заведёт,
Смолчать придётся, ведь наполнен рот.

Не поддерживать беседу — непочтенье
К трапезничающему окруженью.

...

Теперь тебе я дам совет такой:
Еду ты жуй лишь за одной щекой,
Не смейся, не болтай, коль полон рот,
Иначе тебя всякий засмеёт.

...

За чистотой перстов своих следи,
На скатерти пятно не посади.

...

Ножом иль зубочисткою в зубах
Не ковыряйся при других гостях.

...

Ещё один совет запоминай:
О скатерть ты свой нож не вытирай.
Дуть на питьё и пищу неучтиво,
Дождись, пока остынет, терпеливо.

...

За тем, как держишь ты себя, следи,
На лавке развалившись не седи.
Ведь неприлично, если на обеде,
Коленями толкаешь ты соседей.

...

К насмешкам ты причин не подавай,
В напиток палец свой большой не окунай.
Не вздумай у соседей на виду
В солонку общую макать еду.

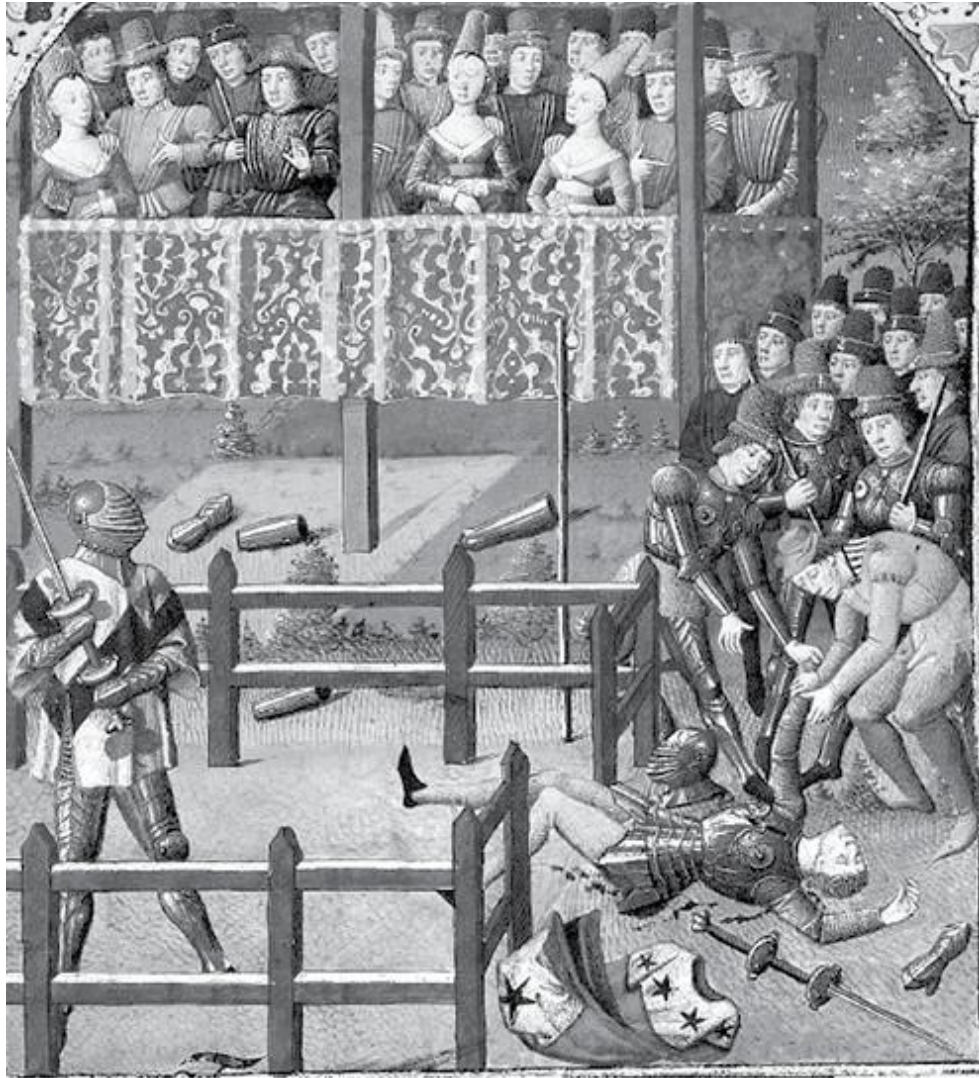
...

Как таз внесут для омовенья рук,
Не плюй в него, забрызгав все вокруг.
Побойся Бога и не плюй вовеки
Бессовестно при добром человеке.
Запомни сей учтивости урок,
Чтоб за столом себя держать ты мог.
За сим своё закончу наставленье.

Пусть нам Христос пошлёт благословенье!

Средневековый рыцарь

Теме рыцарей, идеологии рыцарства, их вооружению, обучению, быту, тому, как вообще они появились и почему исчезли, можно посвятить не одну главу и даже не один том. Но, к сожалению, моя книга подходит к концу, и на то, чтобы поговорить о главном символе Средневековья — рыцаре, — остается всего несколько страниц. Поэтому я усилием воли отвлекаюсь от мыслей о турнирах и сражениях, откладываю в сторону книги о воспитании рыцаря, трактаты по фехтованию, куртуазные романы, а также энциклопедии доспехов и оружия и сосредотачиваюсь на трех простых вопросах, которые наверняка многих удивят.

Поражение на турнире. Миниатюра. Бургундия. Конец XV в.

Многие думают, что «быть рыцарем» — это слава, пафосные турниры, внимание публики и прекрасных дам, путешествия и весёлые драки.

Но на самом деле — это когда ты на тридцатиградусной жаре в вонючей телогрейке и раскалённом глухом шлеме кормишь собой и конём слепней и оводов на плацу, потому, что скоро новый турнир и надо тренироваться, чтобы другие замечательные рыцари не оторвали тебе голову.

*Дмитрий Савченко, организатор
Турнира Святого Георгия*

Итак, правда ли, что...

- 1) рыцарь и дворянин — это одно и то же
- 2) любой человек в доспехах и с мечом — рыцарь
- 3) человек в доспехах неповоротлив и ограничен в движениях

Сразу скажу, что ответ на все три вопроса — «нет». А теперь о каждом подробнее.

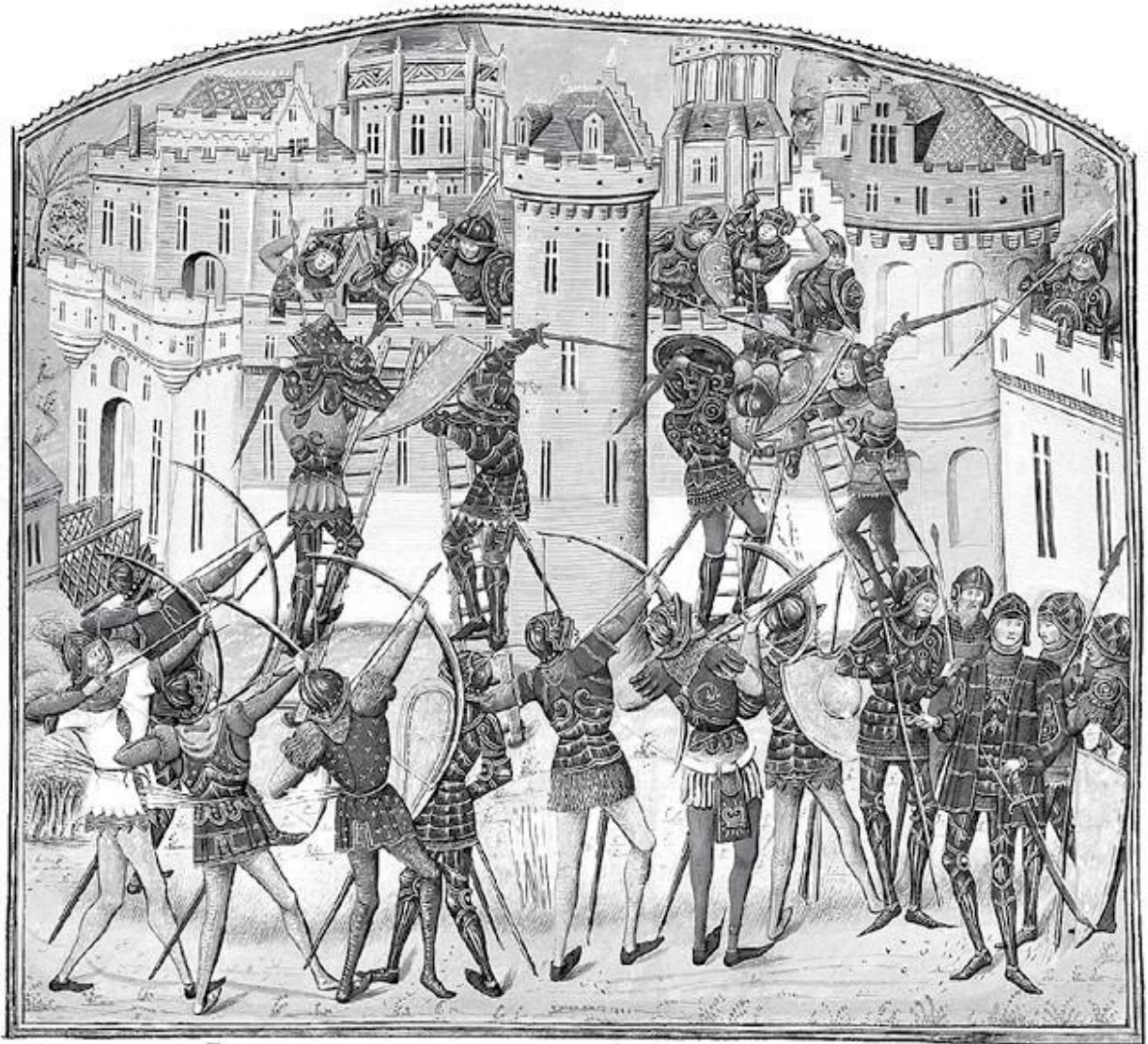
Рыцарь и дворянин

Как это ни странно, но дворянин и рыцарь действительно совсем не синонимы. А как они друг с другом соотносятся — очень сложный и запутанный вопрос, по которому историки спорят уже много лет. Но в самых общих чертах дело обстоит так...

В раннем Средневековье ни дворян, ни рыцарей вообще не было. Были члены аристократических родов — кто римского, кто варварского происхождения. Были мелкие помещики, служившие им за землю или за жалованье. Были профессиональные солдаты, наемники. Всех их можно объединить одним условным термином «воины», но, думаю, любому понятно, что общее у них только одно — то, что они в силу происхождения, традиции или ради денег занимались военным делом.

Постепенно складывалась феодальная система, вассалитет, майорат (родовые земли, передававшиеся старшему сыну), появилась даже официальная идея, что общество делится на три созданных Богом сословия: те, кто сражается, те, кто молится, и те, кто возделывает землю. Но от этого сословие сражающихся не стало более однородным, даже наоборот — после того, как наследником земель стал только старший сын, младшим оставалось только пополнять ряды профессиональных воинов. И теперь в отряде феодала могли бок о бок сражаться безродный наемник, вассал и какой-нибудь племянник этого самого феодала. Причем тот же наемник мог удачно захватить богатого пленника, получить выкуп, разграбить город, жениться на незаконной дочери своего господина, и его сын, тоже воин, оказывался уже не безродным наемником, а вассалом или даже мелким союзником благородного происхождения.

Осада. Английские хроники XV в.

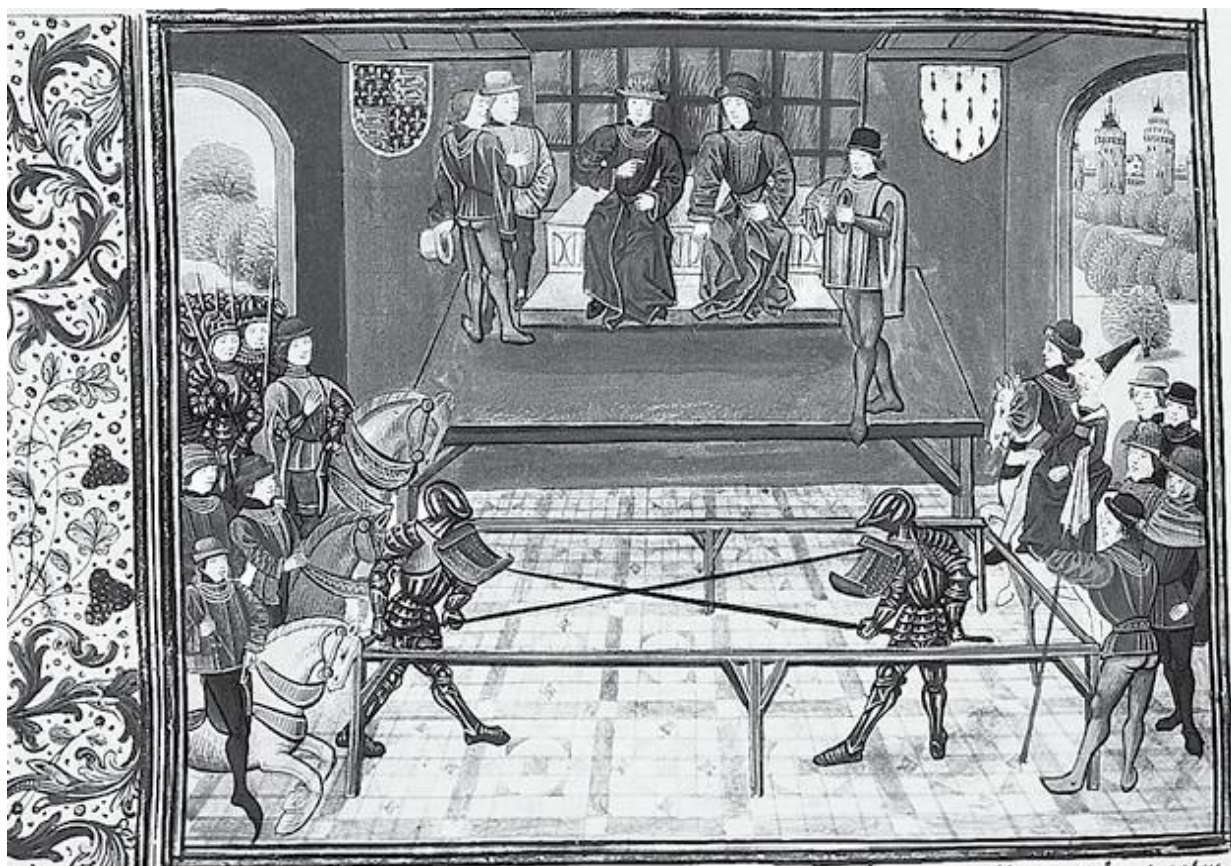
Воинская служба в Средневековье была сама по себе признаком некоего аристократизма. То есть каким бы неоднородным ни было сословие сражающихся, они все равно стояли над всеми остальными, кроме духовенства, — крестьянами, ремесленниками, торговцами и т. д. И вот где-то века с XI их привилегированное положение стало складываться в некую систему, которая и получила название «Рыцарство».

Рождение рыцарства

«Рыцарство в XI и XII веках, — пишет Флори, — это почетная профессия отборных воинов, которые являются исполнителями воли своих командиров — от непосредственных сеньоров до принцев. То есть рыцари — это в первую очередь отборные, хорошо вооруженные конные воины.

С другой стороны, в это же время сложилось и дворянство — как слой наследственных землевладельцев, плюс многочисленные потомки аристократии, не имеющие земли, но имеющие несколько поколений благородных предков.

С третьей — в силу неоднозначного положения рыцарей (власть и почет силой оружия, но отсутствие благородных „корней“) стала формироваться идеология рыцарства, которая придавала блеск и благородство самому понятию „рыцарь“ и превращала в общественном сознании профессиональных воинов в некую элиту, благородную не столько в силу происхождения, сколько в силу принадлежности к этому избранному кругу. Более того, само слово „рыцарь“ постепенно перестает означать просто воина, а превращается в титул, получение которого обставляется пышной церемонией».

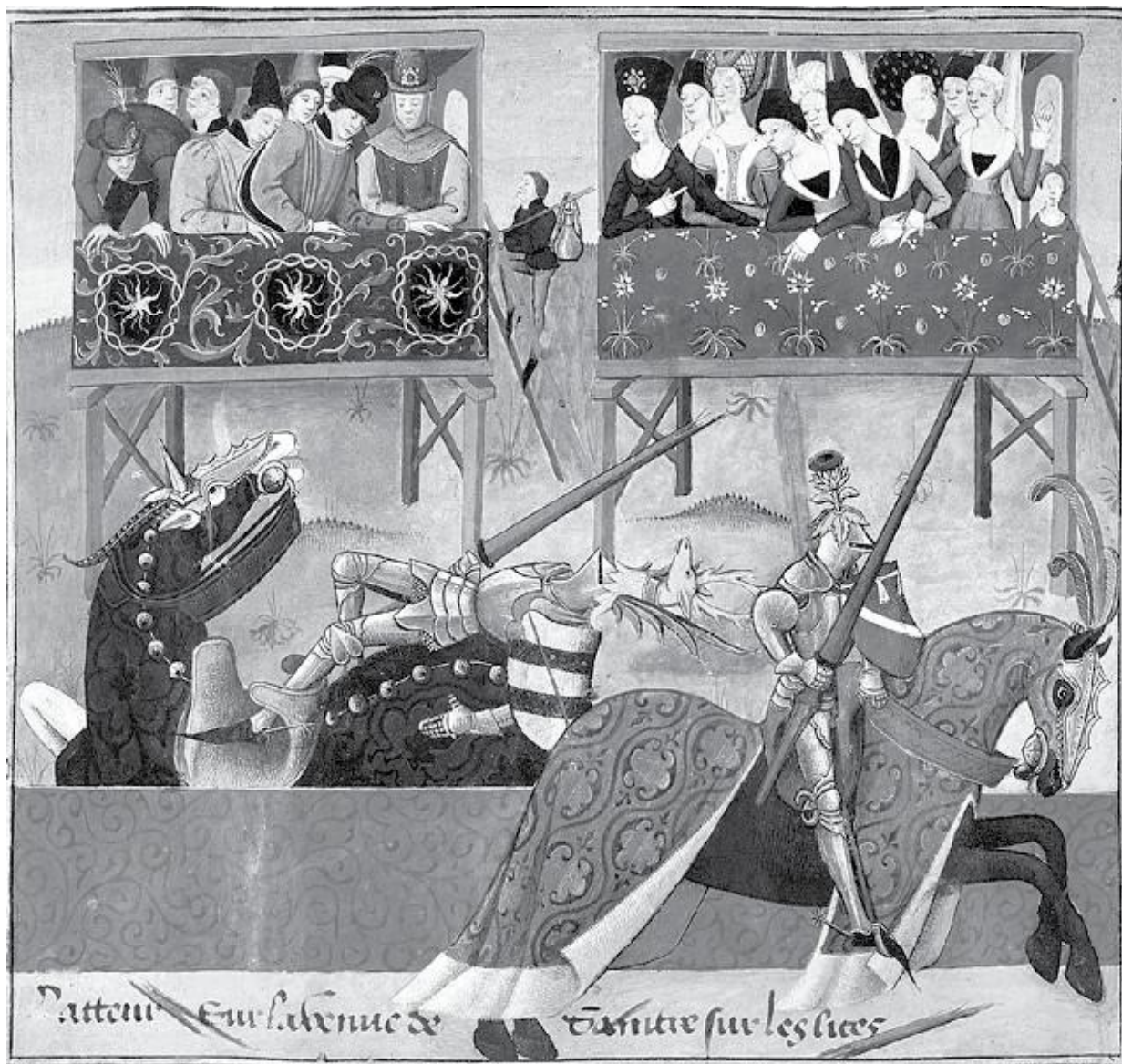

Жан Фруассар. Хроники. Поединок между графом Бэкингемом и герцогом Бретонским. Бургундия. XV в.

Запутанно, да? Еще запутаннее взаимоотношения между этими рыцарством и дворянством. С одной стороны, чтобы стать рыцарем, надо было в первую очередь обзавестись соответствующим снаряжением, очень недешевым, то есть в основе всего были деньги. С другой — получилось, что параллельно существуют как бы две воинские элиты, одна из которых получила свой статус благодаря происхождению, а другая — благодаря принятию новых членов в «элитный клуб». Причем вторая стремилась к поглощению первой — довольно быстро посвящение в рыцари стало практически обязательным для любого молодого дворянина, делающего военную карьеру.

Устоявшаяся система, ставившая во главу всего благородство по происхождению, сопротивлялась, поэтому чем большую популярность приобретала идеология рыцарства, тем более закрытым и элитным становилось само рыцарское сословие. В XII веке в некоторых странах

от потенциальных рыцарей стали требовать доказательств дворянского происхождения или хотя бы того, что кто-то из их предков уже был рыцарем. А кое-где наоборот, от сыновей рыцарей требовали, чтобы они тоже становились рыцарями, или их выкинут из благородного сословия и объявят крестьянами.

Поединок. «Роман о Жане де Сентре». Миниатюра. 1470 г.

В итоге постепенно сложилась новая система, включающая в себя рыцаря — благородного человека, которого сочли достойным быть принятым в число элиты и который прошел обряд посвящения, пообещал быть защитником веры, правосудия, церкви, беззащитных,

вдов и сирот. Теоретически сам он мог быть любого происхождения, но, став рыцарем, он становился и дворянином. Так рыцарство постепенно слилось с дворянством, и к XIII веку сложилась та система, о которой я уже писала — когда дети рыцарей автоматически направлялись по привычной дороге паж-оруженосец-рыцарь, а для представителей других сословий путь в рыцари стал заказан.

Человек в доспехах и с мечом

В принципе, на вопрос, являлся ли любой человек в доспехах и с оружием рыцарем, я уже ответила выше. В XIII веке дворянство слилось с рыцарством, но остались еще конные воины (не так хорошо вооруженные, как рыцари), лучники, пехотинцы с алебардами и копьями. Причем практически у всех у них были еще и мечи: даже если просто посмотреть на средневековые миниатюры, можно заметить, что на случай ближнего боя у лучников и арбалетчиков на боку висят меч и баклер (маленький круглый щит).

— I разряд: владелец феода одного рыцаря — кольчуга, шлем, щит и копье.

— II разряд: всякий свободный человек светского звания с доходом или движимостью в 16 марок (10 фунтов 13 шиллингов 4 пенса) — кольчуга, шлем, щит и копье.

— III разряд: всякий свободный светский человек с движимостью или доходом в 10 марок (6 фунтов 13 шиллингов 4 пенса) — обержон (вид кольчуги), железная шапка и копье.

— IV разряд: «все горожане и вся община свободных людей» — гамбезон, железная шапка и копье.

Ассиза об оружии для английских подданных (июль 1181 г.):

Гербовник сэра Томаса Хольма. 1446–1448 гг.

Так что все столь популярные в романах истории о том, что оружие могли носить только дворяне/рыцари — выдумка. Разнообразные ограничения, конечно, где-то когда-то бывали, но в целом ситуация

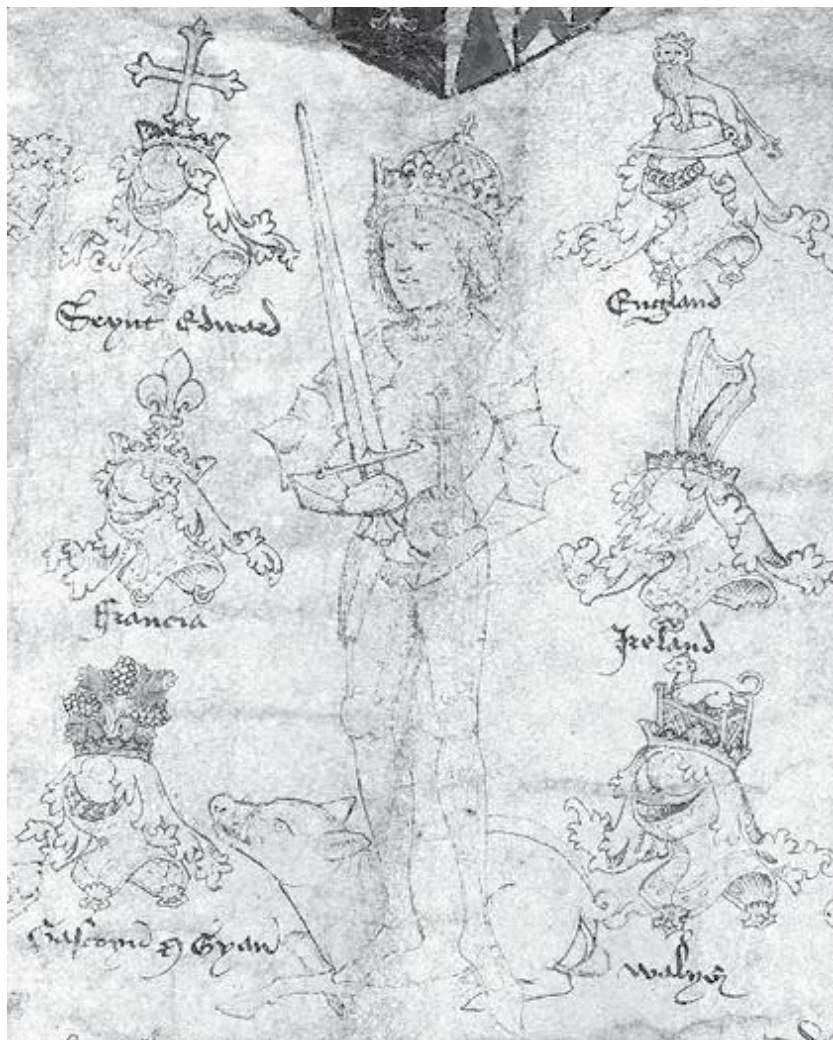
обстояла ровно наоборот: короли и прочие феодалы требовали, чтобы все их подданные мужского пола владели оружием, причем как в прямом, так и в переносном смысле. Потому что, во-первых надо было уметь защитить себя от разбойников или людей другого феодала, а во-вторых, в случае войны король призывал под свои знамена феодалов, а те в свою очередь обязаны были привести определенное количество воинов. А из кого они их набирали? Правильно — из своих подданных.

По Винчестерскому статуту 1285 года каждый английский подданный в возрасте от 15 до 60 лет обязан иметь оружие, чтобы поддерживать порядок. Люди, чье имущество стоит более 20 марок, или получающие более 10 фунтов дохода с земли, обязаны приобрести железный нагрудник, кольчугу, меч и нож. Обладатели дохода более 5 фунтов — стеганный жакет, нагрудник, меч и нож. Даже самые бедные мужчины должны иметь оружие — меч и нож и лук со стрелами или (для тех, кто живет в лесах) арбалет со стрелами.

Гербовник сэра Томаса Хольма. 1446–1448 гг.

Ричард III. Свиток Роуз. Англия. 1483 г.

Статут Роберта I Шотландского 1318 года: «Чтобы каждый мирянин с землей или собственностью на 10 фунтов [от 16 до 60 лет в соответствии с предыдущими статутами] имел для своего тела при защите королевства подходящий акетон, бацинет и пластинчатые перчатки, с копьём и мечом». «Тот, у кого нет акетона и бацинета, будет иметь хороший обержон или хорошую железную [кольчугу] для тела» и железную шапку (*capellum de ferro*), с пластинчатыми перчатками (а также, возможно, с мечом и копьём). Те, кто победнее («малый люд») и владел собственностью, эквивалентной стоимости одной коровы, обязаны были обзавестись «добрым копьём или добрым луком со связкой стрел, а именно двадцать четыре стрелы с подобающими (деталями экипировки)».

Указ Хуана I Кастильского о вооружении от 1 декабря 1385 г.: «Всем боеспособным мужчинам в возрасте от 20 до 60 лет — и клирикам, и мирянам — полагалось иметь следующее оружие. Подданный с доходом в 20 000 мараведи и более должен был иметь в наличии: полный доспех, включая кольчугу или пластины или *pieza con su faldon* (нагрудник с латной полрой), и у каждого *uno desto quixotes*, и *cahilleras*, и *abanbraços* (*avant-bras*), рукавицы, бацинет с бармицей, или капеллина [сервельер] с горжетом (*capellina con su gorguera*), или „большой“ шлем (*yelmo*), рыцарское копьё (*glave*), эсток (*estoque*) или секира (*hacha*), кинжал (*daga*). Но андалусийцы, вооруженные на манер хинетов, выставляют всадника-хинета. Обладатель дохода в 3000 мараведи и более: копьё (*lança*), дротик (*dardo*), щит (*escudo*), пластины или кольчуга или железный бацинет без бармицы или капеллина, меч или эсток (*espada o estoque*) или длинный нож (*cuchillo conplido*). Доход от 2000 до 3000 мараведи: копьё, меч (*lança e espada*) или эсток или длинный нож, бацинет или капеллина, щит. Доход от 600 до 2000 мараведи: арбалет с „орехом“ (*nuez*), тетивой и „стременем“, пояс и колчан с 36 болтами. Доход от 400 до 600 мараведи: копьё, дротик и щит. Доход от 200 до 400 мараведи: копьё и щит. Доход менее 200 мараведи: копьё, дротик и праща (*fonda*)».

Осталось только дополнить немного о позднем Средневековье. В XIII веке дворянство слилось с рыцарством, а в XIV веке рыцарство уже стало клониться к своему закату. Сначала Столетняя война продемонстрировала, что лук — очень грозная сила, и знаменитые английские лучники (крестьяне по происхождению) оказали достойный отпор рыцарской кавалерии. А потом на первый план стала выходить тяжелая пехота, вооруженная и экипированная не хуже многих рыцарей — в XV–XVI веке грозной силой, решающей исход сражений, стали швейцарские алебардчики, английские биллманы и немецкие ландскнехты.

Впрочем, я на глубокие познания в истории военного дела не претендую. Просто резюмирую: человек с мечом — не всегда рыцарь, и даже человек с мечом и в доспехах — тоже не всегда рыцарь. Владение оружием не было привилегией ни дворянства, ни рыцарства, наоборот, оно было жизненной необходимостью для представителей всех сословий.

Рыцарь или консервная банка?

Теперь я перехожу к теме, которая интересует на удивление многих, — как рыцари ходили в доспехах в туалет и как от них пахло, когда с них эти доспехи наконец снимали.

Наверняка все помнят блестящий роман Марка Твена «Янки при дворе короля Артура» и описание вооружения рыцаря, который в своих доспехах едва может двигаться. Но почему-то очень многие воспринимают эту шутку великого сатирика и сцены из голливудских фильмов, где рыцаря поднимают на коня чуть ли не при помощи подъемных кранов, вполне серьезно. И уверены, что так и было на самом деле.

То есть рыцарь предстает некой малоподвижной и громоздкой консервной банкой. А любители дурнопахнущих историй еще и добавляют: в таких доспехах рыцарь в походе проводил целый день, снять их было невозможно, значит, все естественные надобности он, конечно, справлял прямо туда. Представить только — да от отряда рыцарей в сверкающих доспехах воняло бы как от выгребной ямы.

Вам самому ни за что не влезть на коня; если вы попытаетесь, вас ждет разочарование. Вас волокут во двор, как волокут в аптеку человека, пораженного солнечным ударом; вас втаскивают на коня, вас усаживают, суют ваши ноги в стремяна, а вы в это время кажетесь себе нестерпимо громоздким — каким-то другим человеком, который или только что нечаянно женился, или ослеплен молнией и до сих пор глух, нем и не может прийти в себя. Затем в подставку возле моей левой ноги вставили мачту, которую называют копьем, и я ухватился за нее рукой; наконец на шею мне повесили щит; и вот я готов, могу поднять якорь и выйти в море...

...С течением времени выяснился еще один неприятный факт: мы находились в полной зависимости от случая. Закованный в латы новичок не может влезть на коня без посторонней помощи.

Сил одной Сэнди было недостаточно, по крайней мере для меня. Приходилось ждать, не подойдет ли еще кто-нибудь. Я хотел поразмыслить над тем, как могло случиться, что умные или хотя бы полоумные люди выучились носить это железное одеяние, несмотря на все его неудобства, и как им удалось придерживаться этой моды в течение многих поколений, несмотря на то, что муки, которые я испытал, им приходилось испытывать ежедневно всю жизнь.

Марк Твен, «Янки при дворе короля Артура».

Леонид Маневич, руководитель ВИК «Марка Белфри» в доспехах XV в. Фото с Турнира Святого Олафа в Выборгском замке. Фотограф Данила Судомоин

Действительно, не очень романтично выглядит... Теперь стоит вернуться от мифов к фактам и внимательно рассмотреть цифры.

Вес доспехов

Кстати по поводу Марка Твена, просто интереса ради — его герой попадает в VI век, то есть в самое начало раннего Средневековья. Ни о каких доспехах тогда еще и речи не было, так что все это описание бронированных лат — просто шутка, насмешка передового человека XIX века над «темным средневековьем».

Появились латы только к XIV веку, а еще в XIII веке манускрипт «Speculum Regale» («Королевское Зерцало») так описывал экипировку рыцаря: «Чулки из мягкого плотного полотна, достигающие до ягодиц. Поверх них — кольчужные чулки, прикрепляемые подвязками к поясу. Затем пара штанов из плотного полотна, к которым прикреплены железные наколенники. На верхней части тела — мягкая полотняная рубашка с набивкой, достигающая до середины бедер. На нее — защитная пластина для груди. Сверху кольчуга и гамбезон (стеганая рубаха без рукавов). У рыцаря должно быть два меча (один на поясе, другой у луки седла) кинжал, шлем, щит и копье...»

Поединок на мечах. Роман Мелюзины. Миниатюра. Франция. XV в.

В самый расцвет бронированности рыцарей, то есть в XV–XVI веках, когда латник представлял собой закованную в железо «боевую машину», полный боевой доспех весил 20–40 килограммов (в зависимости от габаритов самого рыцаря). Были, конечно, и исключения; так, например, доспех Ульриха фон Матчского IX, графа фон Кирхберг, середины XV века, весил около 60 кг. Но и сам Ульрих был ростом 210 см и соответствующих габаритов.

В целом можно сказать так — вес доспеха составлял примерно 30–40 % веса самого рыцаря. Так что, каждый может прикинуть, сколько бы примерно весили его латы.

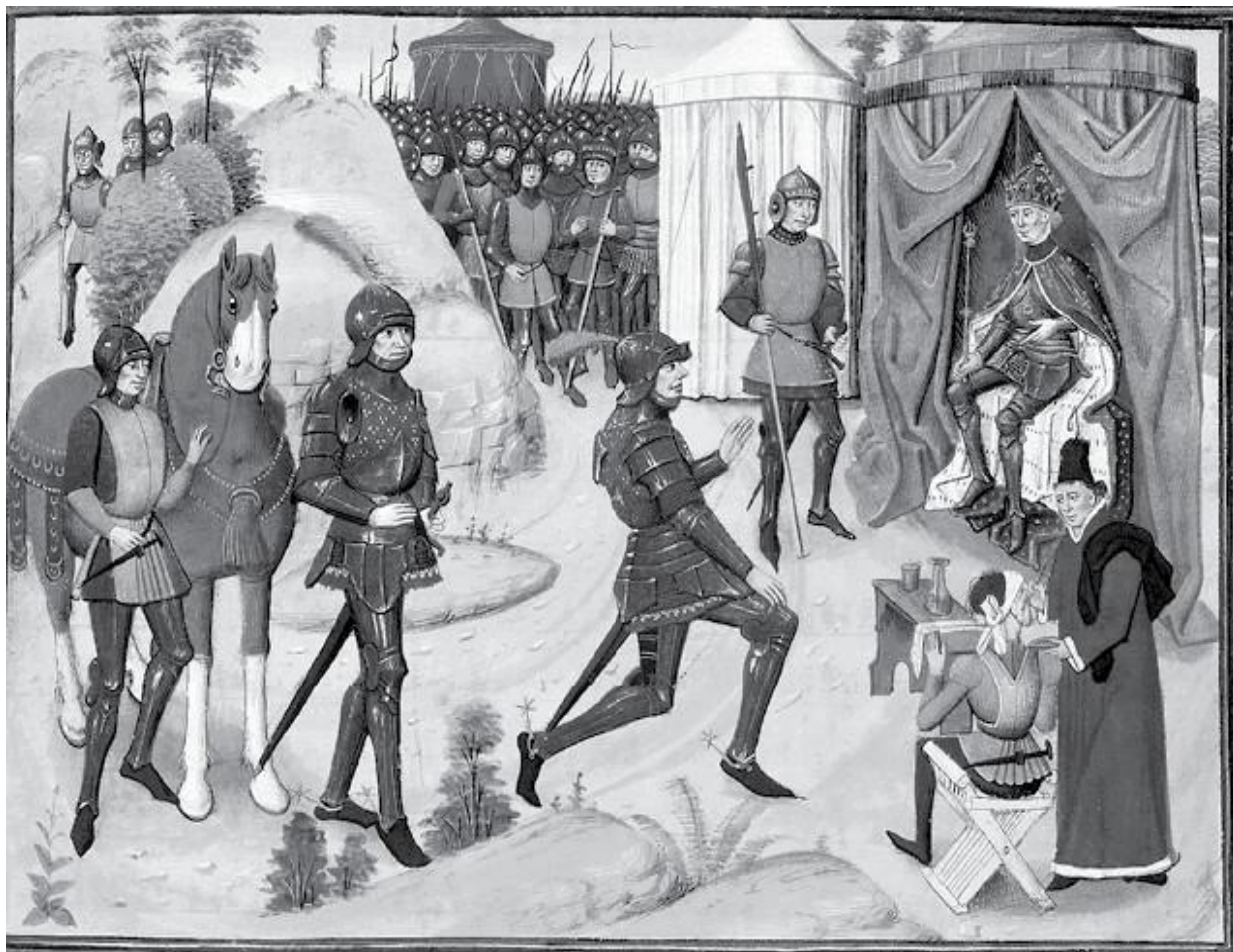
Немало, конечно. Только вот для сравнения: кросс с полной выкладкой в современной армии практически любой страны солдаты

совершают с оружием и экипировкой, общий вес которых достигает тех же тридцати-сорока килограммов. А у наиболее элитных подразделений и в два раза больше. При этом ни у кого не возникает сомнения в их подвижности.

Разумеется, тащить тридцать кило в руках — довольно тяжело даже для спортивного мужчины. Но тот же вес, распределенный по всему телу, — сущая ерунда. Опять-таки для сравнения: вес цыганских свадебных платьев достигает 20–30 кг. И невесты не просто стоят в них, а двигаются и танцуют, хотя они вообще-то хрупкие девушки, а не привыкшие к ежедневным физическим упражнениям здоровые средневековые воины.

Подвижность в доспехах

Так что в доспехах рыцарь сохранял полную подвижность — он мог садиться на коня и слезать с него, махать мечом и прочим оружием, бегать и, конечно, ходить в туалет. Не стоит забывать, что средневековый доспех все же не монолитная консервная банка, а множество деталей, соединенных специальными креплениями. И любую из них можно было снять отдельно, в том числе и прикрывающую интимные части тела. Впрочем, железных трусов рыцари и не носили — хватало металлической юбки, защищающей бедра, или пристегивающегося гульфика.

Перед турниром. Роман «Рено де Монтобан, или Сыновья Аймона». Миниатюра 1467–1469 гг.

Посмотрите на изображения. Все эти многочисленные ремешки вовсе не для красоты. Они соединяют между собой части доспеха и фиксируют их на теле. То есть мало того что латы делались по мерке, они еще потом подгонялись прямо на человеке. Поэтому, если рыцарь толстел или худел, ремешки можно было ослаблять или, наоборот, проколоть еще одну дырочку и затянуть потуже. Естественно, до определенного предела — при сильном изменении габаритов никакие ремешки не помогут. Но в целом хороший доспех должен был сидеть так, чтобы нисколько не стеснять движений, ведь в бою рыцарю требовалась максимальная подвижность.

По опыту общения с людьми, которые изучают историю и в рамках реконструкции материальной культуры Средневековья носят точные копии средневековых доспехов (в том числе и по весу), могу с уверенностью сказать, что лично видела, как мужчины в латах сражались длинными мечами, бегали, перекатывались из одного укрытия в другое, садились на коня, ездили верхом, спешивались и даже садились на шпагат. И даже самостоятельно вставляли с этого шпагата. Куда уж подвижнее.

Кроме всего прочего, рыцарь вовсе не носил доспехи все время, также как бойцы ОМОНа не ходят в бронежилетах в повседневной жизни. Даже в походе носили обычную одежду, а доспехи везли с собой и надевали перед боем. Или могли при необходимости ехать в частичном доспехе — в кирасе, например. Никто не заставлял всегда надевать латы полностью. Кстати, со временем появилось такое понятие, как доспешные гарнитур — это такой набор деталей, из которых при желании можно собрать латы хоть для джостры (сражения на копьях), хоть для пешего боя, хоть пехотный полудоспех. У короля Генриха VIII был гарнитур, из которого можно было собрать шесть разных видов доспеха — отстегивая и пристегивая разные детали.

Турнирный доспех

Возникает закономерный вопрос — а почему в кино показывают, как рыцарей с трудом сажают на коней, а когда противник выбивает их из седла, поверженные бойцы не могут встать сами? На самом деле обвинять создателей фильмов в преднамеренном обмане тоже не стоит. Ведь нам показывают не войны, а турниры. А турнирный доспех с течением времени все больше отличался от боевого и мог весить раза в два больше — ведь он служил несколько для других целей. На таких соревнованиях главным было остаться в седле и не получить дыру в груди. Поэтому броня была очень толстой и очень тяжелой, особенно спереди. Но подвижность в конном турнире на копьях и не требовалась — копье держали неподвижно, а после падения было кому о рыцаре позаботиться.

Роман Федин. Фото с Турнира Святого Олафа в Выборгском замке. Фотограф Данила Судомоин

*Дмитрий Савченко, организатор Турнира Святого Георгия,
фотограф Андрей Бойков*

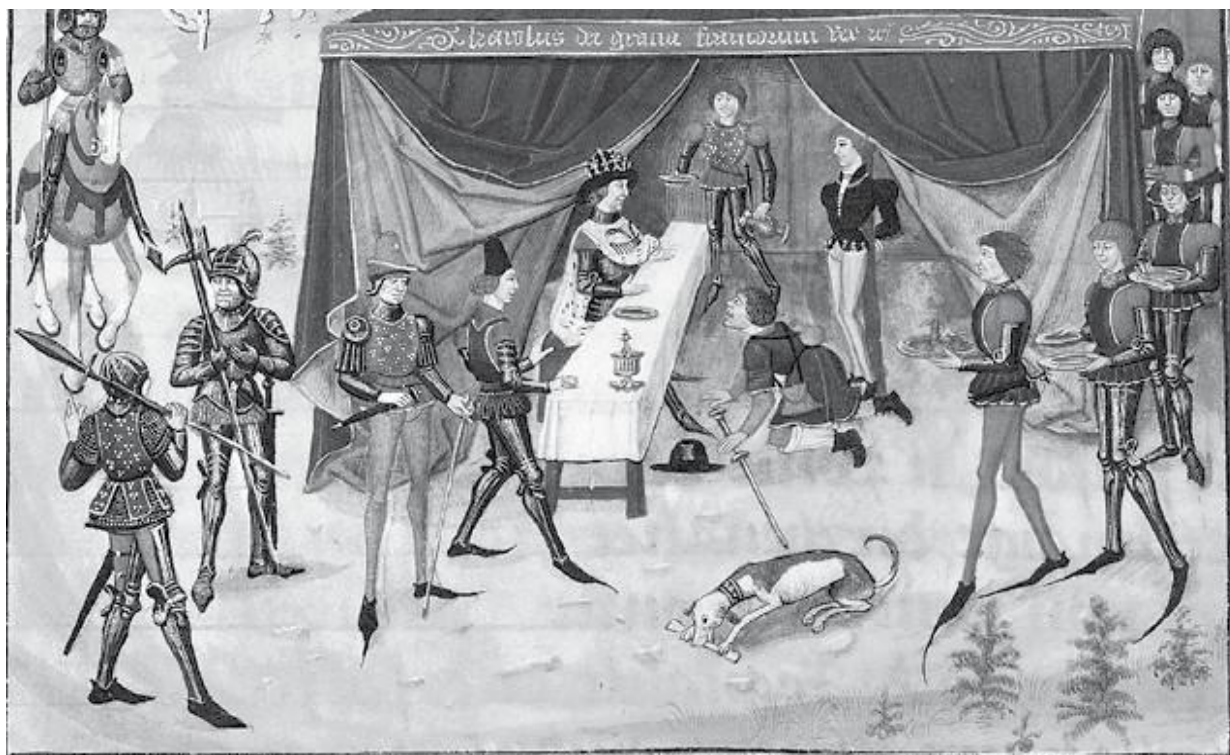
Библия Эдуарда IV. Миниатюра. Англия. XV в.

Другое дело в бою — там приходилось сражаться и копьем, и мечом, и конному, и пешему, поэтому боевые доспехи до самого заката эпохи рыцарства оставались не только красивыми, но все же функциональными и в меру удобными.

И конечно запах

А насчет запаха — вы, надеюсь, помните главу про гигиену и то, что к запаху в Средневековье относились особенно трепетно. Поэтому рыцари тоже изо всех сил старались соответствовать своему статусу благородных господ, меняли белье, возили с собой в походы ванны (если позволяли средства), обтирались водой с розовыми лепестками и даже душились. Естественно, среди них были и чистюли, и грязнули, поэтому от кого-то постоянно пахло розовым маслом, а кто-то мылся, лишь когда шел в гости в приличный дом (вспоминаем «Книгу манер»). Но, конечно, после целого дня на коне и уж тем более после боя в полных латах все они пахли тем же, чем сейчас пахнут спортсмены, (особенно в тяжелой экипировке как хоккеисты) — потом.

В общем, после очистки от привычных мифов вонючая неповоротливая консервная банка превращается в крепкого выносливого человека, который не менее разумен, чем наши современники, поэтому воюет в латах, путешествует в удобной одежде и соревнуется в специальной броне. А также ест, пьет, ходит в туалет и даже моет руки перед едой.

В шатре государя. Роман «Рено де Монтобан, или Сыновья Аймона». Миниатюра 1467–1469 гг.

Рыцари на привале. Роман «Рено де Монтобан, или Сыновья Аймона». Миниатюра 1467–1469 гг.

Меч

Книга подходит к концу, но я не могу закончить ее, не рассказав о том, что обещала еще в предисловии, — о мечах.

Значение меча для Средних веков трудно переоценить. Несмотря на то что видов оружия было великое множество и меч не всегда был самым эффективным из них, все-таки именно он стал настоящим символом рыцарства и всего Средневековья в целом. Им посвящали в рыцари, его вручали правителю как символ мирской власти, на нем клялись, ему давали личное имя.

Но у меня осталось всего несколько страниц, поэтому речь пойдет только о некоторых чисто физических характеристиках меча. То есть о размере и весе.

Сразу скажу, повидала я их много, держала в руках тоже немало и некоторыми даже фехтовала, но двадцатикилограммовые мечи мне ни разу не встречались. Это все же миф. Реальные цифры в разы меньше.

Одноручный меч Высокого Средневековья в среднем весил около 1–1,3 кг.

Длинный меч (полуторный, бастард — пусть это все и не совсем одно и то же, но тонкости — это для энциклопедий) весил от 1,5 до 2 кг.

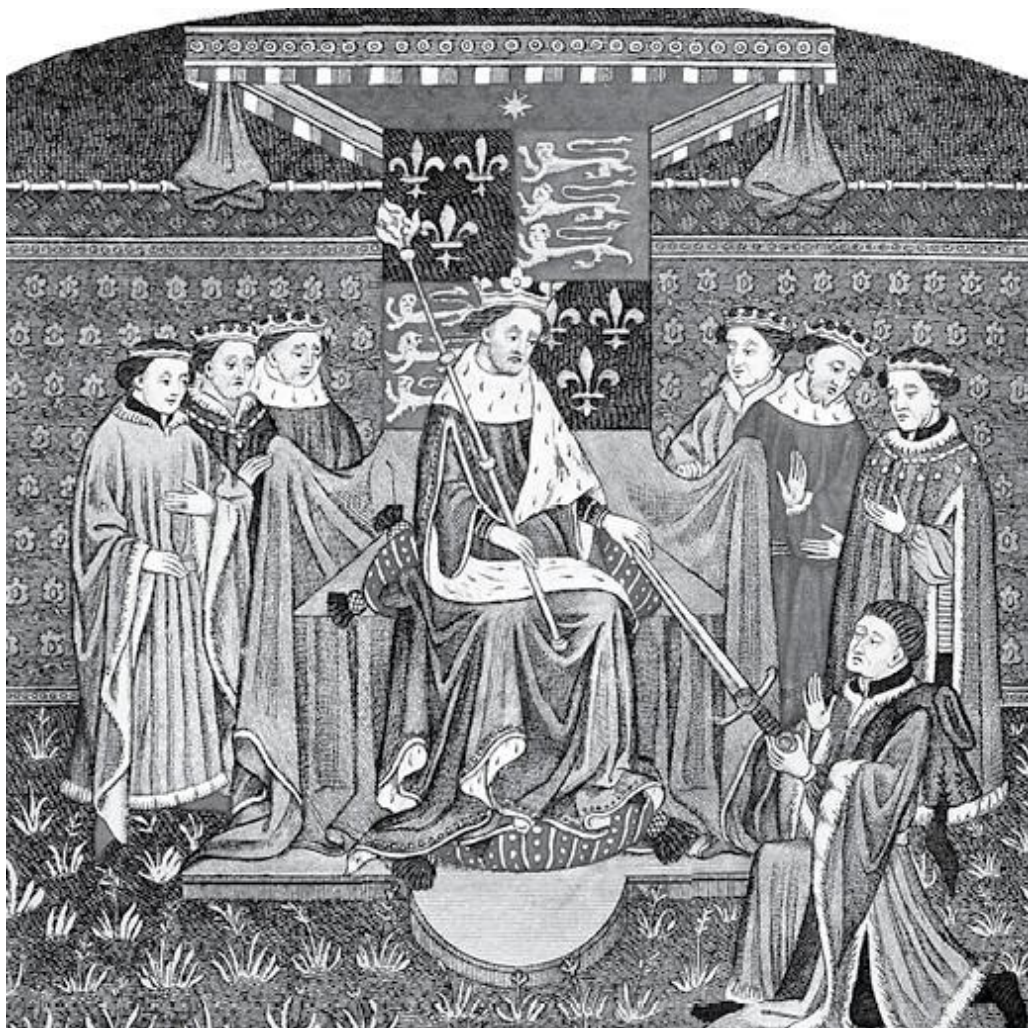
Двуручный меч весил в среднем до 3 кг.

Длину мечей я даже не пишу, потому что она бывает слишком разная. Можно сказать, чтобы составить самое общее представление, что одноручный меч — примерно до 90 см длиной, длинный меч — до 120 см, а все, что больше, — это уже двуручник. Но на деле там очень подробная и сложная классификация, многое зависит от длины и формы клинка и рукояти.

Ну и от роста его владельца: что для двухметрового воина полуторный меч, то для девушки ростом 160 — самый настоящий двуручник. Вообще, разницу между ними не всегда можно определить, но чисто практически: двуручный меч — это тот, с которым лично вы сможете нормально управляться только двумя руками. Если вы можете взять его в одну руку и фехтовать одной рукой — значит, для вас это полуторный меч. Желаящим разобраться в тонкостях могу посоветовать почитать книги Оукшотта — самого уважаемого специалиста по средневековым мечам.

Послесловие

А я с вами прощаюсь, мой лимит страниц исчерпан. Естественно, я смогла рассказать в этой книге лишь немного из того, что знаю о Средневековье. Я бы хотела написать еще о проститутках и монахинях, водопроводах и медицине, косметике и колдовстве, турнирах и карнавалах. Рассказать, что ели средневековые люди, как развлекались, куда путешествовали. Подробнее разобрать эволюцию доспехов и моды. Выяснить, правда ли одна из английских королевы была ростом 127 см (неправда!) и какой в принципе рост в Средние века считался нормальным.

Роман о Трое. миниатюра. XV в.

Да и вообще вопросов, на которые я бы с удовольствием поотвечала, еще очень много. Действительно ли инквизиция сжигала красивых женщин? Почему крестьяне не носили фиолетовое, а герцоги — серое? Что все-таки кроется за «правом первой ночи»? Как «первая феминистка» Кристина Пизанская представляла себе идеальную женщину? Почему английские короли силой заставляли некоторых купцов стать рыцарями?..

Возможно, как-нибудь в другой раз. Средневековье огромно и многогранно, рассказывать о нем можно бесконечно.

Литература

Абрамсон М. Л. Семья в реальной жизни и системе ценностных ориентаций в южноитальянском обществе X–XIII вв.

Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте.

Бартон Э. Повседневная жизнь англичан в эпоху Шекспира.

Баччи Л. М. Демографическая история Европы.

Бессмертный Ю. Л. Брак, семья и любовь в средневековой Франции // «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов XIV–XV вв.

Бессметный Ю. Л. Жизнь и смерть в средние века.

Бессмертный Ю. Л. Рыцарство и знать X–XIII вв. в представлениях современников (обзор литературы конца 60–70-х гг.).

Бессмертный Ю. Л. Человек в кругу семьи.

Блок М. Феодалное общество.

Бойцов М. А. Города Германии до конца XV в.

Бойцов М. А. Сладкая жизнь. Распорядки женской половины Тирольского двора.

Брагина Л. М. Самосознание флорентийцев по сочинениям гуманистов XV века.

Варьяш О. И. Брачное право в Португалии XII в.

Векьо С. Хорошая жена // История женщин на Западе.

Винокурова М. В. Мир английского манора.

Виолле-ле-Дюк Э. Жизнь и развлечения в Средние века.

Гис Ф., Гис Дж. Брак и семья в Средние века.

Св. Григорий Турский. История франков.

Гутнова Е. В. Город, бюргерство и феодальная монархия.

Даларен Ж. Глазами церкви // История женщин на Западе.

Даркевич В. П. Светская праздничная жизнь Средневековья IX–XVI вв.

Десимон Р. Дворянство, «порода» или социальная категория? Поиски новых путей объяснения феномена дворянства во Франции Нового времени.

Дефурно М. Повседневная жизнь времен Жанны д'Арк.

Казагранде К. Женщина под покровительством // История женщин на Западе.

Квеннел Ч., Квеннел М. История повседневной жизни Англии 1066–1499.

Кин М. Рыцарство.

Кириллова А. А. Завещания как источник по истории средневекового английского города XIV–XV вв. // Из истории западноевропейского средневековья.

Клулас И. Повседневная жизнь в замках Луары в эпоху Возрождения.

Коскинен М. О прекрасных дамах и благородных рыцарях.

Краснова И. Л. Брак и семья в городе: Флоренция XIV–XV вв.

Краснова И. А. Деловые люди Флоренции XIV–XV веков.

Куркин А. В. Д'Артаньян средневековой Бургундии или Как начал свою карьеру капитан гвардии Оливье де Ла Марш // Бургундские войны <https://vk.com/club21105920>

Конный поединок. Миниатюра. Англия. 1450 г.

Лайбле Т. Меч. Большая иллюстрированная энциклопедия.

Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии.

Лондонские олдермены XIV–XVI веков: завещания, договоры, описи имущества. Пер. Черновой А. Н.

Лучицкая С. И. Рыцарство.

Малинин Ю. П. Франция в эпоху позднего Средневековья.

Мартьянов А. Прогулки по Средневековью.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода Империи (XIX — начало XX в.). Т. 1.

Монтанари М. Голод и изобилие. История питания в Европе.

Мортимер Й. Средневековая Англия. Гид путешественника во времени.

Мосолкина Т. В. Повседневная жизнь английского средневекового города. Бристоль XIV–XV вв.

Мосолкина Т. В. Социальная история Англии XIV–XVII вв.

Никулина Т. С. Бюргерские завещания как источник по социально-культурной истории средневекового города (на материалах Любека).

Носов К. Рыцарские турниры.

Опитц К. Как жили в Позднем Средневековье // История женщин на Западе.

Памятники права средневековой Испании. Фуэро Куэнки (1189–XIII в.), Валенсийский кодекс. Фуэро Сепульведы.

Пауэр Л. Люди Средневековья.

Пастуро М. Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола.

Пипонье Ф. Мир женщин // История женщин на Западе.

Пиренн А. Средневековые города и возрождение торговли.

Праздников А. Г. Английский город XIV–XV вв. Социальная структура и менталитет.

Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV–XV веков / Составитель и ответственный редактор Ю. Л. Бессмертный.

Рассел Д. Книга манер.

Регистры ремесел и торговли города Парижа / Пер. Л. И. Киселевой, под ред. и с предисл. А. Д. Люблинской.

Ренье-Болер Д. Литература и мистика // История женщин на Западе.

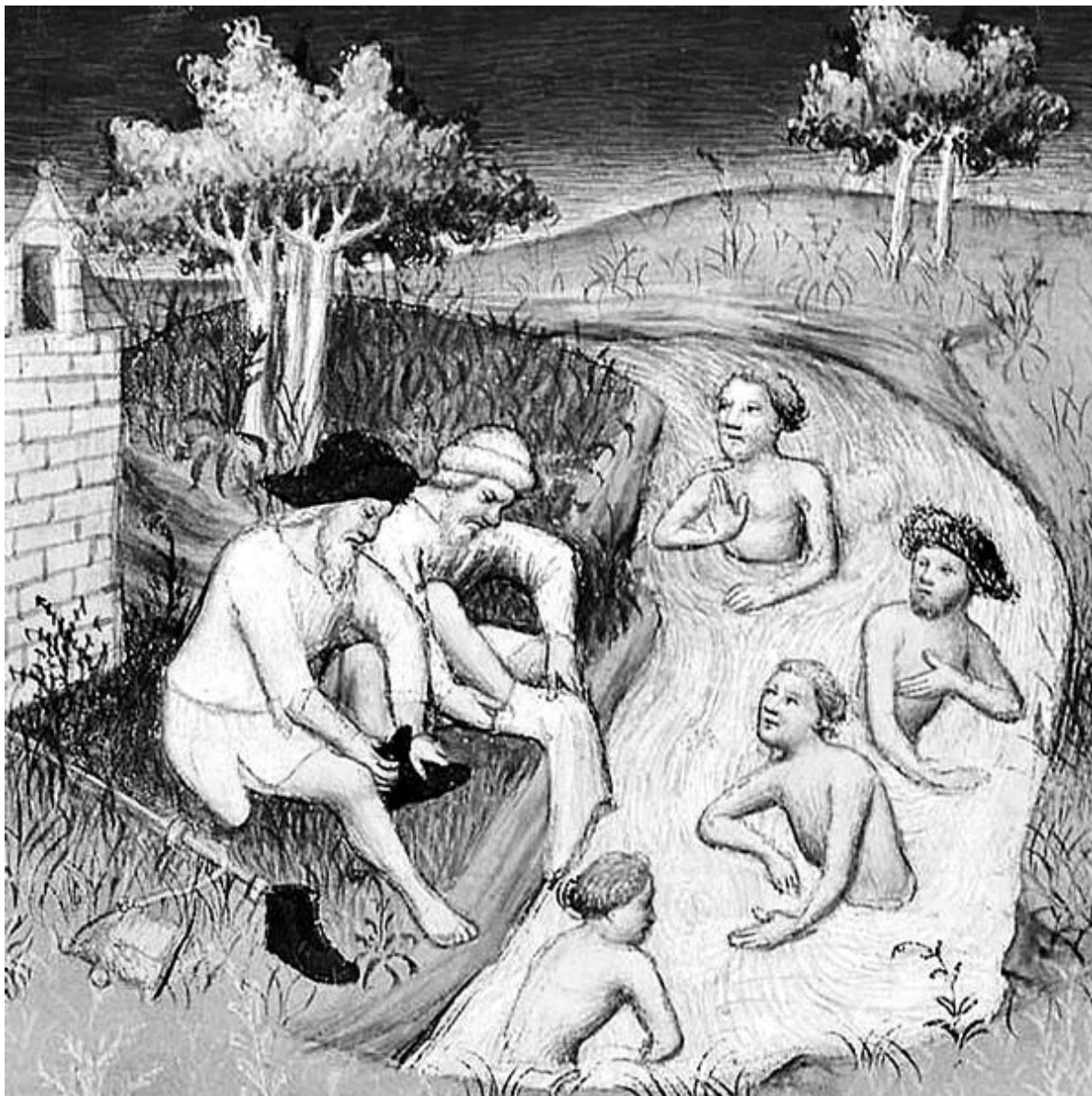
Ретина Л. П. Английский средневековый город.

Ретина Л. П. Гендерная асимметрия в браке и семье // Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого.

Ру С. Повседневная жизнь Парижа в Средние века.

Саккетти Ф. Новеллы.

Сванидзе А. А. Средневековые города Западной Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы.

Купание в реке. Миниатюра. Франция. 1410 г.

Смирнова Е. Д. Нобилитет как феномен западноевропейского Средневековья (историко-историографический аспект).

Столцицкая-Терешкович В. В. Основные проблемы истории средневекового города X–XV вв.

Стриженный луг. Фаблио XIII в.

- Томасе К.* Природа женщины // История женщин на Западе.
- Уваров П. Ю.* Социальное единство и социальный контроль внутри городских стен.
- Филаретова В. Л.* Внутрисемейные имущественные отношения в Лондоне второй половины XIII — первой половины XIV в.: опыт гендерного анализа завещательных актов.
- Флори Ж.* Повседневная жизнь рыцарей в Средние века.
- Фоссье Р.* Люди Средневековья.
- Фруамон Э.* Стихи о смерти.
- Фругони К.* Женщина изображенная // История женщин на Западе.
- Хачатурян Н. А.* Политическая организация средневекового города.
- Хейзинга Й.* Осень Средневековья.
- Чернова Л. Н.* Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв.
- Чернова Л. Н.* Правящая элита Лондона XIV–XVI вв.: олдермены в контексте экономической, социальной и политической практики.
- Чосер Дж.* Кентерберийские рассказы.
- Шекспир У.* Комедии.
- Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А. — Т. IV.
- Ястребицкая А. Л.* Западная Европа XI–XIII вв.
- Ястребицкая А. Л.* Семья в средневековом городе.

A Renaissance Courtesy Book. Edited by Lewis Einstein.

Adamson M. Food in Medieval Times.

Barron C. M. London in the Later Middle Ages. Government and People 1200–1500.

Barron C. M. London 1300–1540 // The Cambridge Urban History of Britain.

Bartlett R. The medieval world complete.

Calendar of wills proved and enrolled in the court of Husting, London. A.D. 1258–1688 / Ed. by R. Sharpe.

Dennison T. Does the European Marriage Pattern Explain Economic Growth?

Dyer C. Standards of living in the later Middle Ages: social change in England c. 1200–1520.

Egan G. The Medieval Household Daily Living c. 1150–1450.

Flemish Manuscript Painting in Context. Edited by Elizabeth Morrison and Thomas Kren.

Froissart J. The Chronicles of Froissart.

Gies J., Gies F. Life in a Medieval Castle.

Gies J., Gies F. Life in a Medieval City.

Gravett C. English Medieval Knight 1400–1500.

Hurwich, Judith J. Noble Strategies: Marriage and Sexuality in the Zimmern Chronicle.

Kendall P. Yorkist Age.

Lacroix P. Manners, Custom and Dress During the Middle Ages and During the Renaissance Period.

Lacroix P. Military and Religious Life in the Middle Ages and the Period of the Renaissance.

Leyser H. Medieval Women.

Manners and Household Expenses of England in the thirteenth and fifteenth centuries, illustrated by original records.

Moffat R. The Medieval Tournament. Chivalry heraldry and reality.

Monter E. W. ed. European Witchcraft.

Poly J.-P. Regime domanial et rapports de production «feodalistes» dans le Midi de la France (VIII–X siècles).

Richmond C. The Paston Family in the Fifteenth Century.

Robertson S. Age of Consent Laws // Children and Youth in History, 2018.

The York mercers and merchant adventurers, 1356–1917.

Thrupp S. The merchant class of the Medieval London (1300–1500).

Weir A. Elizabeth of York: A Tudor Queen and Her World.

Young, Bruce W. 2008. Family Life in the Age of Shakespeare.

---

notes

СНОСКИ

1

Филипп Новарский — знатный барон XIII века, рыцарь-крестоносец, участник нескольких Крестовых походов, видный политический деятель государства крестоносцев, юрист, искусный дипломат, талантливый поэт. Написал мемуары, где изложил исторические события, свидетелем которых был. Как поэт известен своими поэмами и лирическими сочинениями, как философ — трактатом «Четыре возраста человека».

2

Стойкая неспособность овладеть навыками письма, несмотря на достаточный уровень интеллектуального и речевого развития и отсутствие грубых нарушений зрения и слуха.

3

Св. Хильдегарда Бингенская (нем. Hildegard von Bingen, 1098–1179) — немецкая монахиня, настоятельница монастыря в долине Рейна. Автор мистических трудов, религиозных песнопений и музыки к ним, а также трудов по естествознанию и медицине.

Table of Contents

[Кэтрин Грей Средневековье. Полная история эпохи](#)

[Вступление](#)

[Что же такое средневековье?](#)

[Периоды средневековья](#)

[Мифы или не мифы?](#)

[Верить или не верить?](#)

[От рождения до смерти](#)

[В 30 лет — уже старуха...](#)

[А что насчет выживших?](#)

[Можно ли верить цифрам?](#)

[Средневековый старик](#)

[У кого хватит смелости назвать женщину старухой?](#)

[Старухи по закону.](#)

[Старые или пожилые?](#)

[Возраст любви](#)

[«Ложка дегтя»](#)

[Брачный возраст](#)

[Возраст Джульетты](#)

[А что на самом деле?](#)

[Женщины для короля](#)

[Жены Генриха VIII](#)

[Возвращаемся в средневековье](#)

[Сложный вопрос](#)

[Мнение церкви](#)

[Брак с сексом и без него](#)

[Крестьянский брак](#)

[Немного выводов](#)

[Детство](#)

[Юность — права и обязанности](#)

[Воспитание и образование](#)

[Рождение книги](#)

[Что читали в средневековье?](#)

[Карл Великий](#)

[Ричард Львиное Сердце](#)

[Возвращаясь к образованию и воспитанию...](#)

[Крестьянские подростки](#)

[Городские подростки](#)

[Ученики ремесленников](#)

[Сыновья дворян](#)

[Девочки, которым не надо было работать](#)

[Письма пасторов](#)

[Женское образование — теория и практика](#)

[Школьное образование](#)

[Уровень грамотности](#)

[Чтение и письмо](#)

[Средняя школа](#)

[Высшее образование](#)

[Средневековые университеты](#)

[Средневековый университет](#)

[Брак, секс и деньги](#)

[Зачем нужно жениться? Мнение первое — церковное](#)

[Мнение второе — практическое](#)

[А как же любовь?](#)

[Любовь — теория и практика](#)

[Практичные горожане](#)

[«Жениться по любви не может ни один король...»](#)

[От гражданского брака к церковному.](#)

[More danico](#)

[Конкубина](#)

[Христианский брак — единый и нерасторжимый](#)

[Священники — тоже мужчины](#)

[Кто выиграл от христианского брака?](#)

[Секс — теория](#)

[Супружеский долг](#)

[Оргазм](#)

[Контрацепция по-средневековому.](#)

[Оргазм — научное обоснование](#)

[Пособия по сексу](#)

[Средневековый развод](#)

[Мнение церкви](#)

[Развод в раннем средневековье](#)

[Право на развод](#)
[Дело случая или расчет?](#)
[Импотенция](#)
[Развод с импотентом — процедура](#)
[Право «разъехаться»](#)
[Неудачная сделка](#)
[Английское брачно-семейное право](#)
[Церковный суд](#)
[Брачное обязательство](#)

[Средневековая женщина](#)

[Сосуд греха](#)
[Есть ли у женщины душа?](#)
[Дева Мария](#)
[Девственность](#)
[Девственность или материнство?](#)
[Немного цифр](#)
[Изменения в положении женщин в высокое средневековье —](#)
[теории специалистов](#)
[Женщина высокого средневековья](#)
[Женщина позднего средневековья](#)
[Добродетельная женщина](#)
[Смирение, скромность и умеренность](#)
[Молчаливость](#)
[Трудолюбие](#)
[Милосердие](#)
[Послушание](#)
[Любовь к мужу](#)
[Равноправие](#)
[Юридическое бесправие](#)
[Женщина-ребенок](#)
[Плюсы женского юридического бесправия](#)
[Что из всего этого получалось на практике](#)
[Можно ли бить жену?](#)
[Средневековый фарс](#)
[Парижский горожанин](#)
[Повторные браки](#)
[Книга парижского горожанина](#)

[Немного о правах женщин](#)
[Брачный контракт](#)
[Вдовья доля](#)
[Вдовы](#)
[Вдовье право](#)
[Завещания](#)
[Завещание Уильяма Берда](#)
[Работающие женщины](#)
[Женщины-ремесленники и женщины-купцы в Германии](#)
[Женщины обычных и необычных профессий](#)
[Женщины-медики](#)
[Женщины-врачи](#)

[Мытая Европа](#)

[Грязное средневековье](#)
[Изабеллы испанские: оболганная королева и забытая принцесса](#)
[Все дело в ванне](#)
[Да здравствует мыло душистое](#)
[История мыла в средневековой англии](#)
[Блохи](#)
[Как мылись в средневековом париже](#)
[Ванны в средневековом лондоне](#)
[Как мылись небогатые англичане](#)
[Бани в разных странах европы](#)
[Средневековая канализация](#)
[Средневековые туалеты](#)
[Грязь на улицах](#)
[Манеры и поведение за столом](#)

[Средневековый рыцарь](#)

[Рыцарь и дворянин](#)
[Рождение рыцарства](#)
[Человек в доспехах и с мечом](#)
[Рыцарь или консервная банка?](#)
[Вес доспехов](#)
[Подвижность в доспехах](#)
[Турнирный доспех](#)
[И конечно запах](#)

Меч

Послесловие

Литература

Сноски

1

2

3